

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2021 Том 23 № 1

Молодежь и политика

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Ю.М., доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва, Российская Федерация
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Д.Б., кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», Москва, Российская Федерация
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Члены редакционной коллегии

Акчурина Виктория – доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта – доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин – доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр – доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола – доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич – доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна – доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашар Свати – доктор политических наук, доцент факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, ВАК, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Microsoft Academic, Research4Life

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20827.

Цели и тематика

Журнал *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. Научный журнал Вестник РУДН. Серия «Политология» ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются: политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлениям «Политология» и «Международные отношения».

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>.

Электронный адрес: politj@rudn.ru.

Литературный редактор: *И.Л. Панкратова*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 936-85-28;
e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 15.02.2021. Выход в свет 20.02.2021. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 17,5. Тираж 500 экз. Заказ № 9. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2021

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2021 VOLUME 23 No. 1

Youth and Politics

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yury M. Pochta, Doctor of Philosophy,
Full Professor of the Department of Comparative
Politics, Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department
of Comparative Politics, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova – Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ASSOCIATE EDITORS

Viktoria Akchurina – PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell – PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska – Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy – PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz – Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada – Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin – Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova – Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova – Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar – PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Associate Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Lyubov A. Fadeeva – Doctor of Political Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed international academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and post-graduate students in the fields of political science and international relations.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>.

E-mail: politj@rudn.ru.

Review editor *I.L. Pankratova*
Computer design *Yu.N. Efremova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board
RUDN Journal of Political Science:
Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. 936-85-28, fax 936-85-22;
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Popova O.V., Kazarinova D.B. In Search of Political Youth Studies as a Subfield of Political Science: Editorial Introduction (Попова О.В., Казаринова Д.Б. В поисках «политологии молодежи» как субдисциплины политической науки: представляем номер).....	9
---	---

МОЛОДЕЖЬ В ОНЛАЙН-ПОЛИТИКЕ

Негров Е.О. Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России	18
---	----

Володенков С.В., Белоконев С.Ю., Сулова А.А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета	31
--	----

Гришин Н.В. «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи.....	47
---	----

Нагорняк К.И. Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года	60
--	----

Abalian A.I., Bijan A. Youth as an Object of Online Extremist Propaganda: The Case of the IS (Абальян А.И., Бижан А. Молодежь как объект экстремистской пропаганды в интернет-пространстве: на примере «Исламского государства»)	78
---	----

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Асеев С.Ю., Качусов Д.А. Оценка эффективности программ патриотического воспитания старшими школьниками регионов Сибирского федерального округа	97
---	----

Лагутин О.В. Ценностные ориентации российской молодежи в моделях взаимодействия государства и гражданского общества	107
--	-----

Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа.....	118
---	-----

МОЛОДЕЖЬ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Шентякова А.В. Социальный капитал молодежи современного мегаполиса: возможности эмпирического исследования	130
---	-----

Abrokwa G.O., Donkor E. Bridges to Studying: Educational Migration in the Scope of Political Transformation in Post Covid-19 Pandemic in Europe (Аброква Г.О., Донкор Э. Мосты к обучению: образовательная миграция в контексте политической трансформации в период после пандемии Covid-19 в Европе).....	141
---	-----

МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИКЕ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края)	159
--	-----

Пилипенко А.Д. Молодежные общественные объединения в социально-политических процессах современной России: на примере Краснодарского края	172
---	-----

Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Роль институциональной среды в построении политических карьер молодых политических лидеров в регионах Юго-Западной Сибири	186
---	-----

CONTENTS

Popova O.V., Kazarinova D.B. In Search of Political Youth Studies as a Subfield of Political Science: Editorial Introduction	9
---	---

YOUTH IN POLITICS

Negrov E.O. Role and Features of Youth Political Online Activism in Modern Russia	18
--	----

Volodenkov S.V., Belokonev S.Yu., Suslova A.A. How Russian Youth Consume Information: Case Study of the Political Science Students of the Financial University	31
---	----

Grishin N.V. Reinforcement Theory and Study of the Impact of Internet Technologies on Political Participation of Modern Youth	47
--	----

Nagornyak K.I. Activity of Opposition Telegram Channels and Behavioral Factor of Google Users as a Research Method for Analyzing the Protests in Belarus in 2020	60
---	----

Abalian A.I., Bijan A. Youth as an Object of Online Extremist Propaganda: The Case of the IS	78
---	----

VALUE ORIENTATIONS AND PATRIOTIC EDUCATION OF YOUNG PEOPLE

Aseev S.Y., Kachusov D.A. Evaluation of the Effectiveness of Patriotic Education Programs by High School Students in the Regions of the Siberian Federal District	97
--	----

Lagutin O.V. Value Orientations of Russian Youth in Interaction Models between the State and Civil Society	107
---	-----

Aseeva T.A., Shashkova Ya.Yu. Perception of Patriotism by Schoolchildren of the Siberian Federal District	118
--	-----

YOUTH: SOCIAL AND POLITICAL CAPITAL

Shentyakova A.V. Social Capital of Youth in a Modern City: Opportunities for Empirical Research	130
--	-----

Abrokwa G.O., Donkor E. Bridges to Studying: Educational Migration in the Scope of Political Transformation in Post Covid-19 Pandemic in Europe	141
--	-----

YOUTH IN POLITICS: A REGIONAL DIMENSION

Samarkina I.V., Bashmakov I.S. Key Identity Features of Urban Youth: The Case of Krasnodar Krai	159
--	-----

Pilipenko A.D. Youth Public Associations' Political Engagement in Russia: The Case of Krasnodar Krai	172
---	-----

Aseev S.Yu., Shashkova Ya.Yu. Role of Institutional Environment in Shaping Political Careers of Young Political Leaders in the Regions of South-West Siberia	186
---	-----

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-9-17

Редакционная статья / Editorial article

In Search of Political Youth Studies as a Subfield of Political Science: Editorial Introduction

O.V. Popova¹, D.B. Kazarinova²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² RUDN University, Moscow, Russian Federation

For citation: Popova, O.V., & Kazarinova, D.B. (2021). In search of political youth studies as a subfield of political science: Editorial introduction. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 9–17. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-9-17

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISR within the framework of scientific Grant No. 20-011-31753 “Youth of megacities as a social basis for public protest: prerequisites, technologies, forms, risks and effects of political online mobilization”.

В поисках «политологии молодежи» как субдисциплины политической науки: представляем номер

О.В. Попова¹, Д.Б. Казаринова²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Для цитирования: *Popova O.V., Kazarinova D.B.* In search of political youth studies as a subfield of political science: Editorial introduction // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 9–17. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-9-17

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного гранта № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

© Popova O.V., Kazarinova D.B., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The relevance of the topic of this issue is due to the special attention to young people in the current political environment. New generational cohorts, a specific digital Generation Z, “different” youth are entering the age of active participation in politics. There are quite a lot of them, because at the turn of the millennium, since 2000 year the birth rate began to rise in Russia. In the next election cycle of 2021–2024, they will already play their role. This requires new theoretical constructions, which are still poorly introduced until now with few exceptions [Yadova 2020]. Young people approaching their 30th anniversary have passed the stage of political re-socialization after graduating from educational institutions and starting work. Their political views differ significantly from those of previous generations, as well as those who have just joined this age group and the chances of having a significant impact on the domestic policy of the country as a politically active, fairly mass group or to join the “political class” at the local or regional level are gradually increasing.

It would seem that by now the topic of youth in the social sciences, if not completely exhausted, has been analyzed and conceptualized in exceptional detail. In the classical works of G.S. Hall, K. Groos, C. Buhler, A. Freud, W. Reich, E. Fromm, and E. Erikson, young people are characterized as a socio-psychological group. M. Mead, T. Parsons, C. Reich, T. Rozaak, and E. Spranger focused on the features of this socio-cultural group, which has a peculiar way of life, style of behavior, cultural norms, and values. The issues of political socialization of young people as an object of analysis were already raised in the studies of G. Lasswell. A little later, within the systematic approach, political socialization was studied by F. Greenstein, J. Dennis, D. Easton as the basis for the formation of political support for social movements. N. Nie and S. Verba insisted on treating the political socialization of young people as role-based training. The works of K. Mannheim, which emphasize the possibilities of organizing youth as a social base of organizations and socio-political movements, have not lost their relevance. The focus on the electoral and protest civic activity of young people is traditional.

Modern researchers pay more and more attention to the comparison of the models of political leadership of young people that are being formed in different types of political culture [Agrawal, Rook 2014; Edwards 2015; Maak, Pless, Borecká 2014]. Their attention is drawn to the features of involving young people to political processes in different political regimes [Alimi, Hirsch-Hoefl 2012; Halverson, Plecki 2015], at the local level in particular [Augsberger 2018], and in context of global economic crisis [Haddon, Loughlin, McNally 2015]. At the same time, scientists continue to rely on fairly traditional theories of *leadership as a set of traits* [Ahlquist, Levi 2011], *as a function of a group or situation* [Antonakis, House 2014]. *Foreign scholars continue to support the value theory of leadership* [Day 2014] *and the theory of leadership as effective communication* [Nye 2008], *extending them to young people as well*. At the same time, there is a demand for new versions of the theory of leadership [Allio 2012; Allio 2015] and for the growing attention to the study of the motivation of young people to participate in public and political projects in the positions of leaders [Guillén, Korotov, Mayo

2015], and also for the principles of organizing the leaders' work with young members of their movements and organizations [Aurik, Fabel, Jonk 2015; Rowold, Borgmann, Diebig 2015]. The new issue of the journal provides an opportunity to see to what extent young foreign scholars taking their first steps in academia are focused on the approaches formed by Western European and American researchers.

In this situation, the question inevitably arises about the trends in the youth studies in Russian social sciences. Even using the concept of “national scientific school”, we are very far from idea of looking for the scientific knowledge outside the mainstream of world science. At the same time, it is necessary to answer a number of acute questions that allow us to determine the place of Russian scientists' research in world science. The simplest way is to find out the frequency/rarity of publications of domestic political scientists in international journals of the first and second quartile of the Web of Science and Scopus databases, as well as the citation rates of publications of Russian authors by foreign colleagues. While generally agreeing with these indicators, we note that such an assessment does not eliminate the need to present the results of the latest research in domestic scientific journals. So, to what extent do Russian social scientists use traditional approaches and theories? We try to find out whether their impact is just to identify Russian specifics while collecting new empirical data or if we can talk about new approaches and conceptualization? This thematic issue will not give unambiguous answers, but it allows us to discover some essential principles of the work of Russian political scientists in the field of youth.

The most important feature of modern Russian political youth studies is their interdisciplinary nature: analyzing the political processes associated with this socio-demographic group, so scientists inevitably include elements of sociological, psychological and, sometimes, pedagogical knowledge in their projects. It is necessary to note three more features of the approach of Russian social scientists to the analysis of political consciousness, behavior, and the role of young people in modern politics.

First, a complex choice of methodological approach, which is noticeable even in the articles presented in this issue. With a strict internal requirement to present the most objectified data, researchers rely on a wide range of methodological approaches: from constructivist and postmodern options to a strictly determined economic conditions neo-Marxist interpretation of the causes, factors, state and trends of the existence of this socio-demographic group.

Secondly, when studying young people, like perhaps no other group, it is necessary to use empirical methods such as focus groups, massive surveys and in-depth interviews. The Pushkin's phrase “Hello, a young, unfamiliar tribe!”, oddly enough, is an important indication for building research design in social science. The illusion that scientists know and understand generations a priori is instantly shattered when it comes to real field survey. To obtain the most reliable data, it is very important to use the principle of triangulation and a combination of quantitative and qualitative methods of analysis.

Third, there is an unavoidable need for scientists to choose the interpretation of young people as a subject, agent or object of influence of political actors. Such a choice is most often caused by the quite pragmatic request of the political elite to scholars to find effective technologies for forming the political consciousness and controlled models of political behavior of new generations. Leaving aside the moral aspects of such expectations of the political class, we simply note that most domestic researchers point to the limited effectiveness of the use of political communication technologies to form the desired results of political socialization and re-socialization.

Throughout the recent history of Russia, the lack of public consensus in society regarding the image of the future has not created the need for a clear youth policy. It existed on the periphery of public administration and was interpreted residually. Its institutional design in the system of political institutions of the Russian Federation was also peripheral: in some periods the bodies responsible for youth matters attained independence, but most of the time they were integrated into one of federal ministries (Ministry of Education and Science, Ministry of Labor, Ministry of Sports). There, their functionality was reduced to develop low-budget programs for patriotic education, perceived quite narrowly. In the theoretical literature, there is little research on this topic, except for individual works [Tartzan 2010].

It must be recognized that the social dynamics of modern Russia is slowed down, social lifts barely work, inequality is increasing, elites tend to lock in their stratum. In these circumstances, young people are increasingly pessimistic about the future and appears ready to protest. This happens not only in Russia. In this regard, a member of the editorial board of our journal, prof. *Piotr Dutkiewicz (Carleton University)*, asked Russian President Vladimir Putin at a meeting of the Valdai Discussion club in 2020 about the prospects for the future for young people in Russia and the global world. He noted that more than half of young people in the West believe that they will have poorer quality of life than the current generation. In response, Vladimir Putin promised to pursue a policy aimed at creating social lifts for young people¹. There is an understanding of the problem at the highest political level, but at the level of the executive branch, the protest potential of young people is the only thing that really concerns. There is a gap between the understanding that young people need to be worked with, and the development and implementation of specific tools for this work. Thus, the long-discussed and finally adopted Federal Law No. 489 “On Youth Policy in the Russian Federation” in late December of 2020 largely reflects the current picture – the law is of a framework nature, according to the lawmaker. A number of Russian social scientists gave their negative assessment (in an open letter). They argue that existing law is declarative

¹ Valdai Discussion Club Meeting Video. Retrieved October 22, 2020, from <http://kremlin.ru/events/president/news/64261/videos>

and unsystematic, it contradicts the current legislation and does not solve the problems facing the state².

Thus, the modern politics is not yet close to solving problems of young people. The same is true for political science. Whereas the Russian scientific school of youth sociology has reached maturity [Zubok, Chuprov 2020, Chuprov 2019, Chernysh 2017], including the RUDN School of Sociology [Narbut, Trotsuk 2012, Puzanova, Larina 2019], “political science of youth/ political youth studies” as a subdiscipline does not exist neither in international nor in national science: there are no relevant research committees neither in the International Political Science Association IPSA³, nor in the RPSA⁴. However, there is a large scientific capacity for the formation of “political science of youth”, associated with the work of scientific schools from Moscow [Selezneva 2020], St. Petersburg: St. Peterburg State University [Popova 2015, Lagutin, Negrov 2019] and HSE’s Centre for Youth Studies [Omelchenko 2020], Krasnodar [Samarkina, Morozova, Miroshnichenko 2018], Altai Krai [Shashkova, Aseev, Aseeva, Kazantsev 2019]. For this very reason the thematic volume is dedicated to youth in politics must have included these authors.

The perception of young being mainly as an object of political influence dominates in the Russian literature and much less attention is devoted to young people as an independent political actor, the formats of their political and civic activity. This volume attempts to bridge this gap to some extent. The high level of the materials is particularly confirmed by the fact that some of them were included in the plenary session of the Annual All-Russian Scientific Conference of the Russian Association of Political Science dedicated to “Political representation and the public sector: transformational challenges and prospects” held on November 27–28 2020, in Moscow. The guest editor of this issue, *Olga V. Popova* (*St. Petersburg State University*), made a report on “Technologies of online political mobilization of Russian Youth”, and our author *Yaroslava Yu. Shashkova* (*Altai State University*) presented a study on “Political values and Attitudes of students in Siberia and the Far East”.

In the first thematic block “Youth in online politics”, the authors focus on the structure of information consumption of young people and online technologies of political communication. The article by *Evgeniy O. Negrov* (*St. Petersburg State University*) is devoted to the study of models of virtual protest behavior and features of online mobilization of young people and the specifics of their identity and algorithms of political behavior. *Sergey V. Volodenkov* (*Lomonosov Moscow State*

² Young people do not need such a law. Scientists asked the president to postpone consideration of the relevant law. Retrieved December 23, 2020, from <https://www.kommersant.ru/doc/4626801> (In Russian).

³ Complete list of IPSA Research Committees. Retrieved December 23, 2020, from <https://www.ipsa.org/research-committees/rclist>

⁴ Complete list of RPSA Research Committees. Retrieved December 23, 2020, from https://rapn.ru/in.php?to=research_bodies

University), *Sergey Yu. Belokonev and Anastasia A. Suslova (Financial University)* study the structure of information consumption of young people, which is radically different from the traditional one. The scientists conducted a study among political science students in an academic and research Laboratory of Internet Projects and Research of the Department of Political Science and mass communications of the Financial University. They identified the effects of “digital information overload” that stimulates development and consolidation of the so called “clip consciousness” (fragmented thinking) effect due to the transition of young people from offline to online. In the theoretical article by *Nikolay V. Grishin (St. Petersburg State University)* under the title “Reinforcement Theory” and the Study of the Influence of Internet Technologies on Political Participation of Modern Youth”, an analysis of the heuristicity of the “reinforcement theory” and “mobilization theory” is proposed. The author believes that the “reinforcement theory” retains its significance for the study of political leadership among Russian youth, as well as the activities of radical youth organizations. *Kirill I. Nagornyak (Vernadsky Crimean Federal University)* complements the theory with practice and saturates it with empirical cases, using Google Trends and Telegram Analytics to study the activity of opposition Telegram channels during the last year’s protests in Belarus. The author describes these protests as a “network revolution” with the use of Internet resources for the mobilization, communication and coordination of protesters. Researchers *Anna I. Abalyan and Aref Bijan (St. Petersburg State University)* observe propaganda tools and mechanisms of radical Islamist ideas among youth audience on the Internet. Among the reasons for their huge effectiveness, the authors see technology of creation of an extensive and multi-tool media structure consisting of numerous funds and agencies.

The next chapter deals with the value orientations and patriotic education of young people in Russia. A group of scientists of the *Altai University* within the large research project explored ideas about patriotism of schoolkids of Siberia (*Tatiana A. Aseeva, Yaroslava Yu. Shashkova*) and the programs of Patriotic education in the region (*Sergey Y. Aseev, Dmitriy A. Kachusov*). The study identified a growing number of young people who do not share patriotic values and who have critical outlook of patriotic education programs. They share a local (not general civic) identity, and do not define themselves as patriots. This is a political reality that must be taken into account and needs urgent work, not only in Siberia, but also at the national level. *Oleg V. Lagutin (St. Petersburg State University)*, in his empirical study, identifies groups of young people stratified by value orientations, the specific relations between the state and civil society, and other factors. This kind of classification can make youth policy more diversified and targeted, and therefore more effective.

In the chapter devoted to the social and political capital of young people, *Anna V. Shentyakova (St. Petersburg State University)* examines the context of a modern metropolis to assess and identify the protest potential of residents of large cities in Russia based on the materials of an empirical study. *Godfred Abrokwa (RUDN University)* and *Emmanuel Donkor (Charles University)* dedicated their

review article to the changes that have taken place in the lives of young people since the start of the Covid-19 pandemic in Europe. The problems of economic inequality, the loss of cultural identity, the change in electoral models and the transformation of political systems pose new challenges to the younger generation. The opportunities for educational migration, which served as a bridge to overcome global inequality and a transnational social lift, have collapsed due to the pandemic, and the consequences of this are yet to be assessed.

The final chapter concentrates on the regional dimension of the topic “Youth in politics”. Based on the results of qualitative research among the youth of the Krasnodar region, *Irina V. Samarkina and Igor S. Bashmakov (Kuban State University)* examine the local identity of urban youth and identify its main components in the system of social identities of young people on the example of large and medium-sized cities of the region. An article by *Alexander D. Pilipenko (Lomonosov Moscow State University)* is also devoted to this region. The sphere of his research interest and practical work includes youth public associations. Through the survey, the author identified the increasing influence of youth public associations on socio-political processes, personnel policy, the activation of youth activities, the volunteer movement, the articulation of the young people’s interests as a special social group of the population. Siberia is the second main case of this issue. *Sergey Yu. Aseev and Yaroslava Yu. Shashkova (Altai State University)* studied the experience of building political careers of young leaders in the regions of South-West Siberia and concluded that the capacity of career lifts for young people in the regional political process is weak.

No doubt, the topics and approaches outlined here do not exhaust the general topics of “youth and politics”, “youth in politics”, “youth policy” and other dimensions of research area. The discussion on the legislative framework of youth policy and its institutional design continues. New formats and channels of work with young people will certainly appear in the upcoming electoral cycle. Scientists have yet to provide a clearer, theoretically and empirically based answer to the question of whether the increasing political activity of young people on the Internet leads to an increase or decrease in political activity in real offline life.

References

- Agrawal, A., & Rook, C. (2014). Global leaders in East and West: Do all global leaders lead in the same way. *Advances in Global Leadership*, 8, 155–179.
- Ahlquist, J. S., & Levi, M. (2011). Leadership: What it means, what it does, and what we want to know about it. *Annual Review of Political Science*, 14, 1–24.
- Alimi, E. Y., & Hirsch-Hoefler, S. (2012). Structural victimization and favoritism: Structure of political opportunities and threats and movement-counter movement interaction in segmented composite regimes. *Comparative Politics*, 44, 331–349.
- Allio, R. J. (2012). Leaders and leadership-many theories, but what advice is reliable? *Strategy & Leadership*, 41(1), 4–14.
- Allio, R. J. (2015) Good strategy makes good leaders. *Strategy and Leadership*, 43(5), 3–9.

- Antonakis, J., & House, R. J. (2014). Instrumental leadership: Measurement and extension of transformational-transactional leadership theory. *The Leadership Quarterly*, 25(4), 746–771.
- Augsberger, A. (2018). Engaging youth in municipal government: Moving toward a youth-centric practice. *Journal of Community Practice*, 26(1), 41–62.
- Aurik, J., Fabel, M., & Jonk, G. (2015). A leader's guide to an organization-wide strategy journey. *Strategy and Leadership*, 43(3), 15–24.
- Chernysh M. F. (2017). Students' perception of social justice in contemporary Russian society. In *Russia Reforming: Yearbook: issue 15*. Moscow, 341–368. (In Russian).
- Chuprov, V. I. (2019). Formation of the national school of youth sociology. *Russia Reforming: Yearbook: issue 17*. Moscow, 103–125. DOI: 10.19181/ezheg.2019.5. (In Russian).
- Day D. V. et al. (2014). Advances in leader and leadership development: A review of 25 years of research and theory. *The Leadership Quarterly*. 25(1), 63–82.
- Edwards, G. (2015). Anthropological accounts of leadership: Historical and geographical interpretations from indigenous cultures. *Leadership*, 11(3), 335–350.
- Guillén, L., Korotov, K., & Mayo, M. (2015). Is leadership a part of me? A leader identity approach to understanding the motivation to lead. *Leadership Quarterly*, 26(5), 802–820.
- Haddon, A., Loughlin, C., & McNally, C. (2015). Leadership in a time of financial crisis: What do we want from our leaders? *Leadership and Organization Development Journal*, 36(5), 612–627.
- Halverson, T. J., & Plecki, M. L. (2015). Exploring the politics of differential resource allocation: Implications for policy design and leadership practice. *Leadership and Policy in Schools*, 14(1), 42–66.
- Lagutin O. V., & Negrov E. O. (2019). Evaluation of the prospects of the political future by Russian youth. *Konfliktologia*, 14(4), 28–43. DOI: 10.31312/2310-6085-2019-14-4-28-43. (In Russian).
- Maak, T., Pless, N. M., & Borecká, M. (2014). Developing responsible global leaders. *Advances in Global Leadership*, 8, 339–364.
- Narbut, N. P., & Trotsuk, I. V. (2012). Sociological evaluation of neighbor countries' images as perceived by Russian students: Methodological and content components. *RUDN Journal of Sociology*, 4, 95–106. (In Russian).
- Nye, J. S. (2008). *The Powers to Lead*. Oxford: Oxford University Press US, 226 p.
- Omelchenko, E. (2020). Russian youth in XXI century. *Baltic Rim Economies*, 1.
- Popova, O. V. (2015). Political identity of St. Petersburg youth (the results of empirical political research, November 2013). *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 1, 4–13. (In Russian).
- Puzanova, Zh. V., & Larina, T. I. (2019). Social dimension of students' problems under the development of the contemporary university infrastructure. *RUDN Journal of Sociology*, 19(4), 800–813 DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-800-813. (In Russian).
- Rowold, J., Borgmann, L., & Diebig, M. (2015). A “Tower of Babel”? – Interrelations and structure of leadership constructs. *Leadership and Organization Development Journal*, 36(2), 137–160.
- Samarkina, I. V., Morozova, E. V., & Miroshnichenko, I. V. (2018). Perception of Europe by young generation in the context of new reality of world politics (the case of Krasnodar). *Polis. Political Studies*, 3, 110–129. DOI: 10.17976/jpps/2018.03.08. (In Russian).
- Selezneva, A. (2020). Value orientations and civil-political activity of young Russian patriots. *History and Modern Perspectives*, 3, 62–70. DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-62-70. (In Russian).
- Shashkova, Ya. Yu., Aseev, S. Yu, Aseeva, T. A., & Kazantsev, D. A. (2019). The Problem of the efficiency of political participation among the Russian youth (on the example of Altai Krai and Novosibirsk Oblast). *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 51, 192–204. DOI: 10.17223/1998863X/51/20. (In Russian).

- Tartzan, V. N. (2010). The state youth policy in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*, 3, 156–160. (In Russian).
- Yadova, M. A. (2020). Generation of millennials in Russian society: In Search of another youth. *Polis. Political Studies*, 6, 181–188. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.14. (In Russian).
- Zubok, J., & Chuprov, V. I. (2020) Youth life strategies: Implementation of expectations and social moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 13–41. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1602. (In Russian).

About the authors:

Popova Olga Valentinovna – Doctor of Political Science, Full Professor, Head of the Department of Political Institutes and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (e-mail: o.popova@spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0002-0701-7767).

Kazarinova Daria Borisovna – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Russian Federation) (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID ID: 0000-0002-9416-5898).

Сведения об авторах:

Попова Ольга Валентиновна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: o.popova@spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0002-0701-7767).

Казаринова Дарья Борисовна – кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: kazarinova-db@rudn.ru) (ORCID ID: 0000-0002-9416-5898).

МОЛОДЕЖЬ В ОНЛАЙН-ПОЛИТИКЕ YOUTH IN POLITICS

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-18-30

Научная статья / Research article

Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России

Е.О. Негров

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Исследование посвящено роли и особенностям молодежного политического онлайн-активизма в современной России. Рассмотрены актуальность, основные аспекты и критерии эффективности молодежной политики в области коммуникации. Предлагаются основные шаги, направленные на повышение эффективности такой коммуникации, связанные с четким формулированием потребностей различных групп людей с помощью грамотного социально-политического мониторинга с проведением независимых количественных и качественных исследований; выстраиванием конструктивного диалога, способствующего позитивной, конструктивной и конвенциональной активизации политического поведения молодежных групп; работой на преодоление аполитичности и абсентеистских тенденций молодежи, а также расширением политико-управленческой концепции «Электронное государство» не только формально, но и содержательно. Далее анализируется структура протестного поведения, выделяются несколько уровней рассмотрения протеста, каждый из которых имеет свою специфику и особенности анализа. Это уровень глубинных причин и конкретных мотивов для появления публичного протеста; уровень доминирующего стиля публичного манифестирования каких-либо протестных настроений, имеющий свое основание преимущественно в психоэмоциональной сфере; и, наконец, уровень особенностей политического поведения с вполне конкретными тактиками и стратегиями протестного поведения. Также обращается внимание на тот факт, что молодежь как социальная группа неоднородна и представляется целесообразным разделить ее возрастную структуру на три стадии (от 14 до 20, лет, от 21 до 24 лет, и от 25 до 30 лет). Заключительная часть статьи посвящена моделям виртуального протестного поведения. Выделяются модель полного неструктурированного протеста; деятельностно-целевая кооптационная; проактивно-лоялистская; адаптационно-фрустрационная; политизированно-гражданская и локальная модели. Полученные к настоящему времени результаты позволяют зафиксировать существенные особенности онлайн-мобилизации как исходя из особенностей функционирования виртуального пространства, так и с точки зрения основного объекта исследования – молодежи и специфики ее идентичности и алгоритмов политического поведения. Все это позволяет говорить о релевантности выстраиваемых моделей

© Негров Е.О., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

классификации различных механизмов мобилизации, что обуславливает практическую значимость исследования.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политическое поведение, молодежная политика, онлайн-активизм, виртуальное пространство, публичная политика

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного гранта № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

Для цитирования: *Негров Е.О.* Роль и особенности молодежного политического онлайн-активизма в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 18–30. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-18-30

Role and Features of Youth Political Online Activism in Modern Russia

E.O. Negrov

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

Abstract. The presented article is a study dealing with the role and characteristics of youth political online activism in modern Russia. The relevance, main aspects and criteria of the effectiveness of youth policy in the field of communication are considered. There are following basic steps suggested: to improve the effectiveness of such communication associated with a clear articulation of the needs of various groups of people through competent socio-political monitoring with independent quantitative and qualitative research. Building a constructive dialogue to promote positive, constructive and conventional activation of the political behavior of youth groups; work to overcome the apolitical and absentee tendencies of young people, as well as the expansion of the political and managerial concept of “Electronic state” not only formally, but also substantively, are among these steps. Further, the study analyzes the structure of protest behavior, distinguishes several levels of protest consideration, each of which has its own specifics and features for the analysis. This is the level of deep reasons and specific motive for the emergence of a public protest; the level of the dominant style of public manifestation of any protest moods, which has its basis in the predominantly psycho-emotional sphere; and, finally, the level of peculiarities of political behavior with very specific tactics and strategies of protest behavior. It draws attention to the fact that youth as a social group is heterogeneous and it seems appropriate to divide its age structure into three stages (from 14 to 20, years old, from 21 to 24 years old, and from 25 to 30 years old). The final part of the article deals with the models of virtual protest behavior. The model of a complete unstructured protest is highlighted; activity-target co-optation; proactive-loyalist; adaptation and frustration; politicized civil and local models. The results obtained to date make it possible to record the essential features of online mobilization, both based on the features of the functioning of the virtual space, and from the point of view of the main object of research: youth and the specifics of its identity and algorithms of political behavior. All this allows us to speak about the relevance of the constructed classification models for various mobilization mechanisms, which determines the practical significance of the study.

Keywords: political communication, political behavior, youth policy, online activism, virtual space, public policy

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISR within the framework of scientific Grant No. 20-011-31753 “Youth of megacities as a social basis for public protest: prerequisites, technologies, forms, risks and effects of political online mobilization”.

For citation: Negrov, E.O. (2021). Role and features of youth political online activism in modern Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 18–30. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-18-30

Актуальность, роль, основные аспекты и критерии эффективности молодежной политики в области коммуникации

Мировая карта культурных ценностей, так называемая «диаграмма Инглхарта», созданная классиком современной политической социологии Рональдом Инглхартом, убедительно фиксирует наличие мировых существенных сдвигов от социального конформизма и патримониализма к идее гражданского участия и самопознания [Инглхарт 2018]. Манифестируемая, причем практически на всех уровнях, активизация гражданской инициативы наблюдается сегодня и в России, а в молодежной среде это проявляется едва ли не самым выпуклым образом¹. При этом отношение к этим процессам вполне амбивалентное – так, с одной стороны, органы власти практически всех уровней декларируют необходимость привлечения молодежи к осуществлению и влиянию на политические события², а, к примеру, у всех парламентских партий в России есть свои юридически оформленные молодежные отделения, почти всегда с разветвленной региональной структурой³, но с другой – на уровне официального политического и академического дискурсов высказываются серьезные опасения по поводу возможных негативных последствий для стабильности политической системы всякого рода молодежной активности⁴.

Ключевыми и приоритетными целями государства в области молодежной политики официально заявлены совершенствование правовых, социально-

¹ См., к примеру: [Ахчиев 2020; «Пересборка митинга» 2018; Ушкин 2014 и т. д.]; Леонов С. Почему в России растут протестные настроения / портал URA.RU. – 2020, 08.01.20. – URL: <https://ura.news/articles/1026279424> (дата обращения 30.10.2020); Новый спектр политических настроений в российском обществе в 2020 г.: доклад независимой исследовательской группы «Группа Белановского» / личный сайт С. Белановского. – URL: <http://www.sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-V-ROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf> (дата обращения: 30.10.2020);

² См.: Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года / Распоряжение Правительства РФ от 29.11.14 № 2403-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/662e0e7aa555bcfc2aee8f8b2bd98385e4e74ee4 (дата обращения: 25.10.2020).

³ См. официальные сайты всех парламентских партий («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия»).

⁴ См.: Галанина А. Николай Патрушев заявил о росте влияния несистемной оппозиции на молодежь // Коммерсантъ. 2020. 30 октября. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/4556776>; [Пономарев и др. 2018; Пырма 2019; Риэкиннен 2017].

экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны⁵.

При этом в полный рост встает вопрос эффективности и критериев ее измерения проведения молодежной политики в целом и государственных инвестиций в молодежную политику в частности. Простым увеличением финансовых вложений существенного прогресса в повышении конвенциональной гражданской активности добиться нельзя – это показали как так называемые «тучные» годы экономической стабильности и развития (с 2008 по 2014 г.), так и последовавшие за ними годы менее благоприятной экономической и политической конъюнктуры. Прежде всего, представляются целесообразными следующие шаги:

- четкое формулирование потребностей различных групп людей «на местах» с помощью грамотного социально-политического мониторинга с проведением независимых количественных (анонимные опросы) и качественных (фокус-группы, глубинные интервью) исследований;
- выстраивание конструктивного диалога, способствующего позитивной, конструктивной и конвенциональной активизации политического поведения всех групп, и в данном контексте, в первую очередь, молодежи, а также создание условий для такого диалога;
- работа на преодоление аполитичности и абсентеистских тенденций молодежи. Аполитичность, с одной стороны, является поколенческой чертой, всегда присущей данной страте общества в определенный период ее развития, а, с другой стороны, ее усугубление приводит к непониманию или радикальному толкованию протекающих в государстве политических процессов и уверенности в невозможности легальными и конвенциональными методами изменить ход принимаемых властных решений. Используя в том числе и эмоциональную нестабильность молодежи, разные сообщества, изначально настроенные деструктивно, аккумулируют протестные настроения в социуме, канализируя их зачастую весьма экстремистским способом и обостряя тем самым общественно-политическую обстановку в стране;
- расширение политико-управленческой концепции «Электронное государство» не только формально, но и содержательно с тем, чтобы увеличить доверие граждан к власти, соединив при этом государство и гражданское общество при помощи различных информационных инструментов.

⁵ Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года / Распоряжение Правительства РФ от 29.11.14 № 2403-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/662e0e7aa555bcfc2ace8f8b2bd98385e4e74ee4 (дата обращения: 25.10.2020).

Онлайн-активизм внутри структуры протестного поведения: методы и возможности анализа

Очевидно, что массовое распространение и проникновение цифровых каналов коммуникации, существенно увеличившееся в 2020 году из-за объективных пандемических обстоятельств, способствовало и способствует появлению и развитию новых форм политического поведения и политического участия граждан. Цифровой формат общественного акционизма охватил ряд крупнейших городов Российской Федерации. Площадкой для сетевых демонстраций и акций стали официальные платформы Яндекса (Яндекс-Навигатор и Яндекс-Карты), виртуальные протестные мероприятия были зафиксированы в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Красноярске, Волгограде, Краснодаре, Хабаровске и других городах [Ахременко и др. 2020; Гаврилов, Макаренко 2020].

Мы согласны с рядом исследователей, в частности с классиком современной российской политической социологии и одним из основоположников качественных исследований в Российской Федерации С. Белановским⁶, в том, что внутри современного российского общества можно зафиксировать тенденцию к росту протестных настроений. Очевидно, что в связи с общемировыми тенденциями (усиление ценностных расколов, усугубление экономического кризиса, тяжелая и непредсказуемая пандемическая ситуация и т. д.) такого рода усиление фиксируется в большинстве стран мира, причем есть места, где оно уже приняло весьма радикальные и неконвенциональные формы (массовые беспорядки в США, революция в Кыргызстане, усиление индивидуального терроризма во Франции, длительные и массовые общественные выступления в Беларуси и т. д.). При этом специфика социального протеста в России состоит в его неравномерности, дисперсности, более рельефном выражении в отдельных стратах, как пространственно-территориальных (крупные города), так и социально-демографических (молодежь).

Следует отметить, что тематика молодежного протеста в первые десятилетия XXI века, специфика и особенности трансформации этого процесса представляют предмет достаточно пристального анализа мирового научного сообщества [Graham 2002; Handbook of Identity... 2011; Herrera 2012]. Также свое отдельное освещение получает проблема именно молодежного политического протестного поведения в наступившую «цифровую эпоху», делающую не столь существенными, как раньше, различия между реальным и виртуальным, а сами эти различия – отдельным предметом для исследования [Кафтан 2018; Структура и дискурс... 2017; Титов 2020 и т. д.]. Также в этой связи играют весьма важную роль исследования, связанные с проблемами

⁶ Новый спектр политических настроений в российском обществе в 2020 г.: доклад независимой исследовательской группы «Группа Белановского» / личный сайт С. Белановского. URL: <http://www.sbelan.ru/Research-Presentations/NOVYJ-SPEKTR-POLITICHESKIH-NASTROENIJ-V-ROSSIJSKOM-OBSHHESTVE-V-2020-g.pdf> (дата обращения: 30.10.2020).

идентичности и проблемами отдельных «поколенческих» групп населения, в нашем случае – собственно, молодежи, через призму протеста [Мы не немые... 2014; Структура и дискурс... 2017; Ушкин 2014].

Сам по себе социальный протест – достаточно давний и хорошо изученный концепт [Handbook 2011; Калиев 2020 и др.], но его специфика в постоянно меняющемся мире, как с точки зрения развития технических средств выражения и манифестирования этого протеста, так и с точки зрения появления все новых и новых поводов к его выражению, непрерывно меняется, и моделирование определенных универсальных алгоритмов и уровней протеста должно явиться не только значимой в теоретическом плане, но и практически полезной задачей. В этой связи выделим несколько уровней рассмотрения протеста, каждый из которых имеет свою специфику и особенности анализа:

- 1) **глубинные причины** и конкретные **мотивы** для появления публичного протеста. На этом уровне следует выделять достаточно рациональные и объективные причины, лежащие в плоскости экономики, социального расслоения, видимой и консенсусно понимаемой несправедливости в части распределения тех или иных ресурсов, и т. п. Сами эти причины могут быть выражены как во вполне конкретных показателях, которые можно измерить и классифицировать (уровень доходов на душу населения, количество коек на тысячу пациентов, транспортная связанность региона и т. д.), так и в оценке «ощущений», измеряемых социологическими методами (синтез количественных и качественных исследований). Глубина и степень возможного разрыва между «объективным» и «субъективным» в этом вопросе сами по себе будут важным показателем конфликтного потенциала;
- 2) доминирующий **стиль** публичного **манифестирования** каких-либо протестных настроений, имеющий свое основание преимущественно в психоэмоциональной сфере. Принятые, приемлемые нормы, степень их конвенциональности и брутальности сами по себе должны быть предметом для пристального изучения экспертного сообщества. Это хорошо видно, к примеру, в рамках оценки влияния на публичный стиль дискуссии в общероссийском масштабе дискурса, транслируемого федеральным телевидением [см., к примеру, Поцелуев 2008];
- 3) **особенности**, собственно, **политического поведения** с вполне конкретными тактиками и стратегиями поведения протестного – как в виртуальном, так и в реальном пространстве. И здесь изучение конкретных кейсов – от экологических «антимусорных» инициатив на границе Архангельской области и Республики Коми (знаменитый «Шиес») или вокруг одного из шиханов в Республике Башкортостан до определенных политических требований (продолжающиеся уже более нескольких месяцев события в Хабаровске, связанные с арестом губернатора С. Фургала, интрига с назначением мэра Тамбова, начавшаяся сразу после Единого дня голосования 13 сентября 2020 года и так и не закончившаяся к началу

ноября, и т. д.) – тоже может быть весьма релевантным для построения прогнозных моделей возможного развития протестных событий.

Теоретико-методологические рамки предлагаемых исследовательских практик представляют собой использование политической психологии, а также сравнительного и коммуникативного подходов. Еще классики коммуникативной социологии Э. Гидденс и М. Кастельс отмечали, что любое очерченное информационно-коммуникативное пространство формирует собственную повестку и свои «правила игры», а в случае пространства Интернета это правило подтверждается весьма и весьма выпукло – своими особыми формами и средствами манифестирования протеста, особенностями самоидентичности и самопозиционирования и т. д. [Гидденс 2004; Кастельс 2016].

В рамках же политической психологии наиболее релевантным будет анализ сущностных характеристик виртуального протеста – молодежного или любого другого, причем не только на этапе «созревания» «гроздьев гнева», но и менее наглядных эмоциональных, ценностно-мотивационных факторов зарождения и развития настроений разной степени протестности и интенсивности. Также не стоит забывать, что виртуальный контент состоит не только из вербальных или легко подверженных текстовой транскрипции единиц анализа, но и большого количества таковых, весьма и весьма трудных для такого рода транскрипции – это картинки, «мемы», «лайки», «гифки» и т. п. невербальные знаки. Тональность, эмоциональная и контекстная направленность такого рода контента должна быть проанализирована с помощью сочетания качественного и количественного контент-анализа.

Рассуждая о поколенческих особенностях конкретной социально-демографической группы, а именно молодежи в возрастном диапазоне от 14 до 30 лет, нельзя забывать о реальных хронологических рамках, в которых проходили различные этапы социализации этой самой молодежи. Соответствие различных этапов социализации реальному историческому хронотопу представлено в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Соответствие различных этапов социализации современной молодежи реальному историческому хронотопу / Correspondence of various stages of socialization of modern youth to the real historical chronotope

Годы рождения / Years of birth	Возраст / Age	Периоды социализации / Periods of socialization				
		III с 3–5 лет / years	IV с 6–11 лет / years	V с 12–20 лет / years	VI с 20–25 лет / years	Зрелость / Maturity от 25 лет / years
2000–2006	14–20	2003–2011	2006–2017	2012 – н. в. / present	2020 – н. в. / present	н. в. / present
1996–1999	21–24	1999–2004	2002–2010	2008–2019	2016 – н. в. / present	н. в. / present
1990–1995	25–30	1993–2000	1996–2006	2002–2015	2010–2020	2015–2020

Источник: составлено в рамках авторской классификации и анализа периодов социализации Э. Эриксона [Erikson E. 2000] / Source: Compiled within the framework of the author's classification and analysis of periods of socialization E. Erikson [Erikson 2000].

Из представленных в табл. 1 данных видно, что молодежь как социальная группа неоднородна и представляется целесообразным разделить ее возрастную структуру на три стадии, исходя из третьего и четвертого периодов социализации, когда в полной мере проявляется стремление к выделению собственного «Я», расширяется сфера общения, а возможности семейной социализации практически исчерпаны [подробнее см. Erikson 2000]. Таким образом, можно говорить об особенностях восприятия и поведения групп молодежи от 14 до 20 лет, от 21 до 24 лет и от 25 до 30 лет.

Модели виртуального протестного поведения: опыт структурирования

Важным преимуществом виртуальных сообществ является скорость распространения информации и скорость коммуникации между его членами. Сообщества, преимущественно находящиеся в офлайне, ограничены постоянной необходимостью непосредственной работы с населением. В работе же онлайн-сообществ свобода и быстрота распространения информации является ключевым фактором, что позволяет за очень небольшое время транслировать определенные идеи, декларировать цели и задачи, решать тактические и стратегические вопросы для неограниченного круга лиц, иногда исчисляющегося миллионами пользователей.

При этом нельзя забывать, что при анализе сущностных факторов и составляющих протеста добросовестный исследователь должен опираться не только на количественные показатели (количество участников, соотношение поддерживающих, нейтральных и отрицающих то или иное предложение членов группы, число постов, лайков, перепостов и т. д.), но и всевозможные качественные характеристики (факторы, влияющие на увеличение интенсивности протеста, повышение личной мотивации участия и т. д.). В качестве универсальных единиц анализа протестной активности мы предлагаем рассматривать:

- общее количество зарегистрированных участников (на основных и сопутствующих ресурсах, с учетом «реальных», дублирующих и «фейковых» аккаунтов);
- количество просмотров постов, видеоматериалов, фотоматериалов и т. д. (пассивные действия);
- количество лайков и репостов той или иной информации, а также количество положительных и отрицательных комментариев (проактивные действия);
- детальный социально-демографический анализ участников пассивных и проактивных действий (публичное манифестирование или отсутствие такового пола, возраста, социального положения, особенностей трудоустройства и т. д.) в привязке к представленным в табл. 1 в предыдущем разделе статьи возрастным стадиям.

При этом, сравнивая и анализируя соотношение пассивных и проактивных действий, нельзя забывать одну специфическую особенность современного общественно-политического процесса – слабо обнаруживаемую на практике корреляцию между манифестированием собственной политической идентичности и декларацией готовности к разного рода конвенциональным и неконвенциональным действиям и, собственно, реальными действиями, которые можно зафиксировать в офлайне (феномен так называемых «диванных войск»). Это, на наш взгляд, связано как с рядом исторических и социально-политических причин (определенная культура «двоемыслия» и политического лицемерия – в отличие, к примеру, от социального и бытового лицемерия, намного более развитого в обществах с более сильными демократическими традициями), так и с конкретными особенностями современного политического процесса, что фиксируется в том числе и рядом наших предыдущих исследований (см., например: [Лагутин, Негров 2019]).

Тем не менее, учитывая все вышесказанное, можно выделить несколько уже вполне действующих и еще только формирующихся моделей виртуального протестного поведения:

- 1) модель **полного неструктурированного протеста** (объект протеста предельно широк и абстрактен («ситуация вокруг», «жизнь», «достало все» и т. д.); мотивация участия неструктурирована и весьма динамична). Уровень неконвенциональности и агрессивности при этом достаточно высок, велико использование тактик диффамации, употребление пейоративной и сниженной лексики, преобладание эмоционально окрашенных оценок и т. д.;
- 2) **деятельностно-целевую кооптационную** модель – с одной стороны, четкое манифестирование приверженности определенным ценностям-целям (материальное благополучие, комфортное качество жизни, свобода в принятии решений), а также потребности в самореализации, особенно свойственной молодому поколению, а с другой – наделение реальной действительности множеством недостатков разной степени определенности, которые можно, так или иначе, исправлять. При этом манифестируется готовность к участию в конвенциональных формах защиты интересов, потребность в коллективной самореализации, преобладание социал-демократической самоидентификации, обнаруживается склонность к участию в выборах при достаточно выраженном социальном скептицизме;
- 3) **проактивно-лоялистскую** модель – участие в работе различных организаций, как государственных, так и общественных, с использованием социальных сетей; достаточно активная форма защиты интересов, целерациональные причины вступления в молодежные политические организации, особенно на региональном уровне, достаточно непротиворечивая политическая самоидентификация, тяготеющая к либерализму, в целом лояльное отношение к государству при готовности

- реализовывать свое активное избирательное право, социальный оптимизм или реализм;
- 4) **адаптационно-фрустрационную** модель. Здесь можно зафиксировать публично рефлекслируемый мотив противоречия между собственными индивидуальными финансовыми и карьерными устремлениями и социальными ценностями, публично поддерживаемыми официальными и лоялистским политическим дискурсом. Фиксируется достаточно высокая активность в социальных сетях, использование существенных временных и интеллектуальных ресурсов на поддержание собственной «виртуальной личности» с сравнительно малой активностью в офлайне. При этом именно в этой модели нам видится достаточно эффективный выход из такой фрустрации через волонтерское движение, различные формы активности гражданского общества и т. д.;
 - 5) **политизированно-гражданскую** модель (борьба именно с политическим режимом, олицетворяемым партией власти на местах, первым лицом государства, борьба против «жуликов и воров» и т. д. Мотивы следования такой модели различны – это и преобладание ценности личной и коллективной свободы, и борьба с ее подавлением («цензура», «полицейщина», «полицейское государство» и т. д.), и сильное отторжение целей и скрытых мотивов самой власти («одна коррупция», «они отдельно – народ отдельно»), и сильное раздражение неэффективностью управления как такового, причем эта неэффективность может критиковаться с самых разных позиций – и в сфере здравоохранения и ЖКХ, и в геополитической роли страны и эффективности отстаивания ее интересов на мировой арене;
 - 6) **локальная** модель, ориентирующая на решение конкретных проблем в региональном масштабе. При этом можно зафиксировать осознанную эклектичность политической и социальной самоидентификации, манифестацию способности к непоследовательным и противоречащим друг другу действиям ради достижения какой-то конкретной цели (тот же урбанизм).

Заключение

Подводя итог, можно зафиксировать, что молодежное сознание в рамках манифестирования своего политического поведения достаточно структурировано, при том, что внутри этих структур царит пресловутое политическое разномыслие. В сознании молодежи сформирован определенный образ политического поведения на современном этапе. В его основе лежат разные основания – как этические, апеллирующие к справедливости политических решений, так и прагматические, связанные со стремлением к безопасности и необходимостью принимать существующие «правила игры». Так как довольно часто молодые люди не могут понять, каким образом ключевые проблемы политических процессов соотносятся с их собственными проблемами и каким

образом публичные политические практики могут повлиять на их собственную повседневную жизнь, мы можем зафиксировать достаточно существенный разброс мнений и манифестируемых практик, что, собственно и оставляет дискуссионным вопрос о том, как именно интерпретировать сами механизмы политической коммуникации – через призму фактора стабильности или через точку зрения тлеющего конфликта и недовольства, способного существенно изменить социально-политический ландшафт современной России. Именно в этом направлении, на наш взгляд, кроются возможности для, собственно, релевантных оценок эффективности профилактики конвенциональных форм политического поведения, чтобы зреющие «гроздьи гнева» не превратились в те ягодки, которые погрузят в хаос современный нам общественно-политический дизайн.

Полученные к настоящему времени результаты позволяют зафиксировать существенные особенности онлайн-мобилизации, как исходя из особенностей функционирования виртуального пространства, так и с точки зрения основного объекта исследования – молодежи и специфики ее идентичности и алгоритмов политического поведения. Все это позволяет говорить о релевантности выстраиваемых моделей классификации различных механизмов мобилизации, что обуславливает практическую значимость исследования.

Поступила в редакцию / Received: 02.11.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
- Ахчиев И. М.* Трансформация политического поведения молодежи в современном российском обществе // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXXVI Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 236–242.
- Гаврилов С. Д., Макаренко К. М.* Характер политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 3. С. 192–203. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.3.17
- Гидденс Э.* Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.: Весь мир, 2004. ISBN 5-7777-0304-6.
- Инглхарт Р. Ф.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. М.: Мысль, 2018. 334 с. ISBN 978-5-244-01202-6.
- Калиев А. А.* Трансформация протестных мероприятий в условиях развивающейся четвертой промышленной революции // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 4а. С. 189–196. DOI: 10.34670/AR.2020.12.94.024
- Кастельс М.* Власть коммуникации / пер. с англ. М.: ВШЭ, 2016. 563 с.
- Кафтан В. В.* Формы и феномены массовой коммуникации // Журнал философских исследований. 2018. Т. 4. № 1. С. 26–42.
- Лагутин О. В., Негров Е. О.* Модели политического поведения молодежного среднего класса современных агломераций: на примере основных регионов Северо-Запада и Южной

- Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 157–174. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174
- Макаренко К. М. Политизация гражданского протеста в публичном пространстве современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 12–20.
- Мы не немые! Антропология протеста в России 2011–2012 годов / сост. А. Архипова, М. Алексеевский. Тарту, 2014. 336 с.
- «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете / А. С. Архипова, Д. А. Радченко, А. С. Титков, И. В. Козлова, Е. Ф. Югай, С. В. Белянин, М. В. Гаврилова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12–35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02
- Пономарев Н. А., Белов С. И., Майлис А. А. Противодействие росту вовлеченности молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 67. С. 150–169.
- Поцелуев С. П. Политические парадигмы. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. 392 с.
- Пырма Р. В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 9 (6). С. 100–110. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110
- Ризккинен М. А. Привлечение несовершеннолетней молодежи к общественно-политической жизни: международное право и законодательство РФ // Юридическая наука. 2017. № 5. С. 36–43.
- Структура и дискурс виртуальной элиты 2.0 в России: монографическое исследование / под ред. Д. С. Мартыанова. СПб.: ЭлекСис, 2017. 124 с.
- Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 139–158. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1674
- Ушкин С. Г. Вовлеченность пользователей социальных сетей в протестное движение // Власть. 2014. № 8. С. 139–142.
- Erikson E. The Eric Erikson Reader / ed. by R. Coles. – N. Y.: W. W. Norton Company, 2000. 526 p. ISBN 003-933-2091.
- Graham C., Pettinato S. Frustrated Achievers: Winners, Losers and Subjective Well-Being in New Market Economics // Journal of Development Studies. 2002. Vol. 38. № 4. P. 100–140. DOI: 10.1080/00220380412331322431
- Handbook of Identity Theory and Research / S. J. Schwartz, K. Luyckx, V. L. Vignoles (eds.). – N. Y.: Springer, 2011. 998 p.
- Herrera L. Youth and Citizenship in the Digital Age: A View from Egypt // Harvard Educational Review. 2012. Vol. 82. № 3. P. 333–352. DOI: 10.17763/haer.82.3.88267r117u710300

References

- Akhremenko, A. S., Stukal, D. K., & Petrov, A. P. (2020). Network or text? Factors of protest spread in social media: Theory and data analysis. *Polis. Political Studies*, 2, 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06. (In Russian).
- Akhtsiev, I. M. (2020). Transformation of the political behavior of youth in modern russian society. *Fundamental and Applied Research: Topical Issues, Achievements and Innovations. Collection of Articles of the XXXVI International Scientific and Practical Conference. Penza*, 236–242. (In Russian).
- Arhipova, A. S., Radchenko, D. A., Titkov, A. S., Kozlova, I. V., Yugai, E. F., Belyanin, S. V., & Gavrilova, M. V. (2018). «Rally Rebuild»: Internet in protest and protest on the internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 12–35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02. (In Russian).
- Castells, M. (2016). *Power of Communication*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russian).

- Gavrilov, S. D., & Makarenko, K. M. (2020). The nature of political mobilization in the regional public space of the Volgograd Region. *Bulletin of the Volgograd State University. Series History. Regional Studies. International Relationships*, 25(3), 192–203. DOI: 10.15688/jvolsu4.2020.3.17. (In Russian).
- Giddens, E. (2004). *The Elusive World. How Globalization Changes Our Lives*. Moscow: Ves Mir. ISBN 5-7777-0304-6. (In Russian).
- Inglehart, R. F. (2018). *Cultural Evolution. How Human Motivations Change and How It Changes the World*. Moscow: Mysl. ISBN 978-5-244-01202-6. (In Russian).
- Kaftan, V. V. (2018). Forms and phenomena of mass communication. *Journal of Philosophical Research*, 4(1), 26–42. (In Russian).
- Kaliev, A. A. (2020). Transformation of protest measures in the context of the developing the fourth industrial revolution. *Questions of Russian and International Law*, 10(4a), 189–196. DOI: 10.34670/AR.2020.12.94.024. (In Russian).
- Lagutin, O. V., & Negrov, E. O. (2019). Models of political behavior of youth middle class of modern agglomerations: On the example of the main regions of the North-West and South Siberia. *RUDN Journal of Political Science*, 2019, 21(2), 157–174. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-157-174. (In Russian).
- Makarenko, K. M. (2020). Politicization of civil protest in the public space of modern Russia. *Bulletin of the Tula State University. Humanitarian Sciences*, 1, 12–20. (In Russian).
- Martyanov, D. S. (Eds). *Structure and Discourse of the Virtual Elite 2.0 in Russia: Monographic research*. Saint Petersburg: ElekSis. (In Russian).
- Ponomarev, N. A., Belov, S. I., & Mailis, A. A. (2018). Counteracting the growth of youth involvement in radical political protest (based on the materials of mass demonstrations in 2017). *Public Administration. Electronic Bulletin*, 67, 150–169. (In Russian).
- Potseluev, S. P. (2008). *Political Paradiologues*. Rostov-on-Don: SFedU Publishing House. (In Russian).
- Pyrna, R. V. (2019). Protest mood of Russian youth in the digital network. *Humanities. Financial University Bulletin*, 9(6), 100–110. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110. (In Russian).
- Riekkinen, M. A. (2017). Attracting underage youth to social and political life: International law and legislation of the Russian Federation. *Legal Science*, 5, 36–43. (In Russian).
- Titov, V. V. (2020). Strategies of social protest of youth in Runet: A comparative analysis of generations Y and Z. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 139–158. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1674. (In Russian).
- Ushkin, S. G. (2014). Involvement of users of social networks in the protest movement. *Power*, 8, 139–142. (In Russian).
- We Are Not Slaves! Anthropology of Protest in Russia in 2011–2012*. (2014). A. Arkhipova & M. Alekseevsky (Eds.). Tartu. (In Russian).

Сведения об авторе:

Негров Евгений Олегович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: st007528@mail.spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0003-3906-5197).

About the author:

Negrov Evgeny Olegovich – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Research of the Faculty of Political Science of Saint Petersburg State University (e-mail: st007528@mail.spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0003-3906-5197).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46

Научная статья / Research article

Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета

С.В. Володенков¹, С.Ю. Белоконев², А.А. Суслова²¹ МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования, проведенного учебно-научной Лабораторией интернет-проектов и исследований Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета среди студентов вуза. Целью работы стало выявление особенностей и структуры информационного потребления молодежи в цифровом пространстве в период пандемии COVID-19. Авторами работы проанализирована интенсивность и частота использования информационных источников разного типа, выявлены доминирующие источники общественно-политической информации, определен уровень доверия к ним, выявлены факторы, влияющие на восприятие контента сообщений. Также в статье анализируется отношение респондентов к вопросу регулирования Интернета со стороны государства, определены и структурированы субъективные оценки «оппозиционности» интернет-пространства по отношению к действующим институтам государственной власти. В работе делается вывод о том, что структура информационного потребления опрошенных респондентов демонстрирует устойчивое смещение акцента в информационно-коммуникационной активности молодежи на цифровые платформы, источники и каналы. Молодежная аудитория проводит значительную часть своего активного времени в цифровом пространстве, которое по своему объему сравнимо или даже во многих случаях превышает объем времени, проводимого в традиционном офлайн-пространстве. Следствием этого является формирование «цифровой информационной перегрузки», стимулирующей развитие и закрепление эффекта клипового сознания. В целом по итогам работы авторы делают вывод о существовании устойчивой структуры информационного потребления молодежи, обладающей ярко выраженными отличиями от традиционной структуры информационного потребления старших поколений. При этом процессы потребления информации в цифровом пространстве во многом иррациональны, а в их основе преимущественно находятся «цифровые привычки», которые формируют модели цифрового информационного потребления современной студенческой молодежи.

Ключевые слова: цифровизация общества, информационное потребление, интернет-коммуникация, социальные медиа, цифровая интоксикация

© Володенков С.В., Белоконев С.Ю., Суслова А.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Володенков С.В., Белоконев С.Ю., Сулова А.А. Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 31–46. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31–46

How Russian Youth Consume Information: Case Study of the Political Science Students of the Financial University

S.V. Volodenkov¹, S.Yu. Belokonev², A.A. Suslova²

¹ Moscow State University Lomonosov Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to analyzing the results of a study conducted by the Educational and Scientific Laboratory of Internet Projects and Studies of the Department of Political Science and Mass Communications of the Financial University among university students. The work aimed to identify the characteristics and structure of youth information consumption in the digital space during the COVID-19 pandemic. The authors analyzed the intensity and frequency of use of various types of information sources, identified the dominant sources of socio-political information, determining the level of trust in them, identified factors that affect the perception of message content. The article also analyzes the attitude of the respondents to the issue of Internet regulation by the state, defines and structures the subjective assessments of the “opposition” of the Internet space concerning existing government institutions. The paper concludes that the structure of the information consumption of the respondents shows a steady shift in the emphasis on information and communication activity of young people to digital platforms, sources, and channels. The youth audience spends a significant part of their active time in the digital space, which in its volume is comparable or even in many cases exceeds the amount of time spent in the traditional offline space. The consequence of this is the formation of “digital information overload”, stimulating the development and consolidation of the effect of clip consciousness. In general, based on the results of the work, the authors conclude that there is a stable structure of youth information consumption that has pronounced differences from the traditional structure of information consumption of older generations. Moreover, the processes of information consumption in the digital space are mostly irrational, and they are mainly based on “digital habits” that form the models of digital information consumption of modern students.

Keywords: digitalization of society, information consumption, Internet communication, social media, digital intoxication

For citation: Volodenkov, S.V., Belokonev, S.Yu., & Suslova, A.A. (2021). How Russian youth consume information: Case study of the political science students of the Financial University. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 31–46. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-31–46

Введение

Направление изучения особенностей информационного потребления в цифровой среде, принципов выбора источников и доверия им на современном этапе развития Интернета, как пространства общественно-политических коммуникаций, является, по нашему мнению, одним из наиболее актуальных в современной науке как в России, так и за рубежом [Kümpel, Karnowski, Keyling 2015; George, Paul 2020].

Существенное увеличение объема доступной информации, сопряженное со значительным снижением ее качества, интенсивное развитие социальных сетей и ресурсов социальных медиа, постоянное появление новых цифровых площадок для коммуникации и информирования во многом влияет на динамику и структуру массового потребления общественно-политической информации, трансформирует традиционные форматы информационно-коммуникационной активности людей. Особенно ярко данные эффекты проявляются в молодежной среде [Айсина, Нестерова 2019; Рачипа и др. 2019; Vyugina 2019; Dunas, Vartanov 2020; Дунас и др. 2020(a); Дунас и др. 2020(b)].

При этом мы особо выделяем термин «информационное потребление» как особый вид цифровой активности современных граждан, связанный с получением в сети Интернет информационного продукта (новостного, развлекательного, аналитического и т.д.). «Потребительский» аспект цифровой активности сетевых пользователей, на наш взгляд, хорошо описывается теоретической рамкой «капитализма платформ» – концептуального подхода, разрабатываемого в последние годы рядом ученых (в первую очередь Н. Скрничеком и Г. Ловинком) в рамках исследования современных массовых цифровых коммуникаций [Срничек 2019; Ловинк 2019]. «На самом общем уровне платформы – это цифровые структуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать. Поэтому они позиционируют себя как посредников, соединяющих между собой различных пользователей: покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров» [Срничек 2019: 41–42].

Концептуальная призма «капитализма платформ» была использована в настоящей работе для того, чтобы показать, что «информационное потребление» в цифровой среде связано в первую очередь с активностью глобальных платформ социальных медиа, задавших формат информационно-коммуникационного взаимодействия производителя информационного продукта или информационной услуги/сервиса с массовым потребителем.

Формирование новых условий жизнедеятельности современного общества, связанных с пандемией COVID-19, лишь обострило проблему массового информационного потребления, стремительно мультиплицировав его до новых масштабов, что породило эффект цифровой интоксикации, обусловленный резким ростом цифрового потребления, что особенно актуально для современной молодежи во всем мире как наиболее активного цифрового поколения.

В условиях принудительной по своей сути цифровизации становится важным внимательно исследовать структурные трансформации в сфере массового информационного потребления в интернет-пространстве. Неслучайно значительное число ученых – социологов, политологов, коммуникативистов уделяют сегодня особое внимание проблемам, связанным с изменениями, происходящими в цифровой среде в аспекте изменения структуры и объемов информационного потребления [Volodenkov, Pastarmadzhieva 2020; Pérez-Escoda et al. 2020; Iivari et al. 2020; Agostino et al. 2020; Hussain 2020].

Авторами данной работы также обращалось внимание на трансформации в обозначенном проблемном поле, в результате чего нами было проведено исследование с целью изучения особенностей структуры информационного потребления молодежи.

Задачами исследования стали:

- выявление предпочтительных интернет-каналов и интенсивности потребления общественно-политической информации студентами в возрасте от 17 до 24 лет;
- анализ субъективных данных, касающихся восприятия общественно-политической информации – доверия к источникам и личностям, персональных оценок объема потребляемого контента и объема времени пребывания в сетевом пространстве;
- определение существующих потребностей в регулировании информационного потребления, форм внешнего регулирования и потенциала внутреннего отказа от использования интернет-источников и каналов коммуникации («цифровой детокс»).

Количественное исследование проводилось среди студентов Финансового университета путем добровольного анонимного электронного опроса. Респондентам предлагалось ответить как на открытые, так и закрытые вопросы, ответы на которые после обработки и комплексирования позволили достигнуть поставленных исследовательских задач. В ходе исследования было опрошено 186 студентов I, II, III и IV курсов. Наибольшее число опрошенных попадают в возрастной диапазон 19–21 год.

Студентам было предложено ответить на ряд открытых, закрытых и полукрытых вопросов анкеты исследования, позволивших сделать релевантные выводы по итогам проекта.

Результаты исследования

Источники информации и частота их использования

Результаты исследования демонстрируют, что в структуре информационного потребления студентов Финансового университета доминируют цифровые каналы коммуникации. Максимальная частота потребления информации зафиксирована по результатам исследования в отношении социальных сетей (89,2% респондентов активно пользуются данным источником постоянно и

ежедневно), интернет-сайтов (81,4% активных пользователей), Telegram-каналов (74,4% активных пользователей), мессенджеров (61,6% активных пользователей), а также блогов (53,5% активных пользователей).

Традиционные источники информации используются респондентами значительно реже, это ярко проявляется по отношению ко всем видам классических средств массовой информации: прессе (как федеральной (20,9% активных пользователей), городской (10,4% активных пользователей), так и районной (4,7% активных пользователей)), федеральному телевидению (18,6% активных пользователей), городскому телевидению (11,6% активных пользователей), радио (7% активных пользователей). Из традиционных каналов информационно-коммуникационного взаимодействия сохранило свою относительную высокую востребованность только неформальное общение с друзьями, родственниками и знакомыми (55,8% активных пользователей).

В целом можно отметить, что структура информационного потребления опрошенных респондентов демонстрирует устойчивое смещение акцента в информационно-коммуникационной активности молодежи на цифровые платформы, источники и каналы. С высокой степенью вероятности мы можем констатировать практически окончательную потерю традиционными СМИ молодежной аудитории и переход молодежи преимущественно на цифровое потребление общественно-политической информации.

Одной из гипотез исследования стало предположение, что молодежь при получении социально-политической информации склонна ориентироваться на позиции популярных блогеров и инфлюенсеров. Данное обстоятельство позволяет констатировать, что на сегодняшний день блоги и влоги являются самостоятельным видом цифровых общественно-политических ресурсов, функционирующим в высококонкурентном цифровом публичном пространстве. При этом также следует выделить отсутствие четко выраженной информационно-коммуникационной структуры в среде блогеров, полифонии мнений, наличие в блогосфере большого числа игроков, каждый из которых не обладает монополией на суждения и мнения. Данное обстоятельство подчеркивает многополярность, противоречивость и хаотичность как характерные черты потребления информации в цифровом пространстве.

При этом высокая численность популярных блогеров и инфлюенсеров в блогосфере может служить, по нашему мнению, дополнительным фактором, способствующим фрагментации интернет-аудитории на основе различий в общественно-политических позициях, занимаемых лидерами общественного мнения и их приверженцами, составляющими активное ядро аудитории блогов.

Временная структура информационного потребления

Вывод о переходе преимущественно к цифровому потреблению общественно-политической информации, сделанный нами ранее, подтверждается результатами анализа временной структуры использования информационно-коммуникационных платформ, источников и каналов. Как демонстрируют

результаты исследования, значительное число респондентов пользуется цифровыми ресурсами на постоянной основе (на протяжении всего дня ресурсами социальных сетей пользуются 72,1% опрошенных, интернет-сайтами – 61,6% респондентов, мессенджерами – 47,7% респондентов, Telegram-каналами – 44,2% респондентов, ресурсами блогосферы 34,9% респондентов). С учетом того, что цифровые платформы не являются взаимоисключающими, аддитивная картина полученных данных свидетельствует о том, что подавляющую часть своего времени молодежь проводит в цифровом пространстве.

В целом подобный характер ответов был вполне ожидаем нами, поскольку существующие технологические решения позволяют выходить в сеть и получать информацию не по расписанию информационных программ или в ограниченные периоды, а в любой момент времени. Полученная структура ответов косвенно позволяет предположить о пресыщенности респондентов информацией со всеми вытекающими поведенческими и психологическими последствиями в виде информационного перегруза, стресса, фрагментированности и клиповости сознания, неустойчивости собственного мнения, хаотичности и противоречивости представлений, запроса на максимальное упрощение получаемой информации о социально-политической действительности.

Источники информации в интернет-пространстве и частота их использования

В рамках исследования было осуществлено уточнение структуры информационного потребления применительно к более подробному исследованию цифровых ресурсов, используемых респондентами. Анализ частотности использования различных интернет-ресурсов подтвердил гипотезу о том, что студенческая молодежь выбирает определенные ресурсы для получения информации, отсекая лишнее. Уникальной популярностью среди студентов финансового университета пользуется социальная сеть ВКонтакте – 98,9% респондентов обращаются к этой соцсети несколько раз в день или хотя бы раз в день. Данная сеть является безусловным лидером по популярности.

Также достаточно активно в ежедневном режиме респонденты пользуются ресурсами Instagram (86%), YouTube (74,4%) и Telegram (71%) – более половины респондентов просматривают их регулярно в течение дня. Также 62,8% опрошенных ежедневно используют в качестве источника общественно-политической информации цифровые информационно-новостные порталы. Не менее активно несколько раз в день респонденты пользуются ведущими поисковыми сервисами Google (82,4% респондентов) и Yandex (72,1% респондентов). С учетом аддитивного характера обозначенных цифровых ресурсов мы можем заключить, что данные платформы и сервисы являются ключевыми и доминирующими источниками для информационного потребления участниками исследования.

В ходе исследования были выявлены и изменения в предпочтениях, произошедшие за последние годы. В частности, такие ранее популярные ресурсы,

как Твиттер и LiveJournal, более не пользуются «спросом» со стороны молодежной интернет-аудитории, а социальные сети Facebook и Одноклассники стали коммуникационной площадкой для других социально-демографических аудиторий и их по-прежнему нельзя назвать молодежными. Использование порталов федеральной и столичных органов власти не имеет общего тренда, и равномерное распределение ответов по всей шкале от “несколько раз в день” до “никогда” говорит об индивидуальных и во многом ситуативных причинах активности использования данных ресурсов. В большинстве случаев федеральные и столичные порталы рассматриваются в большей степени как сервисные источники официальной информации, которая необходима не в повседневной жизни, а для решения конкретных проблем и вопросов, возникающих на нерегулярной основе. Отметим, что сайты общественно-политических изданий являются явным аутсайдером в структуре информационного потребления опрошенных участников исследования. Менее 20% респондентов пользуются данным видом ресурсов в ежедневном режиме, предпочитая потреблять цифровой контент из других источников.

В целом мы можем констатировать, что в результате исследования были выявлены цифровые платформы, сервисы и ресурсы, которые являются ключевыми в рамках цифрового информационного потребления молодежи. Особо отметим, что подавляющее число подобных платформ, сервисов и ресурсов являются иностранными, что остро ставит вопрос о цифровом суверенитете России. Для более точного определения структуры информационного потребления и перекрестного контроля качества ответов на предложенные вопросы респондентам было предложено дать субъективную оценку интенсивности использования ими цифровых ресурсов независимо от абсолютного значения затрачиваемого времени.

В оценочном определении интенсивности использования различных ресурсов выявленные ранее тенденции также подтвердились:

- респонденты активно используют популярные поисковые системы Яндекс и Google;
- ВКонтакте, YouTube, Instagram постоянно и интенсивно используются опрошенной аудиторией для потребления общественно-политического контента;
- указанные ранее площадки-аутсайдеры (Одноклассники, Facebook, Твиттер, LiveJournal) практически не используются подавляющим большинством опрошенных;
- наблюдается неопределенное отношение к частоте использования различных государственных и особенно столичных порталов, а также сайтов общественно-политических изданий.

При этом полученные данные свидетельствуют о том, что при фиксации аудитории на источнике интенсивность его использования становится субъективно максимальной (что подтверждается отклонением в субъективных оценках использования информационно-новостных порталов).

Оценка уровня доверия цифровым платформам, сервисам и ресурсам

При анализе данных, относящихся к структуре оценок доверия различными источниками, можно зафиксировать целый ряд наблюдений. В первую очередь, следует отметить отсутствие абсолютного доверия к существующим цифровым источникам общественно-политической информации со стороны респондентов. В целом мы можем констатировать определенную критичность в восприятии получаемой информации. Общий уровень оценок наиболее активно используемых цифровых сервисов, платформ и ресурсов можно определить как «средний» и «выше среднего».

Одновременно с этим наблюдается интересная зависимость между интенсивностью использования того или иного источника и уровнем доверия к нему. Так, большинство низких оценок доверия получили ресурсы, которые используются с малой степенью интенсивности (*Одноклассники, LiveJournal, Twitter, Facebook*). Мы можем предположить *существование парадоксальной концептуальной парадигмы*, заключающейся в том, что *респонденты не доверяют тем источникам, которыми не пользуются* (причина недоверия – низкоинтенсивное использование источника, а не наоборот, как можно было бы логично предположить, – низкий уровень доверия источнику – причина низкой интенсивности его использования), а не игнорируют их потому, что не доверяют им. В то же самое время высокая интенсивность использования источников напрямую определяет высокий уровень доверия им. Такая иррациональная парадигма требует своего дальнейшего исследования.

В связи с этим неслучайно, что максимальный уровень доверия получили цифровые платформы, сервисы и ресурсы, которыми респонденты пользуются наиболее активно, – *Google, Telegram, Яндекс, YouTube, информационно-новостные порталы*, а также порталы государственных и столичных органов власти (как официальные ресурсы, несмотря на более низкий уровень интенсивности их использования). При этом иные цифровые источники информации в подавляющем большинстве не пользуются доверием вообще.

Предпочтения в форматах потребления общественно-политической информации

В целом структура предпочтений в аспекте удобных форматов потребления общественно-политической информации во многом коррелирует со структурой потребления цифровых источников: респонденты отмечали в первую очередь форматы, связанные с теми ресурсами, которыми они активно пользуются, в то же самое время относя к некомфортным форматам те, которые связаны с малоиспользуемыми участниками опроса цифровыми платформами, сервисами и ресурсами.

Так, к числу наиболее востребованных форматов потребления общественно-политической информации на основе полученных в ходе исследования

данных следует отнести новостные ленты социальных сетей (в первую очередь ВКонтакте), публикации в Telegram-каналах, видеоролики, публикации в пабликах социальных сетей, результаты поисковой выдачи Google и Яндекс, посты в Instagram, мультимедийные публикации на информационных интернет-порталах. Одновременно с этим максимально неудобными для потребления респондентами были определены такие цифровые форматы, как публикация в LiveJournal, сообщения в группах WhatsApp, пост в Twitter, личные публикации пользователей социальных сетей.

По сути, речь идет о том, что участникам исследования наиболее комфортно потреблять информацию из уже знакомых им источников, при этом сама информация должна подаваться преимущественно в простой и наглядной (максимально визуализированной) форме, не требующей дополнительного осмысления (видеоролик, готовая новостная лента без необходимости поиска информации, публикация в Telegram-канале, визуализированный, например, в режиме демотиваторов, картинок, мемов) пост в паблике социальной сети, на который уже подписан пользователь, готовый результат поисковой выдачи. Иными словами, информационное потребление должно быть быстрым, легким, комфортным и привычным, не требующим больших усилий.

Инструменты повышения эффективности восприятия информации в Интернете

В целом гипотеза о том, что для повышения удобства восприятия общественно-политического контента респондентам необходимы инструменты упрощения информации, нашла свое подтверждение в ходе исследования. Так, к числу наиболее эффективных инструментов, способствующих восприятию информации, участники исследования отнесли мемы (готовая интерпретация сообщения в кратком виде), видеоролики (визуальная составляющая контента позволяет облегчить понимание текстовой информации), заголовки публикаций (позволяющие сразу понять суть сообщения, не читая его), гипертекстовые ссылки – линки (позволяющие не искать самостоятельно дополнительную информацию, на которую ссылается автор публикации, и обеспечивающую мгновенный переход на ресурс, содержащий дополнительную информацию по теме публикации), а также непосредственно упрощение самого текста. При этом инструмент структурирования информационных потоков как хэштегирование не получил высоких оценок среди респондентов. Иными словами, их в первую очередь интересует упрощение, а не структурирование информационных потоков.

Аналогично крайне низкие оценки опрошенных получила технология дополненной реальности, так как она, в понимании участников исследования, не упрощает, а дополняет информационный контент, а потому не может относиться к эффективным инструментам повышения удобства восприятия текста. Иными словами, мы вновь сталкиваемся с ситуацией, в рамках которой

респонденты заинтересованы не столько в расширении возможностей восприятия текста, сколько в упрощении информационного контента. Примечательно, что никаких других инструментов респонденты не смогли назвать самостоятельно, ориентируясь исключительно на предложенный список.

Факторы влияния на значимость сообщения

В рамках исследования нам удалось выявить высокое значение в аспекте влияния на важность полученного сообщения количественных характеристик таких инструментов социальной активности, как лайки, ретвиты, репосты, пользовательские комментарии. Иными словами, на важность сообщения оказывает влияние не столько контент публикации, сколько количественные показатели его оценки интернет-пользователями.

Структура оценок значимости пользовательских комментариев в процессе потребления информационного сообщения во многом сходна со структурой оценок значимости инструментов социальной активности при восприятии значимости публикации. Вновь результаты исследования демонстрируют достаточно высокую значимость пользовательских комментариев и их существенное влияние на восприятие информационного сообщения. Отметим, что, как и в предыдущем случае, мы можем наблюдать в структуре оценок определенный кластер респондентов (15,1%), готовых самостоятельно оценивать как значимость, так и суть публикации.

Оценка необходимого уровня регулирования Интернета

В целом значительная часть респондентов, принявших участие в исследовании, согласны с необходимостью регулирования Интернета как пространства общественно-политических коммуникаций. Однако в своем подавляющем большинстве участники опроса выступают за умеренное, адекватное регулирование цифровых платформ, сервисов и ресурсов, направленное не столько на ограничение свободы пользователей, сколько на конструирование безопасного и комфортного в повседневной жизни цифрового пространства, в котором право граждан на информацию защищено, но само поведение ограничивается определенными правилами, направленными на предотвращение девиантных и экстремистских, а также незаконных форм сетевого поведения.

Структура ответов может быть с определенным допущением описана гауссовским распределением, с характерным всплеском в середине распределения. Весьма важным является отсутствие ярко выраженных кластеров экстремальных оценок (0–1 и 9–10), что может демонстрировать достаточно разумное и спокойное отношение респондентов к весьма болезненной для молодежи, активно пользующейся цифровыми источниками информации, теме регулирования сетевого пространства. Иными словами, запрос на умеренное и справедливое регулирование Интернета, введение определенных регулятивных правил устойчиво существует, ярко выраженного стремления к

абсолютно свободному цифровому пространству (что изначально было ожидаемо в молодежной среде) либо же к его абсолютному регулированию результаты исследования не демонстрируют.

Несмотря на умеренный запрос на регулирование интернет-пространства, при рассмотрении конкретных методов его регулирования большинство респондентов продемонстрировало уже иную структуру ответов. Подавляющее число участников исследования выступает категорично против вмешательства в частную жизнь и контроля за личной перепиской в почтовых сервисах и мессенджерах, многие респонденты негативно относятся к блокировке цифровых ресурсов со стороны государства, значительная часть участников исследования не согласна с регулированием результатов поисковой выдачи поисковых сервисов. Что примечательно, другие методы регулирования, не перечисленные в анкете исследования, получили еще более негативные оценки респондентов, что может свидетельствовать о негативных ожиданиях участников опроса в сфере регулирования Интернета со стороны государственных структур.

Результаты исследования демонстрируют любопытную картину: в целом респонденты не против регулирования Интернета, но когда речь заходит о конкретных методах регулирования, то они получают более отрицательные оценки со стороны участников исследования. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что существующие на сегодняшний день методы регулирования цифрового пространства не воспринимаются респондентами как достаточно справедливые, и мы можем констатировать формирование запроса на более гибкие, релевантные, общественно приемлемые методы, которые общество воспринимало бы как честные, справедливые и легитимные, что формирует определенные вызовы для органов государственного контроля и регулирования, так как отрицательное отношение сетевых пользователей к деятельности государства в сфере контроля и регулирования интернет-пространства может формировать устойчивое недовольство со стороны молодежи и в дальнейшем вызывать определенные негативные социально-политические эффекты.

Оценка степени оппозиционности Интернета по отношению к государственной власти в России

Результаты проведенного исследования демонстрируют значительную хаотичность и противоречивость оценок респондентами степени оппозиционности Интернета по отношению к государственной власти в России. Структура ответов участников опроса весьма неоднозначна, равно как и аргументация высказанных позиций.

Так, с одной стороны, ряд участников считают Интернет сугубо прогосударственным пространством, аргументируя это наличием прецедентов с недостоверной подачей информации, практически полным отсутствием независимых средств массовой информации, сильной цензурой, а также стремления

государства к блокировке интернет-ресурсов (сайтов, социальных сетей и т.д.), которые содержат оппозиционный контент. Еще одним аргументом прогосударственного характера Интернета стала позиция, согласно которой Интернет является частью гражданского общества, которое сосуществует с государством и в государстве. Также респонденты, поддерживающие прогосударственность Интернета в России, высказывали мнения о полной подконтрольности ключевых цифровых ресурсов государственным институтам власти. При рассмотрении соотношения прогосударственных и оппозиционных источников на данный момент превалируют первые. Это связано с существованием в России функции контроля Интернета, социальных сетей, мессенджеров на предмет оскорбления власти, клеветы и пр. Весьма показательным в этой связи выглядит ответ одного из участников исследования: «Я боюсь лайкать комментарии».

С другой стороны, в ходе исследования определенная часть продемонстрировала противоположную позицию, отметив высокую степень оппозиционности Интернета. В качестве аргументов респонденты приводили следующие позиции: сетевое пространство является оппозиционным из-за того, что государственные источники плохо работают в Интернете; Интернет – самая свободная в современной России площадка выражения мнений, поэтому Интернет столь же оппозиционен, сколь и сами россияне. Исходя из массовой усталости и раздражения властью, Интернет оппозиционен, тем более на фоне откровенно пропагандистских федеральных телеканалов; оппозиционный, так как в нем более свободно высказываются мнения; действия власти ведут к оппозиционности Интернета, а не он оппозиционен сам по себе; аудитория, представленная в Интернете, в своем большинстве придерживается оппозиционных взглядов, не доверяя телевидению; Интернет оппозиционен авторитарной власти, общество отвергает нынешнюю власть; множество каналов на YouTube, в Telegram и т.д. являются оппозиционными, т.е. контент Интернета (особенно в социальных медиа) имеет оппозиционный характер; оппозиция, особенно несистемная, в Интернете работает лучше. Кроме того, у общества существует сейчас эффект «черных очков» – не доверять властям и доверять любой информации, даже если она сомнительна, но противоположна мнению власти; основной аудиторией, создающей и потребляющей политический контент в Интернете, является молодежь и люди среднего возраста, которые в своем большинстве оппозиционны власти; мнения можно выражать более открыто, государству контролировать оппозиционные посты мгновенно после выхода достаточно трудно; Интернет скорее оппозиционный, так как он сосредоточивает в себе всю молодежь, среди которой антиправительственные настроения становятся неким подобием моды; Интернет скорее оппозиционный, так как доля провластных источников информации в Интернете меньше, чем среди других СМИ.

Одновременно с этим итоги исследования демонстрируют наличие и третьего кластера ответов, характеризующегося неоднозначностью оценок степени

оппозиционности интернет-пространства. В рамках данного кластера респонденты аргументировали свою позицию тем, что Интернет как явление сам по себе нейтрален, но он предоставляет разнообразные ресурсы, которые являются оппозиционными или провластными, обеспечивая равновесность и представленность обеих сторон. Интернет – это площадка мнений, в ней есть как прогосударственные элементы, так и оппозиционные, что формирует разнонаправленные по политической окраске потоки информации. При этом весьма интересной выглядит позиция одного из респондентов, сформулировавшего следующий ответ: «Интернет нейтрален. Просто он дает возможность для обмена информацией между людьми. И если власть не исполняет свои обязанности – то интернет оппозиционный. Если же все супер, то он может быть прогосударственным».

Следует отметить, что часть респондентов вообще затруднилась с оценкой степени оппозиционности Интернета, ограничившись констатацией сложности в понимании данного вопроса. Можно констатировать, что полученные в ходе исследования оценки респондентов в целом не позволяют выделить доминирующий среди студентов Университета ответ в отношении того, насколько оппозиционен Интернет по отношению к действующей власти в России. Тем не менее нам удалось выделить три ключевых кластера оценок, которые и были приведены выше.

Выводы

В целом по итогам проведенного исследования мы можем сделать вывод о том, что студенческая молодежь имеет четко выраженную и при этом устойчивую структуру информационного потребления, характеризующуюся доминированием цифровых информационно-коммуникационных источников. При этом в рамках цифрового пространства коммуникаций далеко не все информационные источники являются привлекательными для потребления и пользуются высоким уровнем доверия к ним.

Во многом уровень доверия респондентов определяется наличием определенных «цифровых привычек потребления», и ставшие уже привычными для использования источники пользуются существенно более высоким уровнем доверия.

Интенсивность цифрового информационного потребления молодежи по итогам проведенного анализа результатов исследования можно определить как высокую, сопровождающуюся информационной перегрузкой интернет-пользователей. Субъективные оценки принявших участие в опросе студентов лишь подтверждают данный вывод. Однако результаты исследования не демонстрируют ярко выраженной готовности молодежи снизить объем времени присутствия в цифровом пространстве.

При этом большинство опрошенных согласны с необходимостью разумного регулирования интернет-пространства с целью формирования комфортной безопасной информационно-коммуникационной среды. Несмотря на

наличие подобной лояльной позиции в вопросе регулирования процессов массовой интернет-коммуникации, респонденты весьма негативно относятся к существующим на сегодняшний день методам регулирования, считая их не вполне адекватными для обеспечения безопасности цифрового пространства.

Особо следует отметить, что участники исследования не считают в своем подавляющем большинстве Интернет оппозиционным по отношению к государству и его институтам власти. Во многом восприятие Интернета характеризуется отношением к нему, как изначально нейтральному, но при этом высококонкурентному пространству, в котором потенциал влияния на массовую аудиторию доступен значительному числу акторов. И именно от компетенций данных акторов, их активности, качества их информационно-коммуникационной деятельности зависит, каким будет национальный сетевой сегмент в итоге – прогосударственным или оппозиционным.

В качестве ключевого вывода, который мы можем сделать по итогам проведенного исследования, выступает тезис о том, что на уровне информационного потребления на сегодняшний день уже существует межпоколенческий цифровой разрыв, который необходимо учитывать при организации и реализации информационно-коммуникационных проектов в общественно-политической и социальной сферах.

Поступила в редакцию / Received: 10.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Айсина Р. М., Нестерова А. А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. № 10 (4). С. 42–57. DOI: 10.17759/sps.2019100404
- Дунас Д. В., Вартанов С. А., Кульчицкая Д. Ю., Салихова Е. А., Толоконникова А. В. Мотивационные факторы медиапотребления российской цифровой молодежи: результаты пилотного исследования // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2020. № 2. С. 3–27. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2020.327
- Дунас Д. В., Салихова Е. А., Толоконникова А. В., Филаткина Г. С. Мотивы медиапотребления учащейся молодежи: результаты опроса в Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 278–302. DOI: 10.17223/19986645/67/15
- Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019.
- Рачина А. В., Брусенцева Д. М., Фаткулина Л. А. Интернет-технологии как средство управления процессом медиасоциализации молодежи // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 2. С. 230–234.
- Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. DOI: 10.17323/978-5-7598-1786-4
- Agostino D., Arnaboldi M., Lema M. D. New development: COVID-19 as an accelerator of digital transformation in public service delivery, Public Money & Management, 2020. DOI: 10.1080/09540962.2020.1764206
- Dunas D., Vartanov S. Emerging Digital Media Culture in Russia: Modelling the Media Consumption of Generation Z // Journal of Multicultural Discourses. 2020. № 15 (2). P. 186–203. DOI: 10.1080/17447143.2020.1751648

- George B., Paul J. *Digital Transformation in Business and Society. Theory and Cases*, Springer International Publishing, Palgrave Macmillan Publ., 2020. DOI: 10.1007/978-3-030-08277-2
- Hussain W. Role of Social Media in COVID-19 Pandemic // *The International Journal of Frontier Sciences*. 2020. No. 4 (2). P. 59–60. DOI: 10.37978/tjfs.v4i2.144
- Iivari N., Sharma S., Ventä-Olkkonen L. Digital transformation of everyday life – How COVID-19 pandemic transformed the basic education of the young generation and why information management research should care? // *International Journal of Information Management*. 2020. Vol. 55. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102183
- Kümpel A. S., Karnowski V., Keyling T. News sharing in social media: A review of current research on news sharing users, content, and networks // *Social Media + Society*. 2015. No. 1 (2). DOI: 10.1177/2056305115610141
- Pérez-Escoda A., Jiménez-Narros C., Perlado-Lamo-de-Espinosa M., Pedrero-Esteban L. M. Social Networks' Engagement During the COVID-19 Pandemic in Spain: Health Media vs. Healthcare Professionals // *International journal of environmental research and public health*. 2020. No. 17 (14). DOI: /10.3390/ijerph17145261
- Volodenkov S. V., Pastarmadzhieva D. D. Digital society in the context of the COVID-19 pandemic: first results and prospects (comparative analysis of the experience of Russia and Bulgaria) // *Journal of Political Research*. 2020. No. 2. P. 80-89. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-80-89
- Vyugina D. Generation Z in Russia: the digital divide of the generation Putin // *Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People)* / Ed. by C. Scholz, A. Rennig. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 253–274.

References

- Agostino, D., Arnaboldi, M., & Lema, M. D. (2020). New development: COVID-19 as an accelerator of digital transformation in public service delivery. *Public Money & Management*. DOI: 10.1080/09540962.2020.1764206
- Aysina, R. M., & Nesterova, A. A. (2019). Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: Effects and risks. *Social Psychology and Society*, 10(4), 42–57. DOI: 10.17759/sps.2019100404. (In Russian).
- Dunas, D., & Vartanov, S. (2020). Emerging digital media culture in Russia: Modelling the media consumption of generation Z. *Journal of Multicultural Discourses*, 15(2), 186–203. DOI: 10.1080/17447143.2020.1751648
- Dunas, D., Salikhova, E., Tolokonnikova, A., & Filatkina, G. (2020). Media consumption by studying youth: Results of a survey in Moscow, Nizhny Novgorod and Rostov-on-Don. *Tomsk State University Journal of Philology*, 67, 278–302. DOI: 10.17223/19986645/67/15. (In Russian).
- Dunas, D.V. et al. (2020). Motivation factors in media consumption of “digital youth” in Russia: Results of a pilot study. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2, 3–27. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2020.327. (In Russian).
- George, B., & Paul, J. (2020). *Digital Transformation in Business and Society. Theory and Cases*. Springer International Publishing, Palgrave Macmillan Publ. DOI: 10.1007/978-3-030-08277-2
- Hussain, W. (2020). Role of social media in COVID-19 pandemic. *The International Journal of Frontier Sciences*, 4(2), 59-60. DOI: 10.37978/tjfs.v4i2.144
- Iivari, N., Sharma, S., & Ventä-Olkkonen, L. (2020). Digital transformation of everyday life – how COVID-19 pandemic transformed the basic education of the young generation and why information management research should care? *International Journal of Information Management*, 55. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2020.102183
- Kümpel, A. S., Karnowski, V., & Keyling, T. (2015). News sharing in social media: A review of current research on news sharing users, content, and networks. *Social Media + Society*, 1(2). DOI: 10.1177/2056305115610141

- Lovink, G. (2019). *Critical Theory of the Internet*. Moscow: Ad Marginem Press, The Museum of Contemporary art “Garage”. (In Russian).
- Pérez-Escoda, A., Jiménez-Narros, C., Perlado-Lamo-de-Espinosa, M., & Pedrero-Esteban, L. M. (2020). Social networks’ engagement during the COVID-19 pandemic in Spain: Health media vs. healthcare professionals. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(14), 5261. DOI: /10.3390/ijerph17145261
- Rachipa, A. V., Brusentseva, D. M., & Fatkulina, L. A. (2019). Internet technologies as a means of managing the media socialization process of young people. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2, 230–234. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-2-230-234. (In Russian).
- Srnicek, N. (2019). *Platform Capitalism*. Moscow: HSE Publishers. DOI: 10.17323/978-5-7598-1786-4. (In Russian).
- Volodenkov, S. V., & Pastarmadzhieva, D. D. (2020). Digital society in the context of the COVID-19 pandemic: First results and prospects (comparative analysis of the experience of Russia and Bulgaria). *Journal of Political Research*, 2, 80–89. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-80-89
- Vyugina, D. (2019). Generation Z in Russia: The digital divide of the Generation Putin. In C. Scholz & A. Rennig (Eds.), *Generations Z in Europe (The Changing Context of Managing People)*. Bingley: Emerald Publishing Limited.

Сведения об авторах:

Володенков Сергей Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0003-2928-6068).

Белоконев Сергей Юрьевич – кандидат политических наук, доцент, научный руководитель Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (e-mail: syubelokonev@fa.ru) (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421).

Сулова Анастасия Андреевна – руководитель учебно-научной Лаборатории интернет-проектов и исследований Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (e-mail: asiasuslova@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0001-5744-2211).

About the authors:

Volodenkov Sergey Vladimirovich – Doctor of Political Science, Professor, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Moscow State University Lomonosov (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0003-2928-6068).

Belokonev Sergey Yuryevich – PhD in Political Science, Associate Professor, Scientific Director of the Department of Political Science and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (e-mail: syubelokonev@fa.ru) (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421).

Suslova Anastasia Andreevna – Head of the Laboratory for Internet Projects and Research, Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: asiasuslova@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0001-5744-2211).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59

Научная статья / Research article

«Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи

Н.В. Гришин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Рассматриваются методологические возможности «теории подкрепления» в области изучения влияния интернет-технологий на политическое поведение. Выявлены перспективы «теории подкрепления» в контексте изменения роли интернет-технологий в политическом процессе с начала 2010-х гг. и роста популярности конкурирующих методологических направлений, прежде всего – «теории мобилизации». Установлено, что соперничество «теории подкрепления» и «теории мобилизации» на современном этапе переходит в состояние методологического дуализма. «Теория подкрепления» не только сохранила значимость в условиях роста политической мобилизации периода 2010-х гг., но и получила дальнейшее развитие: новый концепт «выборочного уклонения» дополнил ее теоретический аппарат. «Теория подкрепления» сохраняет свою значимость для изучения политического лидерства в среде российской молодежи, деятельности радикальных молодежных организаций. Одним из факторов сохранения методологического потенциала «теории подкрепления» при изучении политического активизма российской молодежи является практическое совмещение ее принципов с сетевым подходом.

Ключевые слова: теория подкрепления, теория мобилизации, политический активизм, российская молодежь

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного гранта № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

Для цитирования: Гришин Н.В. «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 47–59. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59

© Гришин Н.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Reinforcement Theory and Study of the Impact of Internet Technologies on Political Participation of Modern Youth

N.V. Grishin

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. The article examines the methodological possibilities of reinforcement theory in the field of studying the influence of Internet technologies on political behavior. The prospects of the “theory of reinforcement” are considered in the context of the changing role of Internet technologies in the political process since the beginning of the 2010s and the growing popularity of competing methodological directions, first of all, the “theory of mobilization”. It is revealed that the rivalry between the theory of reinforcement and the theory of mobilization at the present stage turns into a state of methodological dualism. Reinforcement theory not only retained its significance in the context of the growth of political mobilization in the period of the 2010s, but also received further development: the new concept of “selective avoidance” supplemented its theoretical apparatus. Reinforcement theory retains its significance for the study of political leadership among Russian youth, the activities of radical youth organizations. One of the factors in preserving the methodological potential of reinforcement theory in the study of the political activism of Russian youth is the practical combination of its principles with the network approach.

Keywords: theory of reinforcement, theory of mobilization, political activism, Russian youth

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISR within the framework of scientific Grant No. 20-011-31753 “Youth of megacities as a social basis for public protest: prerequisites, technologies, forms, risks and effects of political online mobilization”.

For citation: Grishin, N.V. (2021). Reinforcement theory and study of the impact of internet technologies on political participation of modern youth. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 47–59. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59

Введение

Среди методологических подходов к изучению влияния интернет-технологий на политическое поведение населения особую значимость имеет теория «подкрепления» (reinforcement).

Разработанная еще в середине XX века, «теория подкрепления» первоначально была ориентирована на объяснение влияния СМИ и современных средств массовых коммуникаций на политическое сознание и поведение населения [Lazarsfeld et al. 1944]. По мере развития Интернета и современных информационных технологий область применения этой теории расширилась, и она оказалась востребована для осмысления процессов в данной сфере [McLeod et al. 2002]. В настоящее время в науке происходит изменение отношения к оценке возможностей данной теории [Nam 2012; Choi, Kwon 2019]. В течение 2010-х гг. на новый уровень вышло методологическое соперничество «теории подкрепления» и, как многими считается, противоположной ей

«теории мобилизации», которая более высоко оценивает возможности современных технологий по влиянию на политическое сознание и поведение граждан [Соколов, Палагичева 2020: 271]. На исход этого противостояния влияют также произошедшие в последние годы важнейшие события в области распространения и развития современных информационных технологий, которые, по мнению ряда исследователей, несовместимы с фундаментальными принципами «теории подкрепления» [Vissers, Stolle 2013]. Таким образом, на современном этапе вопрос о сохранении «теорией подкрепления» методологических возможностей и перспектив становится особо острым. Данный вопрос приобретает дополнительную значимость в контексте изучения закономерностей политического активизма молодежи за пределами стран западной демократии, в частности в современной России.

Задачей статьи является оценка методологических возможностей «теории подкрепления» для изучения влияния интернет-технологий на политические установки и политический активизм современной молодежи.

Предпосылки применения «теории подкрепления» в изучении политических эффектов современных информационных технологий

В середине XX века «теория подкрепления» завоевала статус одного из ведущих подходов в изучении влияния СМИ на политическое сознание и поведение населения.

«Теория подкрепления» строится на утверждении, что люди ищут и воспринимают только ту информацию, которая соответствует их взглядам и убеждениям. Основное предположение, лежащее в основе этой теории, состоит в том, что люди не любят ошибаться и испытывают дискомфорт при получении информации, заставляющей подвергать сомнению их позицию. «Теория подкрепления» предсказывает, что люди с уже сформировавшимися мнениями будут выборочно искать только ту информацию, которая поддерживает их собственные взгляды.

«Теория подкрепления» исходит из признания трех механизмов: выборочной экспозиции (*selective exposure*), выборочного восприятия (*selective perception*) и выборочного сохранения (*selective retention*).

Механизм выборочной экспозиции состоит в гипотетическом стремлении людей избегать информации, которая может иметь противоречивый характер или, тем более, поколебать их собственные представления. Таким образом, человек осуществляет отсев диссонирующей информации, фокусируя свое внимание на информации желательной.

Механизм выборочного восприятия состоит в применении человеком особых приемов по отношению к восприятию диссонирующей информации, которой ему не удалось избежать. Такими приемами могут быть оспаривание достоверности источника информации, а также выборочное игнорирование

информации или ее интерпретация в ключе, допускающем некоторое соглашение с убеждением и представлениями человека.

Механизм выборочного сохранения (или запоминания) заключается в том, что люди запоминают только ту информацию, которая соответствует их предрасположенности. Таким образом, диссонирующая информация быстрее и легче «забывается», в то время как информация, подтверждающая взгляды человека, закрепляется и удерживается в сознании, в частности за счет ее частого использования для подкрепления своей позиции.

Вероятно, в отчетливом виде «теория подкрепления» в отношении традиционных СМИ была впервые представлена в книге П. Лазарсфелда, Б. Берелсона и Х. Годэ «Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании» (1944 г.) [Lazarsfeld et al. 1944].

Распространение Интернета и современных информационных технологий по-разному повлияло на состояние трех основных механизмов, предусмотренных «теорией подкрепления». В отношении «механизма выборочной экспозиции» можно констатировать его значительное усиление. В новых условиях потребитель сам становится на место «водителя», определяя, из каких каналов он предпочитает получать новости и информацию. Как отмечают Д. Маклеод, Дж. Косицки и Дж. Маклеод, в эпоху Интернета «отбор информации... гораздо более специализирован и индивидуализирован» [McLeod et al. 2002: 221]. Таким образом, возможности потребителя отсеивать диссонирующую информацию только возрастают. К этому нужно добавить также резко возросшие возможности людей по поиску информации, соответствующей их взглядам и служащей для их подкрепления.

В отношении механизмов «выборочного восприятия» и «выборочного сохранения» можно предположить, что распространение Интернета и современных информационных технологий повлияло в меньшей степени. Однако и в данном случае можно отметить, что социальные сети и технологии Web 2.0 превращают современного человека в активного субъекта распространения информации. Следовательно, практика активного общения и распространения информации в сети также усиливает механизм «выборочного сохранения». Современный человек не только легче находит именно ту информацию, которая соответствует его взглядам, но и более прочно усваивает ее благодаря специфике сетевых дискуссий [Шерстобитов 2013].

В целом особенности использования Интернета в современном обществе дают немало аргументов для сторонников «теории подкрепления». Развитие сетевых онлайн-групп, объединенных по идеологическим и ценностным принципам, наличие персональных страниц у политических деятелей и т.д. – все это не только способствует многообразию и альтернативности источников информации, но и создает возможности для образования весьма замкнутых однородных сообществ, участники которых «подкрепляют» политические взгляды друг друга.

Период преобладания «теории подкрепления» в изучении вопросов влияния интернет-технологий на политические установки

«Теория подкрепления» оказалась востребованной уже на раннем этапе исследований влияния Интернета на политическую активность населения. В начале 2000-х гг. в работах ряда авторов возникла и получила распространение точка зрения, что интернет-технологии будут использоваться для политического участия, прежде всего, со стороны тех, кто уже активен офлайн и использует более традиционные каналы передачи информации [Best, Krueger 2005].

В начале 2010-х гг. американский исследователь Т. Нэм пришел к выводу, что научная литература, ориентированная на изучение влияния интернет-технологий на политическое участие, преимущественно склоняется к «теории подкрепления» [Nam 2012]. Период явного преобладания данной теории в этой области знаний продолжался, по нашим оценкам, примерно до начала 2010-х гг. Между тем финские исследователи К. Страндберг и Т. Карлсон и в 2016 г. отмечали, что политические процессы современного этапа свидетельствуют в пользу теории подкрепления [Strandberg, Carlson 2016].

Канадские ученые С. Виссерс и Д. Штолле определяют смысл «теории подкрепления» применительно к данной предметной области следующим образом: «...онлайн-формы политического участия идентичны своим офлайн-аналогам и, таким образом, могут рассматриваться как разные выражения одного и того же вида политического участия... Интернет... не изменит политической мотивации и интересов людей и не сможет привлечь новых людей в политику» [Vissers, Stolle 2013: 944].

В отличие от применения «теории подкрепления» к изучению влияния традиционных СМИ при изучении влияния Интернета и современных информационных технологий важное значение приобрел вопрос о неравномерности доступа к этим технологиям и «цифровом неравенстве». Проблема цифрового неравенства, имевшая особую остроту в начале XXI века, может быть определена как один из факторов, способствующих преобладанию «теории подкрепления» в научных работах этого периода.

Одна из важнейших идей, на которых базируется применение «теории подкрепления» при изучении влияния Интернета на общество, состоит в признании неспособности современных информационных технологий принципиально сократить разрывы между отдельными социальными группами. В качестве таких устойчивых разрывов (или расколов) выступают различия между политически активными и неактивными гражданами, а также между отдельными группами в зависимости от уровня овладения современными технологиями. Из этой идеи может следовать предположение, что даже в случае «оптимистического сценария» политической активизации общества в целом, дистанция между услышанными и неслышанными голосами будет сохраняться, и, следовательно, Интернет не изменит и не сократит существующее неравенство политического участия.

Таким образом, «теория подкрепления» тесно смыкается с социально-демографическим подходом и в значительной степени базируется на его принципах. Социально-демографический подход исходит из сохранения влияния социальных характеристик (в первую очередь возраста, уровня образования, дохода, профессиональной принадлежности) на политическое поведение; предполагается, что новые технологий не в состоянии нивелировать эти устойчивые отличия. В оценках влияния Интернета на политические изменения в обществе сторонники «теории подкрепления» склоняются (в меньшей или в большей степени) к технологическому скептицизму.

В период преобладания «теории подкрепления» в первое десятилетие XXI в. актуальным оставалось предположение, что молодые люди больше вовлечены в использование интернет-технологий [Jensen et al. 2007]. Но с течением времени это различие, очевидно, сглаживается, что также стало одной из причин сокращения популярности этого подхода.

Состоявшийся переход к массовому пользованию современными информационными технологиями несколько поколебал позиции сторонников «теории подкрепления». Однако, по мнению К. Страндберга и Т. Карлсона, универсальный доступ в Интернет сам по себе не изменяет способ использования интернет-ресурсов, следовательно, маловероятно, что Интернет может вызвать мобилизацию политически пассивных граждан [Strandberg, Carlson 2016]. Сторонники данного подхода отмечают, что по мере распространения интернет-технологий они используются в политических целях теми же группами людей, которые проявляют свою политическую активность офлайн [Kroh, Neiss 2012], следовательно, расширения политического участия не происходит. Сохраняются скептические оценки возможностей Интернета относительно преодоления устойчивых «моделей неравенства участия» [Schlozman et al. 2010].

Комментируя аргументы в пользу данного подхода, Т. Нэм в 2012 г. отмечал, что социально-демографическая модель политического участия актуальна для изучения политических коммуникаций онлайн, поскольку люди, имеющие доступ к обычным ресурсам (деньги, знания, время), необходимым для участия офлайн, пропорционально имеют доступ к специфическим интернет-ресурсам (владение компьютерами, легкость доступа к Интернету, наличие специальных навыков работы с новыми технологиями) [Nam 2012: 91]. Присутствует также предположение, что современные информационные технологии даже способствуют укреплению статуса элиты [Salter 2004]. В рамках «теории подкрепления» высказываются скептические оценки в отношении изменения сущности политической коммуникации под воздействием современных технологий. В частности, присутствует точка зрения, что коммуникация онлайн в решающей степени «всего лишь копирует процессы, происходящие офлайн, не меняя их сущность» [Lunat 2008].

В результате применения «теории подкрепления» для изучения политической активности современной молодежи появляются новые теоретические

концепты и уточнения, способствующие развитию этого подхода. В частности, следует отметить предложение дополнить классическую схему трех механизмов «теории подкрепления» новым механизмом – так называемым «выборочным уклонением» (selective avoidance) [Zhu et al. 2017].

Критика «теории подкрепления» в рамках «теории мобилизации»

С начала XXI в. в научных исследованиях возникло соперничество «теории подкрепления» и «теории мобилизации» как противоположных подходов к рассмотрению влияния интернет-технологий на политическое участие населения. «Теория мобилизации» предполагает оптимистическую оценку возможностей влияния Интернета и современных информационных технологий на изменение политического поведения и участия населения. Если «теория подкрепления» базируется на социально-демографическом подходе, то «теория мобилизации» связана с так называемым технологическим детерминизмом, который в данном контексте предполагает возможность кардинального изменения системы коммуникаций и политического поведения вследствие развития современных технологий.

«Теория мобилизации» предполагает, в частности, альтернативное решение вопроса о преодолении существующего разрыва между политически активными и неактивными группами населения. Интернет рассматривается как средство, открывающее возможности политического участия для лиц, которые офлайн не обладают политической активностью [Davis 2009]. В рамках данного подхода считается, что Интернет информирует, организует и привлекает тех, кто неактивен офлайн и изолирован от текущей политической жизни [MacDonald, Tolbert 2008]. При этом новые информационные технологии не только расширяют круг лиц, вовлеченных в сферу политической коммуникации, но и предоставляют средства, которые делают политическое участие населения более активным и эффективным.

Согласно хрестоматийному определению С. Барингхорста, в отличие от «традиционных СМИ, Интернет позволяет общаться многим и со многими и, таким образом, обеспечивает значительную медиа-инфраструктуру для усиления сетевой политики участия» [Baringhorst 2008]. В связи с тем, что Интернет резко снижает информационные затраты, данные технологии обеспечивают большее равенство возможностей для участия в политической жизни. Таким образом, «теория мобилизации» склоняется к тезису о значительном сокращении или даже преодолении разрывов между социальными группами по степени политического участия вследствие распространения новых технологий. Влияние Интернета на политическое поведение признается более глубоким, чем предусматривает «теория подкрепления».

Росту популярности «теории мобилизации» способствовало в том числе некоторое сокращение «цифрового неравенства» (по крайней мере, в части перехода к массовому доступу к Интернету). Как отмечают южнокорейские

ученые Й. Чой и Г. Квон, на раннем этапе изучения интернет-технологий большая объяснительная сила признавалась за «теорией подкрепления» в связи с тем, что отсутствовал массовый доступ к новым технологиям из-за их высокой стоимости; однако на стадии их массового распространения более привлекательной оказывается «теория мобилизации» [Choi, Kwon 2019: 12]. Эмпирические исследования Й. Чоя и Г. Квона скорее свидетельствуют не в пользу «теории подкрепления», поскольку предлагают вывод о глубоком и принципиальном влиянии интернет-технологий на политическое поведение молодежи.

Другим фактором роста популярности «теории мобилизации» стала волна протестного движения в разных странах мира в начале 2010-х гг. События «арабской весны» и движение Оссиру в Америке зачастую рассматривались как результат мобилизующего влияния на общество со стороны новых информационных технологий, в частности Facebook и Twitter. Политическая онлайн-мобилизация молодежи впервые получает признание в качестве одного из важнейших факторов современного политического процесса [Шарапов 2017].

Отечественный исследователь О.Г. Филатова отмечает, что в качестве возможных инструментов политической мобилизации при использовании современных информационных технологий могут рассматриваться краудсорсинг, краудфандинг (сетевой фандрайзинг) [Филатова 2014].

В России рост влияния новых информационных технологий на политический процесс и степень вовлеченности молодежи происходит поэтапно. Вплоть до начала 2010-х гг. влияние Интернета оценивалось скорее скромно [Мартыанов и др. 2017]. В 2012 г. А.В. Курочкин отмечал, что социальные сети пока не стали эффективными инструментами политической борьбы в связи с виртуализацией активности, предельным упрощением политического дискурса в социальных сетях и сравнительно низким уровнем политизации «блогосферы» [Курочкин 2012].

Современные попытки согласования «теории подкрепления» и «теории мобилизации» в исследованиях политического участия молодежи

В период 2010-х гг. особое внимание исследователей в разных странах мира привлекли вопросы политического участия молодежи в контексте влияния новых информационных технологий. С середины 2010-х гг. в науке усилилось отдельное направление исследований, целью которых стало изучение влияния современных онлайн-технологий на политическую активность молодежи [Попова 2019]. Современная молодежь, прежде всего – молодежь мегаполисов, в рамках проблематики влияния Интернета на политическое участие, была особой социальной группой. От других групп она отличалась наибольшей степенью вовлеченности в использование новых технологий, но наряду с этим – парадоксальными проявлениями политической активности – от преимущественно пассивного отношения к политике до бурных проявлений активизма

вплоть до так называемого «молодежного трясения» (youthquake). Протестный потенциал современной молодежи и влияние на него интернет-технологий являются объектами различных интерпретаций [Попова, Лагутин 2019].

При изучении политического участия молодежи возникли специфические сложности в применении основных методологических подходов, в том числе «теории подкрепления». С одной стороны, присутствует тенденция к признанию особых эвристических возможностей за «теорией мобилизации». Площадками для выражения идей сторонников «теории мобилизации» в изучении политического поведения молодежи стали ведущие научные журналы “*Journal of Youth Studies*” и “*Information, Communication & Society*” (Великобритания).

Однако присутствуют попытки ряда исследователей согласовать «теорию подкрепления» и «теорию мобилизации». Хотя эти подходы являются противоположными, данные попытки не являются утопическими, поскольку нацелены на разграничение сфер и пределов эффективности каждого из них в зависимости от определенных условий.

Примером согласования двух методологических подходов является теоретическая интерпретация влияния Интернета на политические установки, к которой приходит американский исследователь Т. Нэм: 1) отсутствуют принципиальные отличия людей, занимающихся политической деятельностью онлайн, от тех, кто занимается этим в офлайн; 2) онлайн-активность постепенно стирает межпоколенческие и межрасовые различия в политическом поведении, но не может преодолеть различия в степени образованности и достатка; 3) Интернет двояко влияет на политическую активность лиц, которые отличаются высокой и низкой степенью политической активностью офлайн: для первых он выступает дополнительной формой реализации, для вторых он дает возможность проявить себя в политической деятельности [Nam 2012].

Таким образом, подход Т. Нэма предусматривает, что «теория подкрепления» оказывается справедливой лишь для той категории лиц, которые проявляют свою политическую активность офлайн; в отношении же лиц, политически пассивных офлайн, влияние Интернета оказывается гораздо более значимым. В целом Т. Нэм приходит к выводу, что Интернет увеличивает политическую активность существующих участников, а не привлекает новых, и ставит под сомнение оптимистичное предположение о том, что интернет-технологии способствуют вовлечению в политику тех, кто исключен из политической жизни.

Эмпирическое исследование С. Виссерс и Д. Штолле в 2013 г. подтвердило выводы Т. Нэма. В результате изучения канадских студентов они пришли к заключению, что если Интернет влияет на политизацию ранее пассивных граждан, это влияние ограничивается только онлайн-формами и не приводит к более активным политическим действиям офлайн. С. Виссерс и Д. Штолле приходят к выводу, что «теория подкрепления» работает только для отдельных групп и не может рассматриваться (равно как «теория мобилизации») в качестве универсального объяснения воздействия интернет-технологий на политическую активность граждан [Vissers, Stolle 2013].

Согласно данному подходу, дихотомия теорий «мобилизации» и «подкрепления» не разрешается за счет признания правоты за одной из них; скорее находит поддержку оценка, высказанная еще полтора десятилетия назад американскими специалистами В. Стэнли и К. Вэйром: «... гипотезы подкрепления и мобилизации устанавливают ложную дихотомию, тогда как более правдоподобно рассматривать эти эффекты как не исключающие друг друга... Доступ в интернет может мобилизовать некоторых людей... В то же время в других областях существующие политические элиты могут использовать Интернет... для сохранения и укрепления своих политических позиций» [Stanley, Weare 2004].

На основании изучения ряда исследований молодежного активизма в России можно прийти к выводу, что «теория подкрепления» сохраняет свою методологическую силу при рассмотрении таких отдельных вопросов, как политическое лидерство в среде российской молодежи, деятельность радикальных молодежных организаций и т.д.

Заключение

Проблема влияния Интернета и новых информационных технологий на политическое поведение отдельных социальных групп обладает особой научной сложностью вследствие стремительного развития технологий и изменяющегося поведения социальных групп. При изучении влияния онлайн-технологий на политическое участие современной молодежи «теория подкрепления» в целом не только доказала свои методологические возможности, но и обнаружила пределы эффективности.

Теоретико-методологические исследования последнего десятилетия свидетельствуют о переходе соперничества «теории подкрепления» и «теории модернизации» в состояние методологического дуализма. Оба подхода закрепили свою значимость в изучении закономерностей влияния современных информационных технологий на политические установки и поведения населения и при этом в значительной степени избавлены от притязаний на универсализм. По нашему мнению, такое состояние может быть весьма устойчивым и продолжительным, что побуждает современных исследователей занимать гибкую позицию по вопросу о выборе методологических ориентиров для изучения влияния современных информационных технологий на политический активизм молодежи.

Поступила в редакцию / Received: 14.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Курочкин А. В. Социальные сети как инструмент политической мобилизации: опасность манипуляции и пределы демократии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 3. С. 200-207.
- Мартыанов Д. С., Лагутин О. В., Будко Д. А. От свободы к порядку в Интернете: что думают россияне? // Социодинамика. 2017. № 1. С. 39–50.

- Попова О. В.* Приоритетные источники политической информации и политические практики российской молодежи // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве. 2019. С. 191–200.
- Попова О. В., Лагутин О. В.* Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619
- Соколов А. В., Палагичева А. В.* Мобилизация и демобилизация в сетевом политическом протесте // Политическая наука. 2020. № 3. С. 266–297. DOI: 10.31249/poln/2020.03.12
- Филатова О. Г.* Интернет-технологии политической мобилизации в современной России // Политэкс. 2014. № 4. С. 57–67.
- Шарапов Р. И.* Условия политической мобилизации в сети Интернет // Социодинамика. 2017. № 10. С. 1–8.
- Шерстобитов А. С.* «Сетевая публичность» как новый фактор политической мобилизации в современной России: попытка сетевого анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 3. С. 99–105.
- Baringhorst S.* The political empowerment of citizen consumers – opportunities and problems of anti-corporate campaigning on the net // Net working/networking: Citizen initiated Internet politics / Ed. by T. Häyhtiö & J. Rinne. Tampere: Tampere University Press, 2008. P. 281–309.
- Best S. J., Krueger B. S.* Analyzing the representativeness of internet political participation // Political Behavior. 2005. № 27 (2). P. 183–216.
- Choi Y.-T., Kwon G.-H.* New forms of citizen participation using SNS: an empirical approach // Quality & Quantity. 2019. № 53. P. 1–17.
- Davis R.* Typing Politics: The Role of Blogs in American Politics. New York: Oxford University Press, 2009.
- Jensen M. J., Danziger J. N., Venkatesh A.* Civil society and cyber society: the role of the internet in community associations and democratic politics // The Information Society. 2007. № 23 (1). P. 39–50.
- Kroh M., Neiss H.* On the Causal Nature of the Relationship between Internet Access and Political Engagement: Evidence from German Panel Data // Digital Media and Political Engagement Worldwide: A Comparative Study / ed. by E. Anduiza, M. J. Jensen, L. Jorba. New York: Cambridge University Press, 2012.
- Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H.* The people's choice: How the voter makes up his mind in a Presidential campaign. New York, Columbia University Press, 1944.
- Lunat Z.* The internet and the public sphere: Evidence from civil society in developing countries // The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries. 2008. № 35 (3). P. 1–12.
- MacDonald J., & Tolbert C.* Something rich and strange: Participation, engagement, and the tempest of online politics // Civic Engagement in a Network Society / ed. by K. Yang, & E. Bergrud. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2008. P. 271–298.
- McLeod D. M., Kosicki G. M., McLeod J. M.* Resurveying the boundaries of political communications effects // Media effects: Advances in theory and research / ed. by J. Bryant and D. Zillman. Mahwah, N. J: Lawrence Erlbaum Associates, 2002. P. 215–267.
- Nam T.* Dual effects of the internet on political activism: Reinforcing and mobilizing // Government Information Quarterly. 2012. № 29. P. 90–97.
- Salter L.* Structure and forms of use: A contribution to understanding the 'effects' of the internet on deliberative democracy // Information, Communication & Society. 2004. № 7 (2). P. 185–206.
- Schlozman K. L., Verba S., Brady H. E.* Weapon of the strong? Participatory inequality and the internet // Perspectives on Politics, 2010. № 8 (2). P. 487–509.
- Stanley W. J., & Weare C.* The effect of internet use on political participation: Evidence From an Agency Online Discussion Forum // Administration & Society. 2004. 36 (5). P. 503–527.
- Strandberg K., Carlson T.* Expanding the Online Political Demos but Maintaining the Status Quo? Internet and Social Media Use by Finnish Voters Prior to Elections, 2003-15 // Scandinavian Political Studies. 2016. № 40 (1). P. 82–106.

- Vissers S., Stolle D. The Internet and new modes of political participation: online versus offline participation // *Information, Communication & Society*. 2013. № 17 (8). P. 937–955.
- Zhu Q., Skoric M., Shen S. I shield myself from thee: Selective avoidance on social media during political protests // *Political Communication*. 2017. № 34 (1). P. 112–131.

References

- Baringhorst, S. (2008). The political empowerment of citizen consumers – opportunities and problems of anti-corporate campaigning on the net. In T. Häyhtiö & J. Rinne (Eds.), *Net working/networking: Citizen initiated Internet politics*. Tampere: Tampere University Press (pp. 281–309).
- Best, S. J., & Krueger, B. S. (2005). Analyzing the representativeness of Internet political participation. *Political Behavior*, 27(2), 183–216.
- Choi, Y.-T., & Kwon, G.-H. (2019). New forms of citizen participation using SNS: An empirical approach. *Quality & Quantity*, 53, 1–17.
- Davis, R. (2009). *Typing Politics: The Role of Blogs in American Politics*. New York: Oxford University Press.
- Filatova, O. G. (2014). Internet technologies of political mobilization in modern Russia. *Political expertise: POLITEX*, 4, 57–67. (In Russian).
- Jensen, M. J., Danziger, J. N., & Venkatesh, A. (2007). Civil society and cyber society: The role of the Internet in community associations and democratic politics. *The Information Society*, 23(1), 39–50.
- Kroh, M. & Neiss, H. (2012). On the causal nature of the relationship between internet access and political engagement: Evidence from German panel data. In E. Anduiza, M. J. Jensen & L. Jorba (Eds.), *Digital Media and Political Engagement Worldwide: A Comparative Study*. New York: Cambridge University Press.
- Kurochkin, A. V. (2012). Social networks as a tool of political mobilization: the danger of manipulation and the limits of democracy. *Political expertise: POLITEX*, 8(3): 200–207. (In Russian).
- Lazarsfeld, P. F., Berelson, B., & Gaudet, H. (1944). *The People's Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Campaign*. New York, Columbia University Press.
- Lunat, Z. (2008). The Internet and the public sphere: Evidence from civil society in developing countries. *The Electronic Journal of Information Systems in Developing Countries*, 35(3), 1–12.
- MacDonald, J., & Tolbert, C. (2008). Something rich and strange: Participation, engagement, and the tempest of online politics. In K. Yang & E. Bergrud (Eds.), *Civic Engagement in a Network Society*. Charlotte, NC: Information Age Publishing (pp. 271–298).
- Martyanov, D. S., Lagutin, O. V. & Budko, D. A. (2017). From freedom to order on the Internet: What do Russians think? *Sociodynamics*, 1, 39–50. (In Russian).
- McLeod, D. M., Kosicki, G. M., & McLeod, J. M. (2002). Resurveying the boundaries of political communications effects. In J. Bryant & D. Zillman (Eds.), *Media Effects: Advances in Theory and Research*. Mahwah, N.J: Lawrence Erlbaum Associates (pp. 215–267).
- Nam, T. (2012). Dual effects of the internet on political activism: Reinforcing and mobilizing. *Government Information Quarterly*, 29, 90–97.
- Popova, O. V., & Lagutin, O. V. (2019). Political views of the youth: Loyalty or protest? *RUDN Journal of Political Science*, 21(4), 599–619. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619
- Popova, O. V. (2019). Priority sources of political information and political practices of Russian youth. *Political Space and Social Time: Truth and Lies in Politics and Arts*, 191–200. (In Russian).
- Salter, L. (2004). Structure and forms of use: A contribution to understanding the “effects” of the Internet on deliberative democracy. *Information, Communication & Society*, 7(2), 185–206.

- Schlozman, K. L., Verba, S., & Brady, H. E. (2010). Weapon of the strong? Participatory inequality and the Internet. *Perspectives on Politics*, 8(2), 487–509.
- Sharapov, R. I. (2017). Conditions of political mobilization on the Internet. *Sociodynamics*, 10, 1–8. (In Russian).
- Sherstobitov, A. S. (2013). “Network publicity” as a new factor of political mobilization in modern Russia: An attempt at network analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 3, 99–105. (In Russian).
- Sokolov, A. V., & Palagicheva, A. V. (2020). Mobilization and demobilization in a network political protest. *Political Science*, 3, 266–297. (In Russian). DOI: 10.31249 / poln / 2020.03.12
- Stanley, W. J., & Weare, C. (2004). The effect of internet use on political participation: Evidence from an agency online discussion forum. *Administration & Society*, 36(5), 503–527.
- Strandberg, K., & Carlson, T. (2016). Expanding the online political demos but maintaining the status quo? Internet and social media use by Finnish voters prior to elections, 2003–15. *Scandinavian Political Studies*, 40(1), 82–106.
- Vissers, S., & Stolle, D. (2013). The Internet and new modes of political participation: Online versus offline participation. *Information, Communication & Society*, 17(8), 937–955.
- Zhu, Q., Skoric, M., & Shen, S. (2017). I shield myself from thee: Selective avoidance on social media during political protests. *Political Communication*, 34(1), 112–131.

Сведения об авторе:

Гришин Николай Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: nvgrishin@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-0850-7581).

About the author:

Grishin Nikolay Vladimirovich – Doctor of Political Science, Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies of Saint Petersburg State University (e-mail: nvgrishin@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-0850-7581).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-60-77

Научная статья / Research article

Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года

К.И. Нагорняк

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. На основе данных «Telegram Analytics» и «Google Trends», опираясь на структурно-функциональный анализ и сетевой подход, изучены протесты в Республике Беларусь в августе-ноябре 2020 года. Предложен метод определения циклов протестной активности, согласно которому белорусские события можно разделить на недельные периоды. Указанные протесты обозначены как «сетевая революция» – технология государственного переворота, основанная на концепции изоляции «столпов» поддержки политического режима – последовательного паралича органов защиты и управления государством, а также применения ресурсов сети Интернет для мобилизации, коммуникации и координации протестующих. Организаторы «сетевой революции» запланировали два варианта развития государственного переворота. Первый – создание постоянно действующего очага протестов в центре столицы и постепенной изоляции «столпов» поддержки режима. Второй – проведение серии децентрализованных акций с последующим закреплением и формированием постоянного очага протестов в центре столицы и крупных городов. Опыт событий в Белоруссии показал, что при условии сохранения органов управления государством и институтов внутренней защиты МВД, КГБ и др. протесты спадают на вторую неделю «сетевой революции».

Ключевые слова: протесты в Белоруссии, «цветная революция», «сетевая революция», мобилизация протестующих, pillars of support, «столпы» поддержки политического режима, протесты в Минске 2020, А.Г. Лукашенко

Для цитирования: *Нагорняк К.И.* Активность оппозиционных Telegram-каналов и поведенческий фактор пользователей Google как метод исследования протестов в Белоруссии 2020 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 60–77. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-60-77

© Нагорняк К.И., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Activity of Opposition Telegram Channels and Behavioral Factor of Google Users as a Research Method for Analyzing the Protests in Belarus in 2020

K.I. Nagornyak

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russian Federation

Abstract. The protests in the Republic of Belarus in August–November 2020 have been studied in article on the basis of data from “Telegram Analytics” and “Google Trends”, based on structural and functional analysis and a network approach, have been studied. A method of determining the cycles of protest activity is proposed, according to which Belarusian events can be divided into weekly periods. Specified protests are denoted as a “network revolution” – a state coup technology based on the concept of isolating the “pillars” of support for the political regime – he consistent paralysis of the state’s protection and management bodies, as well as the use of Internet resources for the mobilization, communication and coordination of protesters. The organizers of the “network revolution” have planned two options for the development of the state coup. The first one is the creation of a permanent hotbed of protests in the center of the capital and the gradual isolation of the “pillars of support” of the regime. The second one is holding a series of decentralized actions followed by consolidation and formation of a permanent hotbed of protests in the center of the capital and major cities. The experience of the events in Belarus showed that if the “pillars of support for the regime” are maintained, namely the bodies of state management and the institutions of internal protection of the Interior Ministry, the KGB, protests subside on the second week of protests.

Keywords: protests in Belarus, «colour revolution», «network revolution», mobilization of protesters, pillars of support, pillars of the political regime, protests in Minsk 2020, A.G. Lukashenko

For citation: Nagornyak, K.I. (2021). Activity of opposition Telegram channels and behavioral factor of Google users as a research method for analyzing the protests in Belarus in 2020. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 60–77. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-60-77

Введение

Глобализация мировых экономических, информационных и культурных систем породила новые методы и технологии противостояния великих держав в борьбе за господство над транзитными путями и природными ресурсами. Новые методы ненасильственного сопротивления, развитие сети Интернет, мобильной связи и спутникового телевидения позволило использовать новую информационную инфраструктуру для мобилизации и коммуникации населения в государственных переворотах через уличные протесты – «цветные революции».

Несмотря на волну «цветных революций» с начала 2000 г. и последующее смещение политических режимов (Грузия, Украина, Киргизия, Армения и т.д.), которые через политику многовекторности стремились выстроить сбалансированные отношения как с Россией, так и со странами ЕС и США,

данная технология продолжает успешно применяться на постсоветском пространстве для сокращения геополитического пространства России. В течение 2009–2020 гг. наблюдается эволюция методологии организации и проведения госпереворотов на постсоветском пространстве – с учетом новых технологических достижений и организационных методик их проведения – мобилизации протестного населения через социальные сети, электронные СМИ и мессенджеры. Обозначим их как «сетевая революция» – государственный переворот, основанный на уличных протестах, где коммуникация, мобилизация и координация протестного населения происходит через социальные сети, электронные СМИ и мессенджеры. Условно «сетевой революцией» будем называть все «цветные революции», начиная с «Твиттерной» в Молдавии 2009 г.

В Республике Беларусь 9 августа активисты, недовольные результатами президентских выборов, устроили столкновение с правоохранителями. В дальнейшем события переросли в серию уличных протестов и точечных забастовок на государственных предприятиях.

Цель исследования: обозначить особенности коммуникации и мобилизации протестующих во время попытки «сетевой революции» в Белоруссии 2020 г., а также выстроить методику определения циклов активности протестов и вовлечения местного населения в указанные события, что позволит прогнозировать устойчивость государства к переворотам подобного типа. Автор руководствуется логикой последовательного решения задач:

1. Определить сценарии государственного переворота в Республике Беларусь.
2. Обозначить главные коммуникационные ресурсы протестующих.
3. На основании контент-анализа публикаций ведущих оппозиционных Telegram-каналов Белоруссии выделить циклы активности протестов.
4. Сравнить полученные циклы активности с поведенческим фактором белорусских пользователей поисковой системы «Google».

Объект исследования – массовые протесты в Республике Беларусь в период с 9 августа по 21 ноября 2020 г. Предмет – ресурсы сети Интернет как инструменты массовой мобилизации, коммуникации и координации протестующих.

Методологией исследования выступает системный подход, а именно структурно-функциональный метод, определяющий белорусские протесты 2020 г. как технологию «сетевой революции», основанную на концепции изоляции «столпов поддержки»¹ политического режима – последовательного паралича органов защиты и управления государства, а также применения

¹ По определению теоретика «цветных революций» Д. Шарпа, «столпы поддержки» – это институты и социальные группы, обеспечивающие политический режим источниками власти, которые необходимы для поддержания и расширения его потенциала в пределах государства (см. [Нагорняк 2017: 77]).

ресурсов сети Интернет для мобилизации, коммуникации и координации протестующих. Это подразумевает эмерджентную систему, состоящую из подсистем, каждая из которых сама по себе не может привести к смене политического режима. Сеть Интернет выступает коммуникационным пространством, где происходит субъектно-объектное взаимодействие элементов. В статье для обработки массива информации, опубликованного в мессенджере «Telegram», а также изучения взаимосвязи интернет-активности пользователей и коммуникационно-мобилизационных действий протестующих используется сетевой подход, который включает в себя контент-анализ, а также поведенческий анализ поисковых запросов белорусских пользователей в «Google Trends», что позволяет в режиме реального времени точно определить тенденции в обществе.

Для подсчета публикаций оппозиционных Telegram-каналов используются показатели открытой базы статистики «Telegram Analytics». Поведенческий анализ белорусских пользователей основан на данных сервиса «Google Trends», который предоставляет доступ к выборке поисковых запросов пользователей поисковой системы «Google».

Работы по исследованию протестов в Республике Беларусь 2020 года в общем доступе представлены авторами США, Великобритании и России. Политологи США С. Белл и С. Черных указали причины протестов в Белоруссии в нарушении президентских выборов, ухудшении экономических условий в стране, а также политических репрессиях по отношению к оппозиции. Кроме этого, они выделили тенденцию распространения массовых протестов в постсоветских странах после выборов²

Американские исследователи Дж. Тоул, Дж. О' Лафлин и К. Бакке провели социологический опрос среди жителей Республики Беларусь. Авторы выделили Топ-3 проблемы Белоруссии: рост цен и инфляция, низкая заработная плата и безработица. Также существует недовольство граждан 26-летним правлением А.Г. Лукашенко. Кроме того, «Евромайдан» 2014 года не вдохновил белорусов на революцию – две трети не приняли украинский опыт. 51,8% опрошенных считают, что страна движется в неправильном направлении³.

Политолог США Х. Милонас и британский исследователь Г. Шарафутдинова видят причину протестов в Белоруссии в появлении нового слоя общества, интегрированного в международный рынок и недовольного управлением в стране – IT-сектор. Также геополитические колебания между Россией и Европейским союзом А.Г. Лукашенко спровоцировали растущие

² Bell S., Chernykh S. The Belarus protests erupted because of these 4 things // The Washington Post. 22.08.2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/08/25/belarus-protests-erupted-because-these-4-things/> (accessed: 10.12.2020).

³ Toal G., O'Loughlin J., Bakke K. What's driving the Belarus protests? // The Washington Post. 21.08.2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/08/21/whats-driving-belarus-protests/> (accessed: 10.12.2020).

национальные настроения и недоверие к лидеру, движимому логикой политического выживания⁴.

Группа политологов А. Герасименко, Т. Локоть, О. Онуч и М. Вийермарс провели интернет-опрос 12 тыс. белорусов старше 18 лет. 60% респондентов сообщили, что в период отключения Интернета они опирались исключительно на слухи. После 10 августа 80% опрошенных присоединились к протестам, увидев акции на улице. Авторы сделали вывод, что Интернет обеспечил критически важную информационную инфраструктуру протестов, однако уделять внимание только одному мессенджеру «Telegram» не стоит⁵.

Российские исследователи рассматривают протесты в Белоруссии как попытку государственного переворота. Так, доктор политологических наук А.А. Чемшит ввел понятие «белорусский майдан» и сравнил белорусские события 2020 года с «Евромайданом» 2014 года. Он выделил внешнюю и внутреннюю причины протестов. К внешней он причислил борьбу России и Запада за геополитическое пространство Белоруссии, внутренней – длительный срок пребывания А.Г. Лукашенко на посту президента, борьбу социал-консерватизма и либерально-демократических ценностей внутри страны, а также неудовлетворенные интересы потенциальной белорусской олигархии [Чемшит 2020: 2990–2997].

Согласно выводам доктора исторических наук Л.В. Карнаушенко белорусские власти оказались не готовы к противодействию анонимным интернет-ресурсам. Например, Telegram-канал «Nexta» сформировал негативный образ действующей белорусской власти для международного сообщества, что сказалось на ухудшении внутренней и международной ситуации в стране [Карнаушенко 2020: 20–23].

Исследователь С.В. Астахова отметила, что политическое напряжение в обществе нарастало благодаря тому, что власти под различными предлогами отстранили от участия в выборах политических оппонентов А.Г. Лукашенко. Катализатором протестов стали жесткие действия правоохранителей в столкновении с митингующими. При этом после выступления президента Лукашенко перед рабочими 17 августа 2020 года протесты стали угасать [Астахова 2020: 9–24].

Доктор исторических наук С.Ю. Чимаров рассмотрел новые инструменты мобилизации и коммуникации протестующих, а также классифицировал методы дестабилизации общественного порядка со стороны белорусских протестующих. В своем исследовании он разделил протестный событийный ряд на

⁴ Mylonas H., Sharafutdinova G. Virtual Issue on Belarus from Nationalities Papers // Cambridge University Press. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/nationalities-papers/information/virtual-issue-on-belarus-from-nationalities-papers> (accessed: 10.12.2020).

⁵ Herasimenka A., Lokot T., Onuch O., Wijermars M. There's more to Belarus's «Telegram Revolution» than a cellphone app // The Washington Post. 11.09.2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/09/11/theres-more-belaruss-telegram-revolution-than-cellphone-app> (accessed: 10.12.2020).

средства массовой мобилизации, лозунги и тактику. Исследователь сделал вывод, что современные протесты в значительной степени основаны на обращении к потенциалу сетевых технологий, где особое место принадлежит Telegram-каналам и другим мессенджерам [Чимаров 2020: 155–159].

Выделим точки напряжения в белорусском обществе, которые можно обозначить как причины протестов:

1. После развала СССР в Белоруссии сформировано новое поколение, воспитанное и мыслящее в рамках либеральной парадигмы стран США и ЕС⁶, часть которых составила новую прослойку общества – сотрудники ИТ-сферы и фрилансеры, работающие на страны Запада. По состоянию на август 2020 года в Минске сектор ИТ-технологий и телекоммуникационных компаний составил 20,5% от всего валового регионального продукта столицы⁷.

2. А.Г. Лукашенко служит на посту президента Республики Беларусь с 1994 года. Это значительно больше, чем принято считать в обществе о сроке работы одного человека в должности президента.

3. Раскол политической элиты на прогосударственную и представляющую интересы международного рынка. Попытка выдвижения белорусского банкира «Белгазпромбанк» В.Д. Бабарико и предложение вернуть конституцию 1994 года, согласно которой Белоруссия станет парламентской республикой⁸.

4. Противостояние стран ЕС и России как двух противоположных векторов развития – прозападного-глобалистского и пророссийского интеграционного, а также попытка А.Г. Лукашенко выстроить самостоятельные многовекторные отношения, извлекая выгоду из обеих систем.

5. Этноконфессиональный разлом по территории бывшей польско-советской границы 1921–1939 годов. На западе Беларуси проживает больше этнических поляков, а также граждан, исповедующих католицизм [Возможен ли...: 38].

Сценарий государственного переворота в Белоруссии

Методология современного государственного переворота основана на концепции изоляции «столпов поддержки» политического режима государства – институтов и социальных групп, обеспечивающих режим источниками власти. Американский методолог «цветных революций» Р.Л. Хелви выделил следующие столпы: полицию, армию, чиновничий аппарат, СМИ, деловые

⁶ Irkhin A., Moskalenko O., Nelina L., Beloglazov R., Demeshko N. Building a New World Order: Russia and the Competition of Civilizational Projects // *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. Volume 98. International Scientific Forum «National Interest, National Identity and National Security» (in press).

⁷ Итоги белорусской экономики в первом полугодии 2020 года: бесконечный круг проблем // TUT.BY URL: <https://news.tut.by/economics/698437.html> (дата обращения: 29.11.2020).

⁸ Маритнович Д. Какой была Конституция 1994 года, которую предлагает вернуть Бабарико? // TUT.BY URL: <https://news.tut.by/culture/690115.html> (дата обращения: 29.11.2020).

сообщества, молодежь, рабочих, религиозные организации, неправительственные организации. Выявление и анализ указанных институтов власти – основа для формирования стратегии ненасильственного переворота. Системная изоляция указанных институтов власти приводит к падению политического режима. Для этого используются силовые и ненасильственные методики воздействия. К силовым методам относят действия специально обученных боевиков: провокация и столкновение с правоохранителями, психологическое и физическое воздействие на семьи правоохранителей и чиновников, силовой захват зданий, методы индивидуального террора и др. К ненасильственным методам относятся ненасильственная блокада зданий государственных учреждений, шествия, митинги, пикеты, «живые цепи», стояния, символические акции и др. Опыт «Евромайдана» 2014 г. показал, что для достижения государственного переворота организатором «сетевой революции» необходимо парализовать два базовых «столпа поддержки» политического режима государства – правоохранительные органы и центры управления государством. Для этого организаторы революции осуществляют давление на силовиков с последующей отставкой руководителей. Также протестующие блокировали и захватывают административные здания в столице и регионах страны. В Киеве 2013–2014 гг. это были здания городской администрации, администрации президента, правительства и верховного совета [Нагорняк 2017: 75–85]. В Киргизии в 2020 г. государственный переворот длился всего один день – при попустительстве правоохранителей протестующие захватили здания парламента, администрации президента, правительства, городской мэрии и прокуратуры⁹.

В преддверии выборов в Белоруссии 8 августа 2020 г. в оппозиционных Telegram-каналах был опубликован сценарий мобилизации противников А.Г. Лукашенко. Он подразумевал следующее: 1) собрать сторонников кандидата в президенты Белоруссии С.Г. Тихановской у избирательных участков в преддверии их закрытия; 2) после закрытия участков потребовать открытого подсчета голосов и публичного обнародования протокола (тем самым у избирательных участков должна образоваться давка); 3) мобилизацию протестующих в 22.00 в центре города у стелы «Минск – город-герой» либо на проспекте Независимости, проспект Победителей; 4) в регионах страны – сбор на центральных площадях и оказание давления на органы власти; 5) начиная с 10 августа – ежедневно собирать протестующих на центральных площадях столицы и городов, что создаст центры протеста¹⁰. Таким образом, для протестующих формировали сценарий, аналогичный украинскому 2013–2014 гг., где главные события происходили на центральной площади столицы.

⁹ В Бишкеке протестующие захватили парламент с мэрией и освободили из СИЗО бывшего президента // MEDUZA. URL: <https://meduza.io/feature/2020/10/06/v-bishkeke-protestuyuschie-zahvatili-parlament-s-meriey-i-osvobodili-iz-sizo-byvshego-prezidenta> (дата обращения: 29.11.2020).

¹⁰ План на 9 августа // Telegram. URL: https://t.me/nexta_tv/3563 (дата обращения: 25.11.2020).

Также существовал план, основанный на опыте рассеянных протестов в Гонконге 2019 г. и пешеходных протестов в Армении 2018 г. 9 августа 2020 г. оппозиционные Telegram-каналы опубликовали мобилизационное сообщение с планом публичных ненасильственных протестов на 9–10 августа 2020 г. Начиная с 10 августа организаторы протестов объявили забастовку на государственных предприятиях страны. Ежедневно в 19.00 жителей Белоруссии призывали собираться на наиболее популярных площадках городов либо у администраций районов и требовать от чиновников перехода на сторону протестующих. Протестующим в регионах страны была поставлена задача блокады местных исполкомов с требованием перейти на сторону протестующих. Для этого планировалось занимать центральные площади перед зданиями органов власти. В случае отказа глав муниципалитетов перейти на сторону протестующих организаторы протестов рекомендовали требовать назначения нового главы муниципального образования. Особое внимание уделялось пешеходному шествию малых групп, которым предлагали двигаться в сторону центра Минска, где все группы должны были слиться в единую колонну. На дорогах рекомендовалось рассыпать гвозди, саморезы, самодельные ежи, чтобы поломанный автотранспорт блокировал подъезд правоохранителей. По задумке организаторов массовых протестов, правоохранители начнут задержание с последующим насилием, что станет точкой невозврата для политического режима¹¹.

Таким образом, акторы «сетевой революции» планировали парализовать три «столпа поддержки» политического режима государства: 1) государственный аппарат, 2) институты защиты государства, 3) экономику. Последний пункт крайне важен, так как особенностью устройства Белоруссии является сильный государственный сектор. Внутренняя элита зависит от экономики страны и не имеет рычагов давления со стороны международных организаций.

Интернет-ресурсы коммуникации и мобилизации протестующих во время протестов в Белоруссии

В Республике Беларусь в декабре 2019 г. 75,3% белорусов в возрасте от 6 до 72 лет используют персональный компьютер, из них 79,6% – жители города, а 63,2% – села. Сетью Интернет пользуются 86,9 % городского населения и 71,3% сельских жителей¹². По состоянию на 1 января 2020 г. наиболее популярными интернет-ресурсами является поисковая система «Google.com», видеохостинг США «YouTube.com», российские социальные сети «ВКонтакте» и «Одноклассники», белорусский портал «TUT.BY» и др.¹³ В январе 2020 г.

¹¹ План Б // Telegram. URL: https://t.me/nexta_tv/3564 (дата обращения: 25.11.2020).

¹² Беларусь в цифрах: статистический сборник // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 72 с.

¹³ Kemp S. Digital 2020: Belarus / Simon Kemp // Datareportal. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-belarus> (accessed: 25.11.2020).

самыми читаемыми новостными ресурсами республики стал независимый общегосударственный онлайн-портал «Tut.by», оппозиционный сайт «Белорусские новости naviny.by», международное издание «Комсомольская правда Беларусь», государственный медиахолдинг «Белорусское телеграфное агентство», а также «Белсат» – кабельное телевидение на белорусском языке, действующее на базе польского телевидения и финансируемое Министерством иностранных дел Польши¹⁴.

По состоянию на декабрь 2019 г. сотовой связью обеспечены 98,3 % горожан и 94,8% жителей села¹⁵. Это дало возможность населению использовать системы мгновенного обмена информацией – мессенджеры. По данным опроса Baltic Internet Policy Initiative, в августе 2019 г. – 70% опрошенных использовали мессенджер Viber, 38% – Skype, 25% – WhatsApp, 23% – Telegram¹⁶.

В Белоруссии в августе 2020 г. основным инструментом мобилизации и коммуникации протестующих стал мессенджер Telegram. Основными Telegram-каналами протестов в Белоруссии были «Nexta TV», «Nexta Live», «TUT. BY новости», «Беларусь головного мозга», «Мая Краіна Беларусь», «Радио Свобода Беларусь», «Наша Ніва», «Хартія’97%» и др. Рассмотрим их подробнее.

Канал «Nexta» был создан 19 апреля 2018 г. в Польше белорусским блогером Степаном Путило. На ресурсе публикуют фото, видео и тексты о протестах, а также методические рекомендации по организации обструкции и насильственных акций в Белоруссии. По состоянию на 29 ноября канал «Nexta» насчитывает 837 201 подписчиков¹⁷.

«Nexta Live» создан 14 февраля 2019 г. Степаном Путило. До 27 сентября 2020 г. редактором канала был Роман Проташевич, журналистом – Екатерина Ерусалимская¹⁸. В период максимальной активности протестов в августе 2020 г. – это был самый читаемый медиаресурс, где публиковали новости, призывы по свержению власти, методические рекомендации по организации обструкции и акций протеста, программы действий на краткосрочную и

¹⁴ Доклад «Медиа в Беларуси 2020»: есть тенденции усиления государственного контроля над медиапространством // Асацыяцыя журналістаў Беларуская. URL: <https://baj.by/ru/analyt-ics/doklad-media-v-belarusi-2020-est-tendencii-usileniya-gosudarstvennogo-kontrolya-nad> (дата обращения: 25.11.2020).

¹⁵ Как в Беларуси развиваются телефонные сети и когда интернет будет доступен даже в самых малых населенных пунктах? URL: <https://lprof.by/news/v-strane/kak-v-belarusi-razvivajutsya-telefonnye-seti-i-kogda-internet-budet-dostupen-dazhe-v-samyh-malyh-naselennyh-punktah/> (дата обращения 30.11.2020).

¹⁶ План на 9 августа // Telegram. URL: https://t.me/nexta_tv/3563 (дата обращения: 25.11.2020).

¹⁷ Nexta // Telegram Analytics. URL: https://by.tgstat.com/channel/@nexta_tv (дата обращения: 25.11.2020).

¹⁸ Roman Protasevich // Twitter. URL: <https://twitter.com/pr0tez/status/1310527107496390656?s=20> (дата обращения: 25.11.2020).

долгосрочную перспективы. По состоянию на 29 ноября канал «Nexta Live» насчитывает 1 740 тыс. подписчиков¹⁹.

«TUT.BY новости» создан 9 сентября 2016 г. редакцией самого читаемого интернет-портала Белоруссии. На канале освещались новости о протестах в оппозиционном ключе. По состоянию на 29 ноября 2020 г. канал насчитывает 447 тыс. подписчиков²⁰.

«Беларусь головного мозга» – оппозиционный Telegram-канал новостного характера, созданный 15 мая 2016 г., тесно связанный с «Радио Свобода Беларусь». По состоянию на 29 ноября канал насчитывает 381 тыс. подписчиков²¹.

«Мая Краіна Беларусь» – канал создан 20 ноября 2017 г. оппозиционным журналистом «Радио Свобода» Сергеем Беспаловым. На ресурсе распространялись призывы к свержению власти, методические рекомендации по организации протестов, освещались новости. По состоянию на 29 ноября канал насчитывает 197 тыс. подписчиков²².

«Радио Свобода Беларусь» – Telegram-канал международного издания Радио Свобода / Радио Свободная Европа (RS / RFE), финансируемого за счет гранта Конгресса США через Глобальное медиаагентство США (USAGM)²³. Публичная страница была создана 30 марта 2016 г. По состоянию на 29 ноября канал насчитывает 101 тыс. подписчиков²⁴.

«Наша Ніва» – Telegram-канал оппозиционного издания Белоруссии, националистического характера. Зарегистрирован 26 апреля 2016 г. Использует торговую марку старейшей газеты Белоруссии, созданной в 1906 г. На ресурсе публикуют новости оппозиционного характера, распространяют призывы к смене власти. По состоянию на 29 ноября 2020 г. канал насчитывает 105 тыс. подписчиков²⁵.

«Хартия–97%» – канал крупнейшего оппозиционного новостного портала Белоруссии, националистического характера. Публичная страница в Telegram создана 31 января 2018 г. после блокировки в Белоруссии 24 января 2018 г. новостного портала Charter97.org. На ресурсе публикуют призывы к свержению государственной власти, методические рекомендации по организации протеста

¹⁹ Nexta Live // Telegram Analytics. URL: https://by.tgstat.com/channel/@nexta_live (дата обращения: 25.11.2020).

²⁰ TUT.BY новости // Telegram Analytics. URL: https://by.tgstat.com/channel/@tutby_official (дата обращения: 25.11.2020).

²¹ Беларусь головного мозга // Telegram Analytics. URL: <https://by.tgstat.com/channel/@belamova> (дата обращения: 25.11.2020).

²² Мая краіна Беларусь // Telegram Analytics. URL: <https://by.tgstat.com/channel/@mkbelarus> (дата обращения: 25.11.2020).

²³ О нас // Радые Свабода. URL: <https://www.svaboda.org/about-us> (дата обращения: 25.11.2020).

²⁴ Радио Свобода Беларусь // Telegram Analytics. URL: <https://by.tgstat.com/channel/@radiosvaboda> (дата обращения: 25.11.2020).

²⁵ Наша Ніва // Telegram Analytics. URL: <https://by.tgstat.com/channel/@nashaniva> (дата обращения: 25.11.2020).

и забастовок, новостные материалы протестного характера²⁶. По состоянию на 29 ноября, страница насчитывает 71 тыс. подписчиков²⁷.

Также 21 июня 2020 г. на базе Telegram-канала «97%» были подготовлены и запущены региональные чаты всех крупных городов Белоруссии. В чатах среди пользователей обсуждалась стратегия и тактика протестов, передавались документы – база данных правоохранителей с реальными адресами, методические рекомендации по автомобильной блокаде, методические рекомендации о действиях во время и после задержания правоохранительными органами, образцы листовок и дизайнерские карточки на тему протестов, списки арестованных, программы действий на ближайшее время, исходники программ-анонимайзеров, рекомендации по изготовлению коктейлей Молотова и др.

Циклы активности протестов на основе контент-анализа оппозиционных Telegram-каналов

Благодаря мессенджеру Telegram организаторы протестов в Белоруссии сумели объединить разрозненную по стране активность в единый информационный поток. Рассеянные в пространстве и времени акции формировались в единую непрерывную ленту, создавая для читателя эффект массовости. Образы протеста формировались на принципах, которые исследователи Е.В. Бродовская и А.Ю. Домбровская обозначили как оппозиционно-мобилизационную модель информирования. То есть существует прямая связь между активностью протестующих и объемом публикуемого материала в коммуникационной среде [Бродовская 2018: 22].

По состоянию на 17 августа, канал «Nexta Live» насчитывает более 1 млрд просмотров и почти 2 млн подписчиков. При этом, учитывая анонимность медиа, нет возможности проверить процент белорусских пользователей, читающих канал. Единственное, что поддается точной оценке, – количество опубликованных сообщений, по которым и можно высчитать периоды наиболее активных циклов протестов.

На основе Telegram-канала «Nexta Live» сформируем первый цикл активности. Данные о публикациях предоставлены сервисом Telegram Analytics. В Белоруссии протестные акции вспыхнули в воскресенье 9 августа 2020 года. С 9 по 10 августа опубликовано максимальное количество публикаций. Соберем все в график на рис. 1.

²⁶ Солидарность с «Хартией-97» // Хартия'97%. URL: <https://charter97.org/ru/news/hot-topic/solidarity> (дата обращения: 25.11.2020).

²⁷ Хартия-97% // Telegram Analytics. URL: https://by.tgstat.com/channel/@charter97_org (дата обращения: 25.11.2020).

Рис. 1 / Fig. 1

Распределение активности публикаций Telegram-канала «Nexta Live» /
 Distribution of the activity of publications of the Telegram channel «Nexta Live»
 Источник / Source: составлено автором на основе данных Telegram Analytics.
 Nexta Live // Telegram Analytics. URL: https://by.tgstat.com/channel/@nexta_live
 (дата обращения: 25.11.2020)

В результате сопоставления количества публикаций с календарными датами можно сделать вывод, что наиболее активные дни приходятся на воскресенье. Исключение составляют события 9–10 августа 2020 г., так как акции начались после 20.00 и генерация информационных поводов продолжалась на следующий день. В последующие недели максимальная активность происходит в воскресенье и далее активность публикаций снижается к пятнице-субботе.

Разделим публикации оппозиционных страниц Telegram «Nexta Live», «Nexta TV», «TUT. BY новости», «Мая Країна Беларусь», «Беларусь головного мозга», «Радио Свобода Беларусь», «Наша Ніва», «Хартия–97%» на недельные этапы.

Наиболее плотная протестная активность наблюдается в первую неделю с 9 по 15 августа 2020 г. В указанный период на публичных страницах опубликовано максимальное количество новостей, а именно – 10 519 материалов.

16–22 августа 2020 г. характеризуются спадом протестной активности. Всего – 5 383 публикации. В указанном цикле сторонники власти организуют

по всей Белоруссии митинг в поддержку А.Г. Лукашенко. Президент публично выступает перед народом.

23–29 августа 2020 г. отмечаем спад активности. Всего – 4 205 публикаций. Этот цикл характеризуется тем, что в воскресный день протестов президент А.Г. Лукашенко вышел к оцепенению ОМОН у Дворца независимости, поблагодарил правоохранителей и сказал, что будет с ними до конца. Руководителю страны необходимо показать, что он не отступил. Тем самым он укрепил институт власти правоохранителей, которые составляют главную опору любого политического режима²⁸.

Неделя с 30 августа по 5 сентября 2020 г. характеризуется резким всплеском активности, так как 1 сентября были организованы студенческие протестные акции. Всего – 5 423 публикации.

Недельный цикл 6–12 сентября 2020 года характеризуется снижением активности протестующих – 4 490 публикаций. 13–19 сентября 2020 года – 3 977 публикаций.

20–26 сентября 2020 г. отличается резким всплеском активности, связанным с инаугурацией президента А.Г. Лукашенко – 5005 публикаций. После этого наблюдается две недели спада активности в цикл 27 сентября – 3 октября 2020 г. опубликовано – 3 744 новости. 4–10 октября – 3 799 публикаций.

11–17 октября 2020 г. происходит небольшой подъем активности – 4 148 публикаций. В указанный период в Минске состоялся «Марш Гордости», где произошло столкновение правоохранителей и протестующих. Также президент А.Г. Лукашенко провел встречу с заключенными лидерами и руководителями оппозиции В. Бабарико, С. Тихановским, А. Василевичем, Д. Рабцевичем и др.

18–24 октября 2020 г. характеризуется спадом активности до 3 364 публикаций. Неделя 25–31 октября 2020 г. – увеличение количества публикаций до 5 128. Это связано с тем, что 26 октября 2020 года закончился срок ультиматума кандидата в президенты Белоруссии С.Г. Тихановской. Она призвала работников госпредприятий, транспорта, шахтеров, преподавателей и студентов к забастовке²⁹.

1–7 ноября 2020 г. происходит спад активности до 3 283 публикаций. 8–14 ноября 2020 г. – повышение активности публичных страниц до 4 171 материала. В этот период оппозиционные Telegram-каналы и СМИ транслируют историю о зверском убийстве жителя Минска Романа Бондаренко. В цикл 15–21 ноября 2020 г. – происходит спад активности – 3 517 публикаций.

Сведем все в единый график (рис. 2).

²⁸ Причины протестов от Лукашенко: буржуйчики, богатые люди и айтишники – им захотелось власти. Самое интересное из большого интервью россиянам // Onliner. URL: <https://people.onliner.by/2020/09/09/lukashenko-podrobno-rasskazal-o-vyxode-s-avtomatom-rt-transliruet-bolshoe-intervyu> (дата обращения: 29.11.2020).

²⁹ Светлана Тихановская – о начале Народной Забастовки // Telegram. URL: <https://t.me/tsikhounouskaya/351> (дата обращения: 25.11.2020).

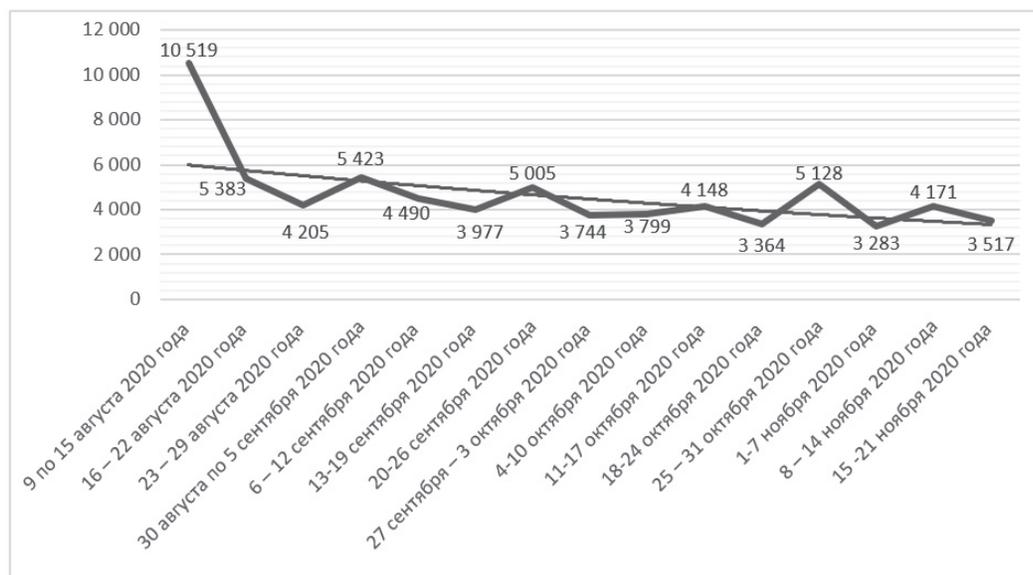

Рис. 2 / Fig. 2

Циклы недельной активности оппозиционных Telegram-каналов Белоруссии в период протестов (9 августа – 21 ноября 2020 года) / Weekly cycles of activity of the opposition in Belarus Telegram channels in the protest period (August 8–21 November 2020)

Источник / Source: составлено автором на основе данных Telegram Analytics // Telegram Analytics. URL: https://by.tgstat.com/channel/@nexta_live (дата обращения: 25.11.2020).

Поведенческий анализ интернет-запросов пользователей Белоруссии

Сопоставим интенсивность публикаций в оппозиционных Telegram-каналах с поведенческими факторами пользователей сети Интернет Республики Беларусь. Сервис «Google Trends» позволяет определить наиболее популярные темы, интересующие пользователей поисковика «Google».

Рассмотрим, когда и насколько интересовались пользователи Беларуси темами «протест», «забастовка», «коктейль Молотова» (рис. 3).

На графике линией № 1 обозначена динамика популярности поискового запроса «протест», № 2 – «забастовка» и № 3 – «коктейль Молотова» в белорусском сегменте поисковой системы Google. Данные иллюстрируют, что еще 8 августа у пользователей был слабый интерес к темам «протест», «забастовка» и практически не было запросов «коктейль Молотова».

Пик темы «коктейль Молотова» пришелся на 10 августа, после этого он стал угасать и к 16 августа сошел на нет. Указанной темой интересовались в Минской и Брестской областях. Пик темы «забастовка» пришелся на 11 августа и постепенно сошел на нет к 28 августа. Также в период заявления С. Тихановской от 26 октября у пользователей снова появляется интерес к теме «забастовка», который длится до 30 октября и угасает. Больше всего указанная тема волновала жителей Минской и Гродненской областей. Пик темы «протест» приходится на 11 августа. После этого она затухает к 25 августа. Кроме того,

интерес пользователей к теме «протест» возникает по выходным 23 августа, 30 августа, 1 сентября, 6 сентября, 13 сентября, 20 сентября, 26–27 сентября, 4, 6, 11–13, 18, 25–27, 29 октября, 1, 8, 15, 22 ноября, что полностью совпадает с циклами протестов, сформированных с помощью контент-анализа³⁰.

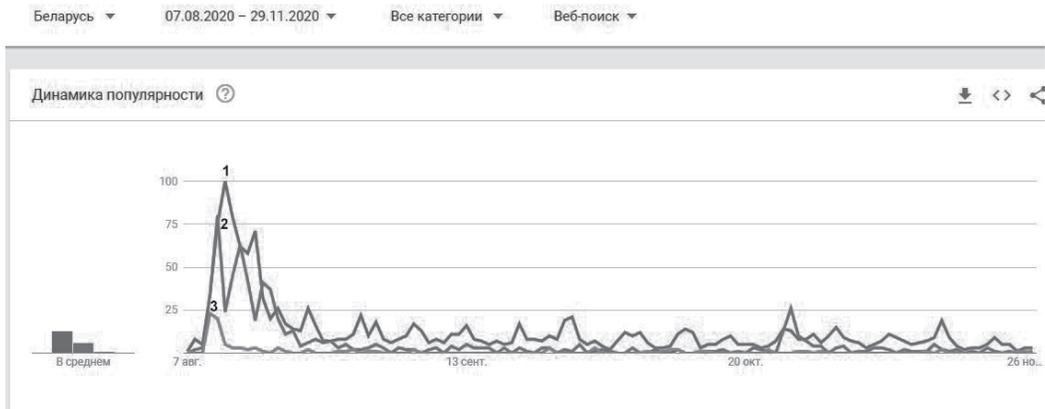

Рис. 3 / Fig. 3

Популярность поисковых запросов «протест», «забастовка» и «коктейль Молотова» в белорусском сегменте Google / Popular Searches «protest», «strike» and «Molotov cocktail» in the Belarusian segment of Google

Источник / Source: составлено автором на основе данных Google Trends.

URL: https://trends.google.ru/trends/explore?date=2020-08-07%202020-11-29&geo=BY&q=%2Fm%2F01nd_n,%2Fm%2F0149p3,%2Fm%2F0585f
(дата обращения: 25.11.2020).

Чтобы определить важность протестов августа-ноября 2020 г. для пользователей белорусского сегмента поисковой системы Google, рассмотрим топ-25 ключевых тем и запросов региона. Разделим их на пункты: «протестная активность», «новостные темы и запросы», «информационно-разъяснительные запросы», «вопросы анонимности и работы Интернета», также «темы и запросы, не связанные с протестной активностью».

В первый цикл с 9 по 15 августа 2020 г. всего одна тема из топ-25 не относилась к протестам. Рассмотрим их более подробно:

протестная активность: «протест», «14 августа», «улица Окрестина», «омон», «забастовка», «задержание», «Виктор Цой», «Перемен»;

новостные темы: «Euronews», «ОНТ», «Белсат», «новости», «президентские выборы в Беларуси 2020», «последние новости», «выборы», «+ tut.by», «ООО Онлайнер»;

информационно-разъяснительные темы: «Степан Александрович Путило», «бело-красно-белый флаг», «флаг», «Макс Корж»;

анонимность и Интернет: «psiphon», «vpn», «Telegram»;

темы, не связанные с протестной активностью: «медовый спас».

³⁰ Сравнение тем «протест», «забастовка» и «коктейль Молотова» // Google Trends. URL: https://trends.google.ru/trends/explore?date=2020-08-07%202020-11-29&geo=BY&q=%2Fm%2F01nd_n,%2Fm%2F0149p3,%2Fm%2F0585f (дата обращения: 25.11.2020).

В указанный период 22 запроса из 25 наиболее популярных были связаны с протестами. Среди них:

протестная активность: «протесты в Минске», «Окрестина», «Окрестино», «ОМОН», «Виктор Цой», «тепло Макс Корж»;

новостные запросы: «Нехта», «Минск сейчас», «Nexta Live», «nexhta», «евроньюс», «новости минск», «телеканал дождь», «где сейчас Лукашенко», «где Лукашенко»;

информационно-разъяснительные запросы: «Александр Тарайковский», «Караев», «Качанова», «Дмитрий Семченко»;

анонимность и Интернет: «psiphon», «vpn скачать», «vpn»;

не связанные с протестной активностью: «Легкоступова», «Валентина Легкоступова», «медовый спас»³¹.

Во вторую неделю протестов с 16 по 22 августа остаются только шесть тем, косвенно связанных с протестной активностью. Рассмотрим их: **информационно-разъяснительные запросы:** «персона нон грата», «бело-красно-белый флаг», «Польша», «Минский завод колесных тягачей», «флаг», «история».

Также 17 из 25 запросов каким-либо образом связаны с протестами в Белоруссии. В топ выходят запросы сторонников А.Г. Лукашенко. Главной песней в поддержку действующего президента стал клип «Саня останется с нами». Рассмотрим запросы пользователей:

протестная активность: «стачком»;

прогосударственные запросы: «митинг за Лукашенко», «Саня останется с нами»; **информационно-разъяснительные запросы:** «нон грата», «персона нон грата», «координационный совет», «флаг Мадагаскара», «сестры Груздевы», «Алексей Навальный», «бело-красно-белый флаг», «бело-красно-белый флаг история», «Павел Латушко», «Ольга Карач», «флаг Беларуси», «Латушко»;

не связанные с протестной активностью: «с яблочным спасом», «яблочный спас», «калькулятор валют», «погода Слуцк», «талон бай», «курс евро», «лига европы», «аду бай»³².

Уже в третью неделю протестов 23–29 августа в топ-25 тем и запросов не было тем, посвященных протестам в Белоруссии. Исключение составили запросы «Лукашенко с автоматом» и «Николай Лукашенко», однако это говорит больше об интересе к акции президента Белоруссии, чем к протестным настроениям³³.

³¹ Запросы пользователей Белоруссии 8–15 августа 2020 года // Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2020-08-09%202020-08-15&geo=BY> (дата обращения: 25.11.2020).

³² Запросы пользователей Белоруссии 16–22 августа 2020 года // Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2020-08-16%202020-08-22&geo=BY> (дата обращения: 25.11.2020).

³³ Запросы пользователей Белоруссии 23–29 августа 2020 года // Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/trends/explore?date=2020-08-23%202020-08-29&geo=BY> (дата обращения: 25.11.2020).

Заключение

Таким образом, можно обозначить следующие выводы:

Во-первых, организаторы массовых протестов в Белоруссии запланировали два варианта развития государственного переворота:

1) создание постоянно действующего очага протестов в центре столицы и постепенная изоляция «столпов поддержки» режима;

2) формирование цепи непрерывных децентрализованных акций с последующим закреплением и созданием постоянного очага протестов в центре столицы и крупных городов.

Для достижения государственного переворота организаторы «революции» в Белоруссии поставили задачу парализовать три «столпа поддержки» – органы управления государством, институты внутренней защиты МВД, КГБ и др., а также промышленность и экономику. По состоянию на 29 ноября 2020 г. ни одна из задач не была выполнена.

Во-вторых, организаторы протестов сумели воспользоваться новыми технологиями и создали крупные анонимные Telegram-каналы, которые консолидировали протестное население Беларуси. На указанных публичных страницах распространяли планы, анонсы и методические рекомендации по проведению ненасильственных акций и забастовок на предприятиях, программное обеспечение для анонимизации пользователей, информацию о местонахождении силовиков, персональные данные сотрудников органов власти и др. Вся информация активно обсуждалась в общегосударственных и региональных чатах протестующих.

В-третьих, контент-анализ оппозиционных Telegram-каналов иллюстрирует, что протесты в Беларуси происходят по семидневным циклам. Пик активности приходится на воскресенье и спадает к субботе. Это подтверждает исследование поведенческих факторов «Google Trends», который показал, что интерес пользователей к теме протестов возникает по воскресеньям, кроме отдельно взятых инфоповодов.

В-четвертых, опыт Республики Беларусь показал, что при условии сохранения «столпов поддержки» режима: органы управления государством и институтов внутренней защиты МВД, КГБ-протесты спадают на вторую неделю «сетевой революции», что подтверждается интересами белорусскими пользователями в «Google Trends».

На сегодняшний день «сетевая революция» в Белоруссии провалилась. Организаторы протестов не сумели реализовать поставленные задачи, а государственная система смогла перестроиться для подавления протестов. Дальнейшее изучение протестного движения в Республике Беларусь позволит сформировать новые кейсы и применить их для противодействия деструктивным факторам в России.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.12.2020

Библиографический список

- Астахова С. В. Белоруссия: политическая ситуация вокруг выборов президента – 2020 // Россия и новые государства Евразии. 2020. № III (XLVIII). С. 9–24.
- Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю. Большие данные в исследовании политических процессов: учебное пособие. М.: МПГУ, 2018.
- Возможен ли белорусский майдан? Диагностика и вызовы для России / отв. ред. А. А. Вершинин. М.: Научный эксперт, 2016.
- Карнаушенко Л. В. Суверенитет государства в аспекте формирования нового облика массового коммуникативного пространства // Закон и право. 2020. № 11. С. 20–23.
- Нагорняк К. И. «Pillars of Support»: технология воздействия на «столпы поддержки» власти во время «Евромайдана» на Украине // Ученые записки Крымского Федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69). № 2. С. 75–85.
- Чемшиш А. А. Белорусский «Майдан»: фальстарт или процесс пошел? // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 10 (62). С. 2990–2997.
- Чимаров С. Ю. Тактика протестного движения в Республике Беларусь в августе 2020 г.: некоторые уроки для области морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 65–2. С. 155–159.

References

- Astahova, S. V. (2020). Belarus: Political situation around the presidential election. *Russia and New States of Eurasia*. 2020., III (XLVIII), 9–24. (In Russian).
- Brodovskaja, E. V., & Dombrovskaja, A. J. (2018). *Big Data in the Study of Political Processes*. Moscow: MPGU publ. (In Russian).
- Chemschit, A. A. (2020). Belarusian “Maidan”: False start or the process started? *Political Science Issues*, 10(62), 2990–2997. (In Russian).
- Chimarov, S. J. (2020). Tactics of the protest movement in the Republic of Belarus in August 2020: Some lessons for the field of moral and psychological training of employees of internal affairs bodies. *Trends in the Development of Science and Education*, 65–2, 155–159. (In Russian).
- Karnaushenko, L. V. (2020). State sovereignty in the aspect of forming a new image of the mass communication space. *Law and Legislation*, 11, 20–23. (In Russian).
- Nagornyak, K. I. (2017). “Pillars of Support”: The technology of influencing the “Pillars of Support” of the authorities during the “Euromaidan” in Ukraine. *Uchenye zapiski Krymskogo Federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofija. Politologija. Kulturologija*, 3(2), 75–85. (In Russian).
- Vershinin, A. A. (Ed.). (2016). *Is the Belarusian Maidan Possible? Diagnostics and Challenges for Russia*. Moscow: Scientific Expert. (In Russian).

Сведения об авторе:

Нагорняк Кирилл Иванович – соискатель исторического факультета Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (e-mail: Kir.nagornyak@yandex.ru) (ORCID ID: 0000-0003-0075-1405).

About the author:

Nagornyak Kirill Ivanovich – Postgraduate of the Faculty of History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (e-mail: Kir.nagornyak@yandex.ru) (ORCID ID: 0000-0003-0075-1405).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-78-96

Research article / Научная статья

Youth as an Object of Online Extremist Propaganda: The Case of the IS¹

A.I. Abalian, A. Bijan

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia

Abstract. A youth audience is the most vulnerable part of society as an object of influence of radical ideas. The authors argue that the most efficient tool of involving young people of different origin and confessional affiliation into the extremist activity on the present stage is social networks. Despite the fact that the practice of using communication networks in the Internet space by terrorist organizations have existed before, it was the information policy of the ISIS (and later IS) that was characterized by the greatest effectiveness, due to the creation of an integrated media structure, which consisted of numerous foundations and agencies (“Al Furqan”, “Aynad”, “Itisaam”, “Al-Hayat”, etc.), allowing them to spread their extremist religious and ideological doctrine on a global scale. The use of the widest range of high-quality media products in Internet media and social networks has expanded the organization’s area of influence by attracting supporters not only from the Middle East region, but also from European countries and the Russian Federation. The case-study of the mechanisms for attracting European youth through social networks, such as Twitter, Facebook, etc., to extremist activities under the auspices of the IS is held. In conclusion, the prospects for the influence of IS propaganda in social networks after the defeat of a terrorist organization in 2018 are assessed. As a methodological basis of the research, aspect and activity approaches, as well as analytical, statistical methods and the method of content analysis are used.

Keywords: terrorism, extremism, Islamic State, social networks, youth, European countries, propaganda

Acknowledgements: This research was carried out within the framework of the grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) No. 20-011-31077 “Ethnopolitical conflicts in the modern world: the post-Soviet context” 2020.

For citation: Abalian, A.I., & Bijan, A. (2021). Youth as an object of online extremist propaganda: The case of the IS. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 78–96. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-78-96

¹ An international Islamist terrorist organization prohibited in Russia.

Молодежь как объект экстремистской пропаганды в интернет-пространстве: на примере «Исламского государства»²

А.И. Абальян, А. Бижан

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Молодежь является наиболее уязвимой частью общества в качестве объекта воздействия радикальных идей. Авторы статьи утверждают, что самым эффективным методом распространения экстремистских идей в молодежной среде на современном этапе, служат социальные сети. Несмотря на то, что практика использования коммуникационных сетей в интернет-пространстве террористическими организациями существовала и ранее, именно информационная политика ИГИЛ (и позднее ИГ) характеризовалась наибольшей результативностью, за счет создания комплексной медийной структуры, состоявшей из многочисленных фондов и агентств («Аль-Фуркан», «Айнад», «Итисаам», «Аль-Хайат» и др.), позволив распространять их экстремистскую религиозно-идеологическую доктрину в мировом масштабе. Использование широчайшего спектра высококачественной медиапродукции в интернет-СМИ и социальных сетях увеличило ареал влияния организации путем привлечения сторонников не только из ближневосточного региона, но в том числе и из европейских стран. В данной статье выявляются механизмы привлечения европейской молодежи через социальные сети, такие как Twitter, Facebook и др. к экстремистской деятельности под эгидой ИГ. В заключении оцениваются перспективы влияния пропаганды ИГ в социальных сетях после разгрома террористической организации в 2018 г. В качестве методологической базы исследования выступают аспектный и деятельностный подходы, а также аналитический, статистический методы и метод контент-анализа.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, Исламское Государство, молодежь, социальные сети, европейские страны, пропаганда

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-011-31077 «Этнополитические конфликты в современном мире: постсоветский контекст» 2020 г.

Для цитирования: *Abalian A.I., Bijan A. Youth as an object of online extremist propaganda: The case of the IS // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 78–96. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-78-96*

Introduction

On the present stage the use of information technologies provides the rapid and scarcely controlled dissemination of diverse messages in the socio-political sphere and facilitates the implementation of propagandistic activities. Taking into account the possibilities of network technologies, participants in social and political actors use a variety of means to form the positions and perceptions of people and to influence their behavior. In the case of extremist ideas, this poses a particular danger, since it leads to radicalization in society and the spread of antihuman ideology, especially among the most susceptible and least socialized group of the

² Организация запрещена в РФ.

population – youth. It is not surprising, therefore, that this topic is of profound recent interest to both foreign and Russian researchers in different scientific social areas studying issues of a general nature of propaganda [Bernays 2010; Evdokimov 2012; Kolesnikova 2014], and more specialized questions of youth radicalization methods [Strebkov et al. 2015; Movchan 2017] and influence of Internet mass-media [Volodenkov, 2016]

Militant groups have long used traditional media and the Internet to disseminate information, spread their propaganda, and recruit potential militants [Cohen 2012]. However, no group to date has been as perceptive in terms of its propaganda campaign and recruiting terrorists via the Internet, and specifically via social media platforms, as the Islamic State of Iraq and the Levant (Islamic State nowadays)³. The Islamic State (IS) used a variety of platforms, such as: Facebook, Instagram, Tumbler, Ask.fm, and most prominently, Twitter to spread its message [Bodine-Baron, Helmus, Magnuson, Winkelman, 2016].

As of early 2015, terrorist organizations operated in Syria have recruited over 20,000 foreign fighters to their cause, the overwhelming majority of whom have joined the ranks of the Islamic State⁴. The main reason for the recruiting success of the group was the skillful use of propaganda and social media, which expanded its scope from the conflict in Iraq and Syria to global appeal.

Propagandists and recruiters were primarily focused on the most vulnerable and at the same time most active part of society – the youth. The young people consciousness is open to the perception of new ideas, fantasy-prone and suggestible, that, alongside with insufficient critical attitude to the receiving information, make them an easier prey for all kinds of influence. Also, an immanent feature of youth as a group, being in the process of primary socialization is extremeness [Strebkov et al. 2015–801] and with the appropriate impact, it might be developed into the adoption of extremist ideology. Besides, young people more often have no social obligations, like their own family or permanent job, and are more prone to spontaneous decisions and actions. The mass spread of the Internet technologies among youth on a wider extent comparatively with other population groups and unlimited possibilities of communication in social networks significantly facilitate ways of manipulation, and malinformation. Virtual space is not the only ground of the youth recruitment which also takes place in bars and discos, in college dormitories, in mosques and prayer rooms, but supposedly the most large-scale and effective on the present stage. Organizations like the Islamic State own the most modern recruiting technologies, actively using social networks,

³ Shane, S., & Hubbard, B. ISIS displaying a deft command of varied media. The New York Times. August 30, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/08/31/world/middleeast/isis-displaying-a-deft-command-of-varied-media.html> (accessed: 09.08.2020).

⁴ Neumann, P. Foreign fighter total in Syria/Iraq now exceeds 20,000; surpasses Afghanistan conflict in the 1980s. The International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence. January 26, 2015. URL: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-Afghanistan-conflict-1980s> (accessed: 12.09.2020).

Skype, and mobiles. While analyzing personal pages of potential objects of recruiting propagandists tend to choose young people who display activity, and simultaneously, the lack of clear personal worldview. At the first stage of searching for potential candidates, recruiters conduct a thorough analysis of a person's actual desire, his psychological problems and value orientations. On the following stages, based on the information received, they individually process possible candidates.

Attempts to counteract IS propaganda have been vague and ineffective, in spite of declarative efforts by the international actors like the USA, the UK, Saudi Arabia, and even al-Qaida. Counter-messaging efforts, such as those by the U.S. Department of State's Center for Strategic Counterterrorism Communications (CSCC), were negligible due to the considerable scale of the IS footprint. Social media companies also did not impose strict and timely restrictions to prevent the Islamic State and its followers from distributing their propagandistic appeals. The Islamic State has significant differences from the other terrorist organizations for a multitude of reasons: first, its construction of a pseudo state, an "Islamic Caliphate"; second, its ability to sustain itself economically by amassing greater riches than any terrorist organization in the past; third, its globalist and apocalyptic ambitions and its millenarianism; and finally, its powerful social media campaign with a global following, which has to date attracted over 18,000 foreign fighters from over 90 countries.

Media, due to the events in Arab countries commonly entitled as the "Arab Spring", has taken on a new role. They ceased to be merely an SCCEM-exchange for pictures and messages with friends, but became punk-tem meetings revolutionaries. Through group and created profiles on Facebook, activists posted about peaceful protests, encouraging participation in them. The authorities belatedly caught with the scale. One of them was posting on Twitter through the specially launched hotline. Information published in the local media largely deviated from the facts, which was demonstrated through videos posted on the website YouTube. They showed differences between the propaganda television programmes and the actual events in the region [El Ghamari 2017: 70].

In this study, the authors examine the impact of social media on the attraction of young citizens of the European countries to terrorist groups such as the IS. The defeat of the IS has caused many citizens of these countries to return to their homeland, which can raise security concerns for governments. Therefore, the control of these groups is very important for all countries, as there is a probability of rejoining to these terrorist organizations in the future. The novelty of the article is based on the fact that although a number of researches has been made on the use of takfiri groups such as the IS of social networks, the focus of the present study is to examine the mechanisms of attracting European youth via social networks to the IS extremist activity. As a methodological basis of the research, aspect and activity approaches, as well as analytical, statistical methods and the method of content analysis are used.

The Islamic State's Internet Media Propaganda

The foundation of the Islamic State's media organization was laid in 2006, when the ISIS established the al-Furqan Institute for Media Production. Besides Al-Furqan, which produces brochures, films, posters, and material for the Internet and official statements, the IS's centrally organized media centres include Al-Hayat, which publishes inside the caliphate-videos, and the radio network al-Bayan. There is also the Ajnad foundation, which mostly publishes nasheeds, i.e., traditional Arabic a Capella song. The IS writes and produces their own nasheeds, for use as revolutionary songs. Their lyrics deal with such topics as jihad, the caliphate, or allegiance to al-Baghdadi. They are not only played on the radio, but are also used for setting IS film material to music, among other things⁵. Most of the material analyzed in this research is produced by Al-Hayat, founded in 2014, and specialized in producing material in different languages, such as English, German, French, and Russian. Al-Hayat's production includes the magazines Dabiq, Dar al-Islam, and Rumiya, intended for an international Muslim audience⁶. All the titles of the above-mentioned media structures and magazines are deeply rooted in the Islamic eschatology and are of a great symbolic significance. For instance, especially popular and often cited words of Prophet Muhammad about the last battle between the Muslim army and infidels which had to be held in Dabiq gave name to the main propagandistic journal.

The first issue of Dabiq was published in July 2014, immediately after the IS captured Mosul. The issue was called "The Return of Khilafah" and carried the date "Ramadan 1435". Fifteen issues of Dabiq were published between July 2014 and July 2016. In September 2016, the magazine changed its name to Rumiya (Rome). The name Rumiya is a reference to another hadith in which Muhammad said that Muslims would conquer both Constantinople and Rome. Between September 2016 and September 2017, 13 issues of Rumiya were released. Both magazines are produced by Al-Hayat Media Center. To attract members from all over the world, both Dabiq and Rumiya are published in a number of different languages. Rumiya, for example, is released in eleven different languages – English, Bahasa, Bosnian, French, German, Kurdish, Pashto, Russian, Turkish Urdu and Uyghur⁷. Each issue is sub-divided thematically, and includes a segment on the latest news updates from the battlefields. Each issue of Rumiya is around 40 pages, while its

⁵ Schatz, B. (2015, February 09). Inside the World of Isis Propaganda Music. *Mother Jones*. Retrieved from <https://www.motherjones.com/politics/2015/02/isis-islamic-state-baghdadi-music-jihad-nasheeds/>

⁶ Milton, D. (2016, October). Communication Breakdown: Unraveling the Islamic State's Media Efforts. *Combating Terrorism Center at West Point*. Retrieved from <https://www.stratcomcoe.org/milton-d-communication-breakdown-unraveling-islamic-states-media-efforts>

⁷ Mahlouly, D., & Winter, C. (2018). A Tale of Two Caliphates. Comparing the Islamic State's Internal and External Messaging Priorities. *ICSR*. Retrieved from <https://icsr.info/wp-content/uploads/2018/07/ICSR-Report-A-Tale-of-Two-Caliphates-Comparing-the-IslamicState%E2%80%99s-Internal-and-External-Messaging-Priorities.pdf>

predecessor Dabiq was nearly twice that length⁸. Dabiq and Rumiya target three broad groups of readers: 1) the IS fighters, supporters and sympathizers, 2) potential recruits from across the world, and 3) the IS' enemies.

Violence plays a major part in Islamic State's brand and its appeal among the followers. The IS transformed the goal of many Islamist groups. Since the foundation of al-Qaeda, Osama Bin Laden advocated focusing on the "head of the snake", as he called the USA. He argued that once one destroys the source of "evil" that dominates Muslim countries, its puppets (Arab and Muslim leaders) would consequently lose power, and Islamic lands would be freed. This message insisted on gradualism and portrayed the battle between Jihadists and the US and its supporters in the context of David vs Goliath.

On the other hand, the IS, from the beginning, refused to portray itself as an underdog, focusing on its victories, atrocious violent acts against minorities (and particularly, the Shias, whom they used as a target in order to gain support among certain sectors of the Sunni community), and its call for an Islamic state. This was an intentional posture, which is reflected profoundly in its message to: 1) excite and attract many young men and women to this "exciting" and "victorious" journey that brings pride to its participants, and 2) to escape the spiritual hegemony of al-Qaeda-central and Ayman al-Zawahiri's attempts to control the jihadi scene in Iraq and Syria. Therefore, we see a strong emphasis on violence-related topics in the IS' Twitter sphere. We see a trend of violence-related rhetoric rising around some of the offline events that we have outlined. Four events stand out: the crucifixions in Raqqa⁹, the invasion of Mosul and Tikrit (Saddam Hussein's hometown, a place of symbolic importance) by IS, the invasion of Sinjar (Yazidi town), and the taking over of the Shaer gas field. All these events, annotated in the timelines, align faithfully with conversation spikes online (Figure 1). As for the "Names + Violence" tweets, we see the same pattern of relationship with the crucifixions (Figure 2).

The IS, after inflicting violence upon minorities, would engage in theological defense and justifications for its actions. We see a sharp increase in Twitter discussions among the IS members and the sympathizers after the IS self-proclaimed itself a Caliphate, suggesting how important the perception of this event was among the IS followers. For the "Names + Theological" tweets, we again see the same sharp rise in tweet volume after the announcement of the caliphate (Figure 3). It is worth noting that IS's digital magazine Dabiq focused on legitimizing the caliphate since the announcement of its establishment [Winter 2015]. This should not be surprising, since the concept of the caliphate plays a

⁸ Mahzam, R. (2017, 9 (3)). Rumiya: Jihadist Propaganda and Information Warfare in Cyberspace. *Counter Terrorist Trends and Analyses by the S. Rajaratnam School of International Studies (RSIS)*. Retrieved from <https://www.rsis.edu.sg/wp-content/uploads/2017/03/CTTA-March-2017.pdf>

⁹ Abdelaziz, S. (2014, May 02). Death and Desecration in Syria: Jihadist Group "Crucifies" Bodies to Send Message. *CNN*. Retrieved from <http://www.cnn.com/2014/05/01/world/meast/syria-bodies-crucifixions/>

crucial role in political Islam and arguably in Islamic theology or Fiqh (Muslim Law). To many Islamists, Muslims need an “Islamic” state where they can live their lives under the guidance of the Sharia, or in their view free from exogenous corrupting influences. The need for an Islamic state, especially since the collapse of the Ottoman Empire, has been a motivating cause for many Islamic groups, including the groups that some might see as moderate, such as the Muslim Brotherhood.

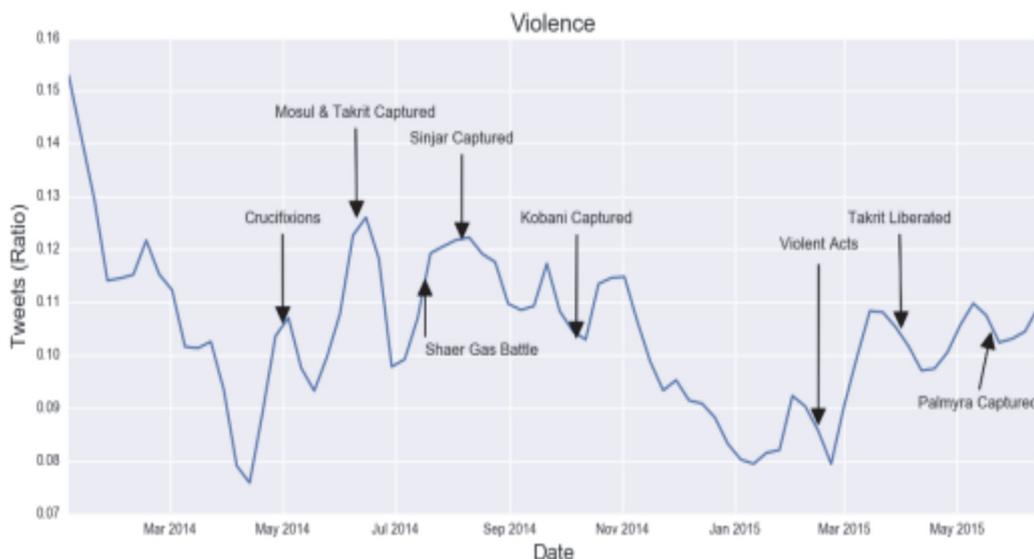

Fig. 1. Tweets classified under “Violence” with important external violent events plotted
Source: [Badawy, Ferrara 2018].

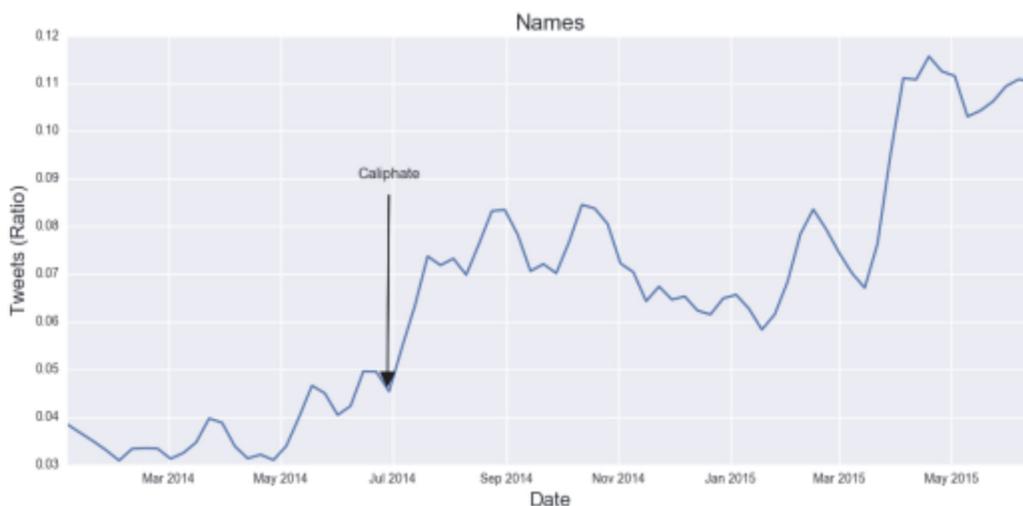

Fig. 2. Tweets classified under “Names” with the announcement of the Caliphate plotted
Source: [Badawy, Ferrara 2018].

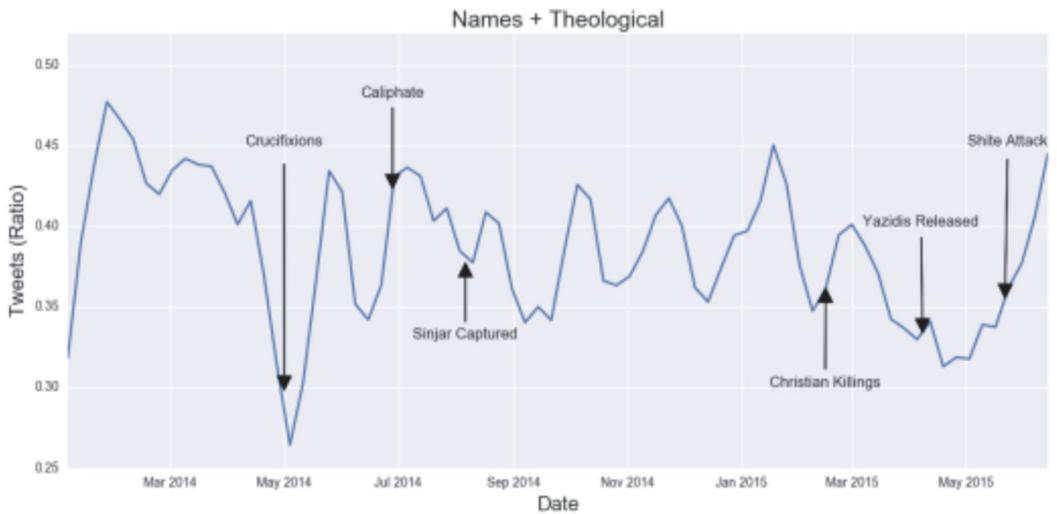

Fig. 3. Tweets classified under “Names+Sectarian” with important external sectarian events plotted
Source: [Badawy, Ferrara 2018].

Since the “Names” category includes names of various entities, we did not have a uniform expectation regarding the relationship of any specific offline event and the tweets classified under this category, except for the announcement of the caliphate. The “Names” category includes three stems related to the caliphate: a sharp rise in this category after the announcement of the caliphate by the leader of IS, Abu Bakr al-Baghdadi, appears as expected (Figure 4).

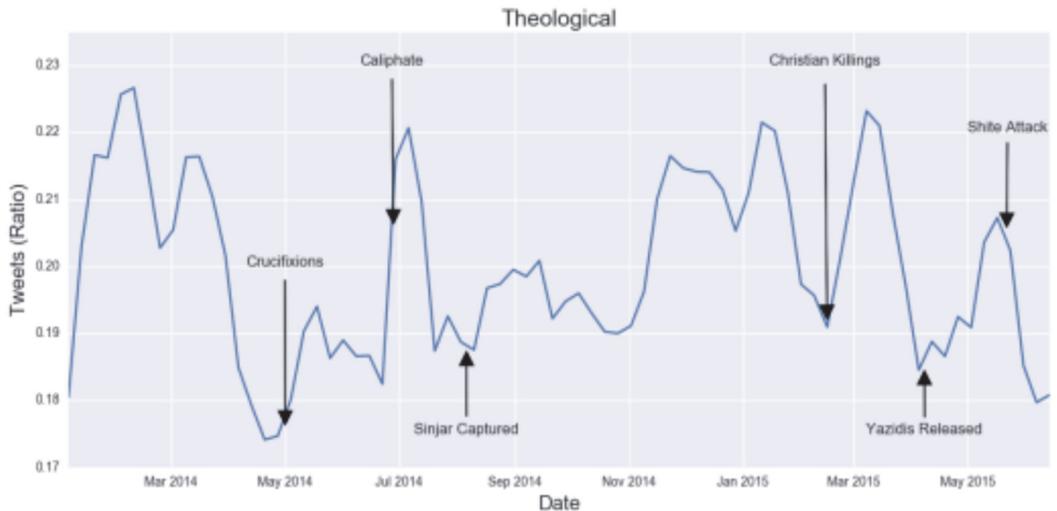

Fig. 4. Tweets classified under “Sectarian” with important external sectarian events plotted
Source: [Badawy, Ferrara 2018].

Propaganda messages are usually not the only grounds for radicalization or recruitment to violent extremist ideologies. Those people who have joined terrorist groups such as the IS, and actually travelled to the caliphate, have usually acted this way after having interacted with others, online or offline¹⁰. “The group uses a very successful strategy of having an “online battalion” or the so-called “the mujahidin (industrious)”, that is likely a small group of 500-2,000 active online members who post and retweet certain tweets to make these messages trending, increasing the group’s exposure and outreach” [Berger & Morgan 2015]. Online propaganda messages serve as facilitators of the radicalization process, by capturing and retaining the individual’s interest, and by constituting “proof” for radical beliefs (Table 1). Well-designed propaganda may incline individuals to actively seek out people who can further introduce them into the ideology, thus making extremist organizations less dependent on an individual recruiter’s abilities to use rhetoric and charisma as tools of recruitment [Winter 2015]. Propaganda can be a gateway into a radicalization process, and it can also serve as a sustaining factor in an ongoing radicalization process. There is also the matter of lone actors, individuals who commit terror attacks without any prior reciprocal contact with a terrorist group. For these individuals, propaganda is essential for the development of extreme beliefs, and also an inspiration for violent actions.

To summarize, the functions of the IS’ propaganda are:

- 1) A gateway into radicalization,
- 2) A facilitating aspect in an on-going radicalization process,
- 3) Intimidation of the enemy, and
- 4) Inspiration for lone actor terrorists.

Table 1

Top 20-collocation network of key words across word cloud [Awan 2017:10]

Words	Words
Muslim	Khalifah
Islamic State	Syria
State	Brothers Rise Up
IS	Claim Victory
Extreme	Haya
Fight	Extremists
Terrorism	Haya alal-Jihad
Kill	Mujaheddin
ISIL	Rush to the Battlefield
Killing	Slaughter

Source: [Awan 2017].

¹⁰ Dunleavy P. (2012, April 04). The Myth of Self-Radicalization. *IPT New*.

The Al-Qaeda had already recognized the opportunities to carry out terrorist operations in the virtual sphere. In 2005, Ayman al-Zawahiri said, “we are in a battle and more than half of this battle is in the media. In this media battle, we are in the race for the hearts and minds of our Umma [the Muslim community]”¹¹.

The IS’ propaganda is also a multi-vectoral one. The IS communication agency, AMAQ, is highly active. The group communicates through its media center Al-Hayat¹² and the “jihad sphere” has experienced significant development since the official proclamation of the caliphate in 2014. Henceforth, the so-called Islamic State not only has websites, chat rooms and online journals, but it also makes extensive use of social networks, blogs, instant messengers, video sharing sites, Twitter, Facebook, Instagram, WhatsApp, Tumblr, etc. The group is also active on Telegram and on specialized forums (terror forums) as well as on the Darknet, where terrorist operations can be organized and coordinated. This diversity of the means of dissemination also makes use of a variety of formats: videos, articles, songs, reports, memes, etc. IS claimed responsibility for the attacks of November 2015 in Paris via an official written statement, which was also repeated in song to a much younger audience. In doing so, the Islamic State is building a propaganda apparatus capable of attracting diverse audiences. These audiences are subject to meticulous targeting that seeks primarily to exploit the social, economic, political and cultural vulnerabilities of certain communities (Table 2). The multiplication of memes and terrorist videos suggests that young people are the principal target of the conspiracy theories spun by the so-called Islamic State. The IS offers these vulnerable young people answers to the challenges that come with entering the professional world and building an adult identity. The IS uses individualized targeting at an unprecedented level¹³.

¹¹ Schori Liang, C. (2015, February 01). *Cyber Jihad: Understanding and Countering Islamic State Propaganda*. *The Geneva Centre for Security Policy*. Retrieved from <https://www.files.ethz.ch/isn/189426/2015%202%20Cyber%20Jihad.pdf>

¹² Ibid.

¹³ Jeangène Vilmer, J.B., Escorcía, A., Guillaume, M., & Herrera, J. (2018, August 28). *Information Manipulation: A Challenge for Our Democracies*. *Report by the Policy Planning Staff (CAPS) of the Ministry for Europe and Foreign Affairs and the Institute for Strategic Research (IRSEM) of the Ministry for the Armed Forces*. Paris. Retrieved from https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/information_manipulation_rvb_cle838736.pdf

Table 2

Offender behavior characteristics

Type	Characteristics	Cases on Twitter	Cases on Facebook	Total No of Cases
Cyber Mobs	Using social media platforms to create a mob mentality and urging others to fight for the IS goal. This is done through group posts, videos and comments of hate directing groups of Muslim has to fight. Often personified through retweets, likes and views of specific IS propaganda materials	78	55	133
Loners	Often done through individual posts and comments. This individual is someone who is attracted to the IS campaign but clearly is exposed to individual grievances and has a lone mentality	51	65	116
Fantasists	Someone using social media platforms to fantasise over the IS movement. In particular, these individuals have blurred the lines between reality and fiction and are making direct pleas to fight for IS	45	94	139
Thrill Seekers	People who are promoting IS propaganda through videos and posts and forums. Indeed, some of these individuals claim to be directly using the Internet for online extremist purposes. These individuals are describing the sense of adrenaline rush they are receiving by watching and partaking in fighting on the battlefield whether online or offline	85	98	183
Moral Crusaders	These individuals are talking about the moral duty to fight. Many of these individuals are also constructing arguments based on ideology and theology as a means to promise people external rewards	140	95	235
Narcissists	These people are using political, foreign policy and individual grievances as a means to whip up a climate of revenge seeking and wanting to fight for the IS mission and goals	166	104	270
Identity Seekers	Mostly this is users who appear to be seeking some form of identity. Primarily people searching for some form of masculinity and therefore the IS recruitment drive appeals to them. This applies to males and females	87	101	188

Source: [Awan 2017: 6].

The European case study

Terrorist groups such as the Islamic State have used various media to influence public opinion and recruit followers since its inception. Some analysts call the

Internet as an “IS’ main playground”¹⁴. By June 2014, when the ISIS had gained enough territory to turn their main objective into a reality, the caliphate was claimed, with al-Baghdadi as its caliph, and Raqqa as its capital. The ISIS has become the IS, dropping their geographical limits to suit their ambition to expand. During the preceding months, “virtual expanding” was launched as well in particular by means of translating much of their Arabic propaganda into English. They started to produce magazines in English, French and German. A massive propaganda campaign directed at the West was issued, wherein Muslims of all trades – doctors, engineers, social workers etc. – were encouraged to come and live in the caliphate. This politics determined another distinguishing feature of the IS – the geographical diversity of their members. It is estimated that more than 40,000 citizens from 80 different countries travelled to Syria and Iraq to join the IS¹⁵. “The IS is following an unprecedented and sophisticated audiovisual strategy, consisting on the massive elaboration and distribution of audiovisual images that are highly salient and resonant in the culture of their targeted audiences. The segmentation of Daesh messages also includes the use of different languages, depending on the audiences they try to reach with each message. IS has released 120 campaigns aimed at Western countries: 27 percent of those have been released in English, 15 percent in Russian, 13 percent in French, and 3 percent in German” [El Ghamari 2017: 77].

Social networks such as Facebook, Twitter, WhatsApp and Instagram have played an influential role in disseminating their thoughts and objectives, with 80% of the IS forces recruited through social media. Twitter can be considered the most important media tool of the IS to promote and also attract young people from the Western countries. The network also has access to all foreign media. Based on the demographic, social, and economic characteristics of the IS European terrorists, it is estimated that six percent of IS’ foreign members have joined the group from the EU countries; many of them are second or third generation immigrants. Very few of them already had ties to Syria, and about 18 percent of those who have joined the IS from the West are women¹⁶. The average age of people who have joined the IS from Western countries is between 18–29 years old. The average age of the IS foreign terrorists in France is estimated at 27 years, and in Belgium and the United Kingdom at 23.5 years¹⁷. It should be noted that the largest Muslim minority in

¹⁴ Saber, M. How Did ISIL Advance the Media Wave? When the Media Becomes Violent in the Context of Terror? *Khorasan Newspaper*. Retrieved November 15, 2020, from <http://khorasannews.com/> (In Persian).

¹⁵ Cook, J., & Vale, G. (2018, July 23). From Daesh to ‘Diaspora’: Tracing the Women and Minors of the Islamic State. *International Centre for the Study of Radicalisation*. Retrieved from <https://icsr.info/2018/07/23/from-daesh-to-diaspora-tracing-the-women-and-minors-of-islamic-state/>

¹⁶ Davis, C., & Opperman, J. (2014, June 05). Female Foreign Fighters Syria and Iraq. *TRAC Terrorism Research and Analysis Consortium*. Retrieved from www.trackingterrorism.org/article/female-foreign-fighters-syria-and-iraq

¹⁷ Pantucci, R. (2014, March 22). Foreign Fighters – Battle-Hardened Europeans Return Home from Syria. Retrieved from <https://raffaellopantucci.com/2014/01/14/foreign-fighters-battle-hardened-europeans-return-from-syria/>

Europe can be found in France amounted to approximately 4–5 million people. Then goes Germany with about 3 million Muslim population and the UK with less than 2 million Muslims. Most French Muslims are African immigrants who are dissatisfied with French migration policy; but quite paradoxically the social reasons have not prevailed in their motivation as the majority of young Europeans who joined the IS came from the middle-class families and their life prospects have been reasonable. Most European IS terrorists join the IS without any military training or previous experience of war. According to the statistics from 2013, more than 6,000 people from 28 EU member states left for Syria¹⁸. According to 2015 estimates, the number of people who have joined the IS from Western European countries has increased to almost 4,000. This is almost double the figures presented in December 2013. The majority of people who joined the IS came from the most influential European countries (France, the UK and Germany). Many people from countries such as Belgium, Denmark and Sweden have joined the IS in proportion to their population. According to the ICSR, about one-fifth of the population of foreign terrorists who are members of the IS are from Western European countries: from France (1200), Germany (500–600), the UK (500–600), Belgium (440), Netherlands (200–250), Sweden (150–180), Austria (100–150), Denmark (100–150), Spain (50–100), Italy (80), Finland (50–70), Norway (60), Switzerland (40), Ireland (30), terrorists have joined the IS in Iraq and Syria¹⁹.

A research of the use of different kind of PR technologies by the IS via social networks showed that the recruiters, due to their professional and elaborate activity managed to attract citizens from almost a hundred countries of the world, and the ranks of terrorists continue to grow. As a result of the IS's active use of PR technologies in Europe "84% of young people joined the ranks of terrorist organizations via the Internet; 47% paid attention to materials (video and text) posted online; 41% have sworn allegiance to IS online; 19% used online instructions when preparing a terrorist attack (making improvised explosive devices and bombs)"²⁰. The recruitment methodology is extremely simple but proved to be extremely effective at the same time. The recruiters are actively preparing and distributing professional video products, which colorfully show the supposedly "prosperous" life of the militants. Once young people were recruited, they became even more susceptible to terrorists' control and indoctrination, in some cases with use of drugs and the threat of harm to their families²¹.

¹⁸ Harrod, A.E. (2013, May 22). European Jihad in Syria. *Investigative Project on Terrorism*. Retrieved from www.investigativeproject.org/4153/european-jihad-in-syria

¹⁹ Neumann, P. (2015, January 26). Foreign fighter total in Syria/Iraq now exceeds 20,000; surpasses Afghanistan conflict in the 1980s. *ICSR*. Retrieved from <https://icsr.info/2015/01/26/foreign-fighter-total-syriairaq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/>

²⁰ Sokolov, N. Conveyor Belt of Death: How Young People Fall into the Trap of the Islamic State. *Vesti.ru*. Retrieved from <https://www.vesti.ru/article/1756301> (In French).

²¹ Human Rights Watch. (2008, April 16). *Coercion and Intimidation of Child Soldiers to Participate in Violence*. Retrieved from <https://www.hrw.org/news/2008/04/16/coercion-and-intimidation-child-soldiers-participate-violence>

Boko Haram, in particular, is notorious for drugging children before sending them on suicide missions²², tactics which as well could be used by the IS.

A relatively understudied pathway into terrorism is being born into a violent extremist family. Of the roughly 40,000 foreign IS members identified in Iraq and Syria, 12 percent were children under the age of 18. In total, at least 4,640 foreign minors have been identified as IS affiliates. More than 730 infants were born in the IS-controlled territory to foreign terrorist fighters between April 2013 and June 2018²³. Some estimates place the total number of children born in territory controlled by the IS as high as 5,000²⁴. In these instances, the family is the primary site of radicalization. The children of violent extremists may have a much higher attachment to ideology and require more exhaustive efforts to counter their indoctrination. Leaders' children may also serve important roles in terrorist organizations, contributing to the groups' longevity. For instance, Osama bin Laden's son, Hamza, is widely believed to be the future leader of al Qaeda²⁵. Even as we begin to grapple with the challenge posed by youth involvement in terrorism—and in particular, the thousands of children associated with IS—the long-term risks posed by children raised in violent extremist environments remain unclear.

While the exact number of people affiliated with the IS is unknown, according to information provided in the book “IS: The Land of Terror” by Stern and Berger, some foreign European terrorists who joined IS have risen to the top of this takfiri group. European terrorists were involved in the military and media structure of the IS. People who joined the IS from Europe had education and experience in areas such as media and cinema; hence they provided these experiences to the IS. An important part of increasing IS's operational, technical and tactical capabilities depends on European forces. In this way, for example, chemists can help the IS in the production or use of chemical weapons. On the other hand, those who have artistic and media expertise in the field of propaganda and extension put their expertise in the service of IS's media power [Stern & Berger 2015].

On the other hand, according to the statistics of a study center in the Great Britain, since the formation of the IS until 2018, about 13,000 Europeans have left for Syria and Iraq to join this terrorist group. A study by the International Center for the Study of Extremism at King's College London in July 2018 also shows that the IS foreign forces included 3,2809 men, 4,671 women and 4,640 children. Of

²² Trafficking of Pills Used by Suicide Bombers Soars in Sahel. *BBC*. (2017, December 12). Retrieved from <https://www.bbc.com/news/world-africa-42326253>

²³ Cook, J., & Vale, G. (2018, July 23). From Daesh to 'Diaspora': Tracing the Women and Minors of the Islamic State. *International Centre for the Study of Radicalisation*. Retrieved from <https://icsr.info/2018/07/23/from-daesh-todiaspora-tracing-the-women-andminors-of-islamic-state/>

²⁴ Chulov, M. (2017, October 07). Scorned and Stateless: Children of Isis Fighters Face an Uncertain Future. *Guardian*. Retrieved from <https://www.theguardian.com/world/2017/oct/07/children-isis-fighters-syria-raqqa-orphans-uncertain-future>

²⁵ Schwartz, M.S. (2019, March 01). U.S. Offers \$1 Million for Info Leading to Son of Bin Laden. *National Public Radio*. Retrieved from <https://www.npr.org/2019/03/01/699264405/u-s-offers-1-million-for-info-leading-to-son-of-bin-laden>

these, 7,252 from Eastern Europe and 5,904 from Western Europe joined IS. Meanwhile, about 850 people from the UK joined the IS. Researchers at the International Center for the Study of Extremism have found that at least 7,366 IS foreign troops have returned to their home countries, including 256 women and 1,180 children. Of these, 1,765 returned to Western Europe and 784 to Eastern Europe. However, of the 425 IS members who returned to Britain, only two women and four children were accepted²⁶.

It is not surprising therefore that the United Nations has expressed its “grave concern at the increase of foreign fighters joining the Islamic State in Iraq and the Levant/Sham”. According to UN data, over 25,000 foreign citizens from more than 100 countries have joined the IS and other branches. The secretary general of the UN estimated, that there was an approximately 70 % increase in foreign terrorist fighters worldwide in the period between the mid-2014 and mid-2015 [El Ghamari 2017: 77].

After losing their capitals Mosul and Raqqa (in July and October 2017 respectively), the IS could no longer by any means be considered as a state. The people of the caliphate have mostly been killed, detained, deported or dispersed. A recent report showed that while 41,490 IS affiliates remain in Iraq and Syria; there are 7,366 returnees to their countries of departure²⁷. Though slower than expected, the flow of returnees still poses a challenge for the receiving countries.

Therefore, recently the problem of so-called returnees is one of the most significant concerns in the European countries. It attracted special attention in particular in Sweden. By the end of 2015, it was estimated that approximately 300 persons had travelled from Sweden to conflict areas in Syria and Iraq to fight for the IS²⁸. In a European perspective, Sweden has a relatively high percentage of the IS travelers per capita, only Belgium and Austria have more. Primarily young men between 18 and 30 have travelled from Europe to the caliphate (17 % of the European travelers are women)²⁹. A study from 2017 that included 267 travelers from Sweden to jihadi terrorist groups between June 2012 and September 2016 showed that 80% of the travelers were associated with IS, 76% were male, 75%

²⁶ *13,000 Europeans are members of ISIS*. *Hamshahri Online*. Retrieved October 05, 2020, from <https://www.hamshahrionline.ir/news/432804/%D8%B9%D8%B6%D9%88%DB%8C%D8%AA-%DB%B1%DB%B3%D9%87%D8%B2%D8%A7%D8%B1.%D8%A7%D8%B1%D9%88%D9%BE%D8%A7%DB%8C%DB%8C-%D8%AF%D8%B1-%D8%AF%D8%A7%D8%B9%D8%B4> (in Persian).

²⁷ Cook, J., & Vale, G. (2018, July 23). From Daesh to ‘Diaspora’: Tracing the Women and Minors of the Islamic State. *International Centre for the Study of Radicalisation*. Retrieved from <https://icsr.info/2018/07/23/from-daesh-to-diaspora-tracing-the-women-and-minors-of-islamic-state/>

²⁸ *Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq. The Soufan Group*. (2015, December). Retrieved from https://www.cvereferenceguide.org/sites/default/files/resources/TSG_ForeignFightersUpdate3.pdf

²⁹ Van Ginkel, B., & Entenmann, E. (2016, April). The foreign fighters phenomenon in the European Union: profiles, threats & policies. *International Centre for Counter-Terrorism*. DOI: 10.19165/2016.1.02

were Swedish citizens, and 34% were born in Sweden. It is estimated that 49 out of the 267 travelers died in battle³⁰.

As of 9 January 2017, approximately 150 returnees from the IS resided in Sweden³¹. Returnees have usually accumulated new knowledge and new contacts, lowered their violence threshold, and sometimes become status figures or role models for other violent extremists. While away, some of them have received military training, or carried out terrorist attacks. According to the Swedish Security Service, it is likely that many of these individuals will continue to operate in Sweden, in support activities or radicalization³². Even if the returnees are capable of conducting terrorist attacks, it is estimated that only a small number of them have an intention to commit a terrorist act in Sweden. Among those individuals who do constitute a terrorist threat in Sweden are not only returnees, but also individuals who have been radicalized without ever having left the country.

On 7 April 2017, Sweden was struck by a terrorist attack, when a stolen delivery truck was driven into crowds of shoppers along one of Stockholm's most popular pedestrian malls, a method clearly inspired by the modus operandi of the IS. The attack in Stockholm followed a trend in acts of terror in Europe during 2016, with attacks in Nice, Berlin, London, Brussels and Barcelona generating the most headlines. In all of these cases, the perpetrators expressed sympathy for the IS. Using open source information and a Wikipedia list of terrorist attacks linked to the IS, we have found that terrorist attacks that can be linked to the IS between January 2013 and September 2018 have killed at least 6,305 and injured 11,800 people. Suicide bombs were used in almost half of the attacks. Firearms are the second most commonly used tactic³³.

The threat from the IS in its current form is diverse and hard to predict. A UN report from August 2018 estimates that more than 20,000 members remain in Syria and Iraq. In eastern Syria, the IS has been able to hold on to territory in a few small towns and villages. However, most IS members are dispersed and embedded in different locations in the area. Certain IS facilities, such as Amaq news agency, continues to function. The prognosis offered by the UN is that what remains of the IS is likely to survive due to complex stabilization challenges in the area. Insecure environments are safe spaces for terrorists and the IS can easily obtain arms and

³⁰ Gustafsson, L., & Ranstorp, M. (June 15, 2017). *Swedish Foreign Fighters in Syria and Iraq: An Analysis of Open-Source Intelligence and Statistical Data*. Swedish Defence University. Retrieved from <http://www.diva-portal.org/smash/record.jsf?pid=diva2%3A1110355&dsid=771>

³¹ Karlsson, P. (2017, January 09). Säpo-chefen: Över 150-jihadister har återvänt until Sverige [Security Service Chief: Over 150 jihadis have returned to Sweden]. *Aftonbladet*. Retrieved from <https://www.aftonbladet.se/nyheter/samhalle/a/g9PWJ/sapo-chefen-over-150-jihadister-har-atervant-till-sverige>

³² *Swedish Security Service annual report 2016*. Retrieved October 08, 2020, from https://www.securitas.com/globalassets/com/files/annual-reports/en/securitas_annual_report_2016.pdf

³³ Cohen, K., & Kaati, L. (2018, December 15). Digital Jihad Propaganda from the Islamic State. *Swedish Defence Research Agency (FOI)*. Retrieved from file:///C:/Users/aus/AppData/Local/Temp/FOIR4645SE.pdf

materiel in areas with weak governance. It excels in the manufacture of improvised explosive devices and in the weaponization of drones³⁴.

When former IS fighters relocate, so does their expertise in military tactics and their skills in handling weaponry and explosive devices. An ICSR report from February 2018 states that while the return of foreign fighters will not likely lead to an increase of terrorist plots, it will increase the complexity of such plots. So far, less than a fifth of all known jihadist plots in Europe have been planned by returnees. Most have been untrained lone offenders using crude methods, such as knives or vehicles. With the advent of IS-trained jihadists, there is a fear of a professionalization of worldwide Jihadi terrorism. The coordinated attacks in Paris in November 2015³⁵ and in Brussels in March 2016 were planned and executed by returnees, while the simpler knife-and-vehicle plots have been executed by individuals without training or expertise. In early 2018, authorities in Europe remained concerned about this more advanced terrorist threat³⁶.

In the last three months of 2017, the IS official online strategic communication capabilities were decimated, leading to a notable decline of propaganda distribution [Winter & Ingram 2018]. While it slightly recovered during the first months of 2018, it reached an all-time low by June 2018. However, some IS' propaganda bureaus outside of Iraq and Syria have increased their production in 2018³⁷. "The IS still continues to use social media to urge its supporters in Europe to execute attacks in their country of residence. The 2018 FIFA World Cup became a focus for propaganda urging lone individuals or small cells to carry out attacks. The IS continues to disseminate various attack methodologies, as well as instructions for creating bombs and explosive vests. The recent trend has been away from directed and enabled attacks towards inspired attacks"³⁸.

Conclusion

The focus of this article has been to research the IS' use of Internet propaganda to gain followers worldwide and in the European countries, in particular. Their digital prowess has been a crucial part of their success in gaining a global network

³⁴ UN. Seventh report of the Secretary-General on the threat posed by ISIL (Da'esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support of Member States in countering the threat. (2018, August 16). *United Nations*. Retrieved from file:///C:/Users/aus/AppData/Local/Temp/S_2018_770-EN.pdf

³⁵ Neumann, P. (2018, February 16). ISIS and Terrorism in Europe: What next? *ICSR*. Retrieved from <https://icsr.info/2018/02/16/isis-terrorism-europe-next/>

³⁶ Renard, T., & Coolsaet, R. (2018, March 22). How Belgium Overcame the Threat from Returning Terrorist Fighters. *Egmont Commentary*. Retrieved from http://aci.pitt.edu/97523/1/how_belgium.pdf

³⁷ Milton, D. (2018, July). Down, but Not Out: An Updated examination of the Islamic State's Visual Propaganda. In *Combating Terrorism Centre at West Point*. Retrieved from <https://ctc.usma.edu/wp-content/uploads/2018/07/Down-But-Not-Out.pdf>

³⁸ UN. Seventh report of the Secretary-General on the threat posed by ISIL (Da'esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support of Member States in countering the threat. *United Nations*. (2018, August 16). Retrieved from file:///C:/Users/aus/AppData/Local/Temp/S_2018_770-EN.pdf

of followers. The IS lured European youth to the terrorist group through deceptive propaganda on media and virtual networks such as YouTube, Telegram, Instagram and Twitter. A decline of IS propaganda distribution was noted during the final three months of 2017, after the great territorial losses during which several key media contributors were also presumably killed. A partial recovery of the propaganda production was noted in early 2018, but by June 2018, it reached an all-time low. However, the IS' propaganda bureaus outside of Iraq and Syria have increased their activity in 2018. Meanwhile, the number of IS-related terror attacks have plummeted during 2018. Between 2015 and 2017 the IS carried out on average 21 attacks per year, whereas they have only carried out four in 2018 (by September). Yet, the number of averting attacks remained on a steady level showing that IS intention of committing terror attacks has not waned at all.

Since 2014, the IS has been posting content on the Internet to potential terrorist fighters and using social media to attract recruits into its ranks. Once they have entered into correspondence, IS recruiters and accomplices are rapidly switching to various encrypted applications, making it difficult to trace and analyze these types of contacts in the countries of residence of the persons they are trying to recruit. In Europe, the IS uses its Internet presence to encourage supporters to launch attacks in their home countries. Although the IS presence in the Middle East, especially in Syria and Iraq, is now declining, small groups of their associates operate in Afghanistan and the Central Asian countries closer to the Russian borders. This means that the IS' ideology has not yet disappeared and they are trying to form more cohesive groups through social networks to attract more forces. In this regard, many members of the IS originating from the European countries have returned to their homeland and their places of activity in cyberspace are many and may create security concerns both in cyberspace and in reality, worldwide in the near future. In this case, governments must make coherent efforts to confront IS' attempts to attract its citizens in the field of media and propaganda.

Received: 02.10.2020 / Поступила в редакцию

Accepted: 12.11.2020 / Принята к публикации

References / Библиографический список

- Awan, I. (2017). Cyber-Extremism: ISIS and the power of social media. *Society*, 54(2), 138–149. DOI 10.1007/s12115-017-0114-0
- Badawy, A., & Ferrara, E. (2018). The rise of jihadist propaganda on social networks. *Journal of Computational Social Science*, 1(8), 453–470. DOI: 10.1007/s42001-018-0015-z
- Berger, J. M., & Morgan, J. (2015). The ISIS Twitter census: Defining and describing the population of ISIS supporters on Twitter. *The Brookings Project on US Relations with the Islamic World*, 3(20).
- Bernays, E. (2010) *Propaganda*. Hippo-Publishing, Moscow. (In Russian).
- Bodine-Baron, E., Helmus, T. C., Magnuson, M., & Winkelman, Z. (2016). *Examining ISIS Support and Opposition Networks on Twitter*. RAND Corporation.
- Cohen, A. R. (2012). In Internet's way: Radical, terrorist islamists on the free highway. *International Journal of Cyber Warfare and Terrorism*, 2(3), 39–58.

- El Ghamari, M. (2017). Pro-Daesh jihadist propaganda. A study of social media and video games. *Security and Defense Quarterly*, 14(1), 69–90. DOI: 10.5604/01.3001.0010.8472
- Kolesnikova, G. I. (2014). *The Social Mechanism for Manipulating the Consciousness of the Individual*. Direct-Media, Moscow. ISBN 978-5-4458-8089-9. (In Russian).
- Movchan, A. V. (2017). Prevention and counteraction to the propaganda of extremism among young people in Internet. *Right. Economy. Security*, 3(11), 72–73. (In Russian).
- Stern, J., & Berger, J. M. (2015). *SIS: The State of Terror*. Harpercollins. NewYork.
- Strebkov, A. I. Aleinikov, A. V., & Sunami, A. N. (2015). Russian youth extremism: Problems of understanding and counteraction. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 9(4), 796–806. (In Russian).
- Volodenkov, S. (2016). Features and applications of Internet propaganda technologies in the political management. *PolitBook*, 4, 15–30. (In Russian).
- Winter, C., & Ingram, H. (2018). *Terror, Online and Off. Recent Trends in Islamic State Propaganda Operations*. Texas National Security Network. University of Texas.
- Winter, C. (2015). *The Virtual 'Caliphate': Understanding Islamic State's Propaganda Strategy*. London: Quilliam Foundation.
- Yevdokimov, V. A. (2012). Propaganda in Internet. *Polis. Political Studies*, 4, 137–142. (In Russian).

About the authors:

Abalian Anna Igorevna – PhD in Political Science, Assistant Professor, Department of Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia (Russian Federation) (e-mail: a.abalyan@spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0002-5171-2361).

Bijan Aref – Postgraduate Student in Political Science and Area Studies, Department of Political Studies, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia (Russian Federation) (e-mail: st082323@student.spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0003-1545-8770).

Сведения об авторах:

Абалин Анна Игоревна – кандидат политических наук, доцент кафедры этнополитологии факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (e-mail: a.abalyan@spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0002-5171-2361).

Бижан Ареф – аспирант кафедры этнополитологии факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (e-mail: st082323@student.spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0003-1545-8770).

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ

VALUE ORIENTATIONS AND PATRIOTIC EDUCATION OF YOUNG PEOPLE

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-97-106

Научная статья / Research article

Оценка эффективности программ патриотического воспитания старшими школьниками регионов Сибирского федерального округа

С.Ю. Асеев, Д.А. Качусов

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Основное содержание федеральных и региональных программ патриотического воспитания граждан РФ посвящено работе со школьниками, что актуализирует анализ мнения самой молодежи об их эффективности. В статье на основе данных массового опроса старших школьников 10 регионов Сибирского федерального округа выделены особенности их размежевания «патриот – не патриот», проведен сравнительный анализ представлений этих групп учащихся как о приоритетных субъектах патриотического воспитания, так и об эффективности реализации его отдельных направлений. Особо отмечено позитивное отношение большинства школьников к закреплению в молодежной среде патриотических ценностей посредством фильмов патриотической направленности, в то время как идея обязательного патриотического воспитания в школах и вузах воспринимается среди молодежи неоднозначно и отрицательно оценивается со стороны учащихся, не определяющих себя как патриотов. Установлена взаимосвязь участия школьников в мероприятиях патриотической направленности и их последующей самоидентификации как патриотов. Авторами подчеркивается, что формализованный подход к работе с молодежью приводит на практике к низкому уровню ее информированности о содержании основных направлений патриотического воспитания, слабой и несистемной вовлеченности школьников в патриотические мероприятия и работу патриотических объединений. По итогам проведенного исследования в статье делается вывод о наличии достаточно большого числа молодых людей, не разделяющих патриотические ценности и критически оценивающих эффективность многих направлений программ патриотического воспитания.

Ключевые слова: молодежь, школьники, патриотизм, программы патриотического воспитания, политическое сознание, политические установки

© Асеев С.Ю., Качусов Д.А., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности: Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества», грант РФФИ № 20-011-00346.

Для цитирования: *Асеев С.Ю., Качусов Д.А.* Оценка эффективности программ патриотического воспитания старшими школьниками регионов Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 97–106. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-97-106

Evaluation of the Effectiveness of Patriotic Education Programs by High School Students in the Regions of the Siberian Federal District

S.Y. Aseev, D.A. Kachusov

Altai State University,
Barnaul, Russian Federation

Abstract. The main content of federal and regional programs for patriotic education of the citizens of the Russian Federation is targeted at work with school students, which puts emphasis on the analysis of young people opinion of these programs effectiveness. Basing on the data of the mass survey of senior school students in 10 regions of the Siberian Federal district, the article brings out their grounds for differentiating “patriot” and “non-patriot”, the comparative analysis of representations of these groups of pupils as about priority subjects of patriotic education and effective execution of its particular trends. The article has pointed out positive attitude of the majority of school students to anchoring patriotic values in youth environment through patriotic films. Young people have ambiguous attitude to the idea of compulsory patriotic education in schools and universities, and school students who do not identify themselves as patriots are negative about it. The participation of school students in patriotic events has been linked to their further self-identification as patriots. The authors emphasize that the formalized approach to working with young people leads in practice to a low level of their awareness of the content of the main directions of patriotic education, weak and not systematic involvement of schoolchildren in patriotic events and the work of patriotic associations. Based on the results of the study, the article concludes that there is a fairly large number of young people who do not share patriotic values and critically assess the effectiveness of many areas of patriotic education programs.

Keywords: the youth, school students, patriotism, patriotic education programmes, political consciousness, political attitudes

Acknowledgements: The text of the article has been prepared within the framework of the project «Potential of Youth Political Leadership during Political Socialization and Circulation of Elites in the Russia Regions in the 2010th (using the example of South-Western Siberia and the North-West of the Russian Federation)», RFBR grant No. 20-011-00346.

For citation: Aseev, S.Y., & Kachusov, D.A. (2021). Evaluation of the effectiveness of patriotic education programs by high school students in the regions of the Siberian Federal District. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 97–106. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-97-106

Введение

Определение эффективных форм и методов патриотического воспитания российской молодежи приобретает новую актуальность в связи с закреплением воспитательного процесса обязательной составляющей деятельности образовательных организаций. При этом в каждом из регионов РФ существуют свои программы или планы патриотического воспитания, дополняющие с учетом местной специфики положения государственной программы «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»¹. Для государства и общества последовательно реализуемые с 2001 г. программы должны способствовать эффективному достижению закрепленной в «Основах государственной молодежной политики РФ до 2025 года» задачи по воспитанию патриотично настроенной молодежи².

Целью работы выступает анализ представлений современных российских школьников об актуальности содержания и эффективности реализации основных направлений программ патриотического воспитания в РФ.

Эмпирической основой исследования послужили результаты массового опроса школьников, проведенного кафедрой политологии АлтГУ в 10 регионах Сибирского федерального округа в сентябре 2020 г. Объем выборки – 2050 учащихся 8–11 классов; выборка квотная с контролем признаков возраста, типа населенного пункта и региона проживания. Метод сбора информации – анкетирование. Пропорции контролируемых признаков в подвыборках соответствуют данным генеральной совокупности по регионам, согласно данным Росстата. Обработка данных проводилась в статистическом пакете SPSS.

Патриотическое воспитание и его актуализация в программном компоненте находится в сфере внимания представителей науки, государственно-муниципального управления и профессионального педагогического сообщества. Этим обусловлено как наличие существенного массива публикаций по данной тематике, так и их разнонаправленное содержание. В научной среде изучается идеологическое наполнение категории «патриотизм» в ее взаимосвязи с реализуемой концепцией патриотического воспитания [Ручкин 2015; Мартынов, Фадеева, Габеркорн 2020]. В эмпирических исследованиях на основе локальных кейсов рассматриваются роль отдельных направлений и методов патриотического воспитания молодежи [Одишвилли 2018; Королев, Севрюков 2018], возможные пути их совершенствования [Константинов 2010; Попова, Лагутин 2019], в том числе на основе опросов учащейся молодежи отдельных образовательных учреждений [Паршин 2015; Деточенко 2015;

¹ О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» / Постановление Правительства РФ от 30.12.2015 № 1493 (ред. от 30.03.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192149/8934f282d7a8444f6d660f819f372f9c3a11e247/ (дата обращения: 23.10.2020).

² Об утверждении «Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» см. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 23.10.2020).

Колесникова, Лубский 2018]. Работы по изучению особенностей работы с молодежью в контексте современных программ патриотического воспитания носят единичный характер [Калядина 2016], их дополняют публикации, выделяющие патриотическое воспитание как системный элемент молодежной политики [Подгорная 2019], однако все программы рассматриваются авторами без акцента на особенности их реализации и восприятия среди школьников старших классов.

Результаты исследования

Как показал проведенный в опрос школьников, 13% из них считают себя патриотами и 34% выбрали вариант ответа «скорее да», что позволяет говорить о преобладании положительного отношения к идее патриотизма в сравнении с 15,6% отрицательных ответов и 16,4% «скорее нет». Затруднились ответить на данный вопрос 21,2% школьников, наибольшее их количество оказалось в 8–9-х классах, где меньше всего учащихся относят себя к патриотам. В 10–11-х классах молодежь более осознанно определяет свое отношение к патриотизму и чаще выбирает ответ «да» или «скорее да» (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Распределение ответов на вопрос «Вы считаете себя патриотом?», % /
Distribution of answers to the question “Do you consider yourself a patriot?”, %

Классы / Grades	Да / Yes	Скорее да / Rather yes	Скорее нет / Rather no	Нет / No	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer
8 класс / 8 grade	12,9	26,3	17,3	19,3	24,3
9 класс / 9 grade	11,7	28,0	17,4	15,1	27,8
10 класс / 10 grade	14,1	37,8	16,2	13,5	18,4
11 класс / 11 grade	13,4	41,2	15,1	15,8	14,5
Всего / Total	13,0	33,7	16,4	15,6	21,2

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors.

В данном контексте представляется интересным сравнение восприятия этими группами учащихся (по шкале «патриоты» – «не патриоты») содержания и эффективности реализуемых форм патриотического воспитания.

При определении приоритетных субъектов патриотического воспитания школьники, относящие себя к патриотам (ответ «да» и «скорее да»), включили в свой рейтинг семью (60 и 59,2% соответственно), школу/вуз (49 и 45,2%), государство (45,2 и 43,5%), патриотические организации (34,1 и 31,2%), СМИ (18,8 и 15,2%), партии и общественные организации (17,6 и 14,1%). Заметные расхождения между ними возникли лишь при определении роли армии (38,3 против 25,9%) и церкви (11,1 и 5,6%).

Более сложное распределение ответов показали группы с ответами «нет», «скорее нет» и «затруднились ответить». Если две последние, пусть и с меньшим уровнем значимости и без учета варианта «никто», почти повторили приведенный выше рейтинг субъектов, то у «не патриотов» преобладающей установкой стала свобода самоопределения своих ценностей. На первом месте у них уверенно лидирует ответ «никто» (37,9%), означающий неприятие и отрицание любого целенаправленного воздействия на молодежь в сфере патриотического воспитания. Соответственно по сравнению с патриотами эта группа почти в два раза менее значимой и необходимой в этом вопросе видит роль семьи, школы, государства и особенно армии. На этом фоне более позитивно отмечается деятельность патриотических организаций и партий, так как участие в их деятельности предусматривает добровольность и самостоятельный выбор, что не противоречит отмеченным индивидуалистическим установкам (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Представление «патриотов – не патриотов» о субъектах патриотического воспитания, % по строке / Representation of “patriots – non patriots” about the subjects of patriotic education, % per line

Вы считаете себя патриотом? / Do you consider yourself a patriot?	Кто, на Ваш взгляд, должен заниматься патриотическим воспитанием? / Who is responsible for the patriotic education?									
	Семья / Family	Школа / Вуз School / University	Государство / State	Патриотические организации / Patriotic organizations	Армия / Army	СМИ / Mass media	Партии и общественные / Parties and public organizations	Церковь / Church	Никто / None	Нет ответа / No answer
Да / Yes	60,2	49,0	45,2	34,1	38,3	18,8	17,6	11,1	8,4	1,9
Скорее да / Rather yes	59,2	45,2	43,5	31,2	26,0	15,2	14,1	5,6	9,4	1,5
Скорее нет / Rather no	41,1	29,0	31,1	26,0	20,5	10,3	10,6	3,3	20,2	3,0
Нет / No	28,7	20,4	20,4	20,7	13,0	8,0	9,9	5,1	37,9	2,6
Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	34,4	29,5	28,6	20,1	17,3	10,5	7,3	5,4	18,0	17,3
Вся выборка / Whole sample	46,3	35,8	34,9	26,7	22,8	12,7	11,9	5,8	17,3	5,3

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors.

В 8–11-м классе школьники еще не сформировались как самостоятельные субъекты политической сферы, поэтому многие их установки и взгляды на патриотическое воспитание находятся под явным влиянием значимых для

них агентов политической социализации. В своих ответах на вопрос о релевантном мнении все группы респондентов отметили прежде всего семью, но у «не патриотов» она уже не может перевесить их собственное мнение (38,5 против 38,9%). Значимую роль во влиянии на эту группу играют блогеры (20,1%), опережающие СМИ, известных политиков и бизнесменов, а также учителей (5,4%). Данная трансформация характерна для современного уровня развития цифровых технологий и сетевого общества, с их новыми коммуникациями и ролевыми статусами. Однако друзья, как основа общения по интересам и среда формирования мнений, все еще важны для молодежи как в онлайн, так и офлайн-формате (их отметили 25,8–28,4%).

Школьники, относящие себя к «не патриотам», однозначно негативно воспринимают идею обязательного патриотического воспитания в школах и вузах (53,2%), в то время как «патриоты» высказываются положительно (33%) или «скорее положительно» (26,4%). При этом патриотически настроенная молодежь закономерно оказалась больше всех охвачена тематическими мероприятиями. Так, школьники, относящие себя к патриотам, активнее других посещали историко-патриотические музеи (55,6%) и выставки (25,3%), участвовали в военно-спортивных играх (28,3%) и деятельности патриотических клубов и объединений (18,8%). Показательно, что место проживания учащихся не влияет на их активность.

По другим группам школьников мы наблюдаем последовательное снижение их практической включенности в патриотические мероприятия, с минимальными показателями среди «не патриотов». Однако массовый опрос показал и среди «патриотов» большой процент молодежи (32,2% при среднем 49,7%), не охваченной системой патриотического воспитания, что нельзя объяснить только ее пассивностью или осознанной позицией. Эти результаты подтверждают мнение Секретаря Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушева, отмечавшего, что госпрограмма по патриотическому воспитанию молодежи на 2016–2020 гг. ориентирована на количество мероприятий, а не на их качество: «...деятельность многих военно-патриотических объединений и клубов не имеет единой стратегии, характеризуется ограниченными возможностями, незначительным масштабом охвата молодежи, а также слабыми перспективами развития»³. Как правило, в планах и программах по патриотическому воспитанию регионов СФО основными индикаторами их эффективности определялись формальные показатели: количество мероприятий и патриотических организаций, процент участвующих в них и информированных об их проведении граждан, охват привлечения образовательных учреждений и муниципальных образований и т.д. При этом большинство планируемых показателей регионы, по примеру Алтайского края, закрепляли на уровне 100%⁴. Для эффективной

³ Патрушев раскритиковал программу по патриотическому воспитанию молодежи. URL: <https://iz.ru/711182/2018-02-20/patrushev-raskritikoval-programmu-po-patrioticheskomu-vozpitaniiu-molodezhi> (дата обращения: 11.10.2020).

⁴ «Об утверждении государственной программы Алтайского края „Патриотическое воспитание граждан в Алтайском крае“ на 2016–2020 годы» / Постановление Администрации

работы по системному патриотическому воспитанию не последнюю роль играет и масштаб планируемого финансирования этого направления, однако в регионах СФО со схожей численностью населения он может отличаться многократно: около 28,5 млн в Алтайском крае (на 5 лет), против почти 196 млн (в 2018 г. увеличено до 297,3 млн) в Красноярском крае (4 года). Только при наличии ресурсов можно осуществлять актуальный «анализ интернет-сайтов и блогосферы в рамках информационного обеспечения патриотического воспитания, использовать Интернет для работы с молодежной аудиторией»⁵.

При оценке эффективности реализуемых направлений формирования патриотизма школьники выделили в первую очередь роль литературы и фильмов патриотической направленности (31,8% «эффективно» и 35,2% «скорее эффективно»). Следует отметить, что в современных условиях мы наблюдаем «кризис буквы», а доступность и массовость характерны, прежде всего, для телевидения и сети Интернет. Созданные в фильмах объединяющие образы и ценностные установки легче всего усваиваются молодежью-визуалами, что она сама и отмечает в рамках опроса. Данное мнение поддерживается большинством всех рассматриваемых групп – как «патриотами», так и «не патриотами», в то время как по остальным позициям присутствует различие их позиций. Так, прежде всего за счет школьников, относящих себя к патриотам, другие направления (деятельность патриотических клубов, проведение выставок, фестивалей и конкурсов, военно-патриотических вахт и игр) оцениваются как «эффективные» на уровне 20%, «скорее эффективные» – 36%.

Отличаются индивидуальным прагматизмом «не патриоты» и в своих ответах о приоритетных действиях по формированию патриотических ценностей в молодежной среде. Как альтернативу патриотическому воспитанию они ставят на первое место (31,2%) улучшение условий жизни населения, отмечая вторым тезис об отсутствии необходимости целенаправленного формирования патриотизма (27,4%). Хотели бы они видеть и поднятие престижа страны в мире (23,9%), что, скорее всего, также должно способствовать формированию чувства их личной успешности через включенность в преобладающий социум. На этой исключительности и причастности к ней строится и современная концепция «мягкой силы», которая, во многом за счет СМИ, формирует у молодежи образ страны-лидера с высоким уровнем социально-экономических условий жизни. Схожую последовательность приоритетов высказывают и «скорее не патриоты»: 52% за условия жизни и 36,3% за престиж в мире. Не отрицают их значение и школьники «патриоты» (ответ «да» и «скорее да»), однако у них на первом месте системное развитие

Алтайского края от 11.10.2016 г. № 349. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2200201610130001> (дата обращения: 23.10.2020).

⁵ Об утверждении региональной программы Красноярского края «Патриотическое воспитание граждан в Красноярском крае на 2017–2020 годы» / Распоряжение Правительства Красноярского края от 23.12.2016 № 1163-р. URL: <http://www.krskstate.ru/docs/0/doc/38319> (дата обращения: 23.10.2020).

патриотического воспитания в школе/институте/семье (65,9% и 56,9% соответственно). Признают эти респонденты и роль создания патриотических организаций/клубов: 31,4% и 27,5%, отмечая их на третьей или четвертой позиции своих приоритетов (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Представление «патриотов – не патриотов» о необходимых действиях по формированию патриотических ценностей среди молодежи, % по столбцу / The idea of “patriots – non patriots” about the necessary actions to form patriotic values among young people, % by column

Что, на Ваш взгляд, необходимо делать для формирования патриотических ценностей среди молодежи? / What is to be done to form patriotic values among young people?	Вы считаете себя патриотом? / Do you consider yourself a patriot?					
	Да / Yes	Скорее да / Rather yes	Скорее нет / Rather no	Нет / No	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	Вся выборка / Whole sample
Патриотическое воспитание в школе/вузе/семье / Patriotic education at school/university/family	65,9	56,9	35,4	22,3	31,8	43,7
Создание патриотических клубов и организаций / Create patriotic clubs and organizations	31,4	27,5	21,5	11,5	15,2	21,9
Улучшение условий жизни населения / Improve the living conditions of the population	49,0	52,7	52,0	31,7	32,3	44,5
Больше патриотических фильмов, книг / Extend patriotic films, books	25,3	23,7	13,3	8,3	12,9	17,5
Больше патриотических тем в СМИ / Extend patriotic topics in the media	15,3	10,0	8,5	7,3	6,8	9,4
Повысить авторитет армии / Increase the authority of the armed forces	25,7	15,6	12,7	12,7	11,9	15,2
Поднятие престижа страны в мире / Raise the country's prestige in the world	30,3	34,2	36,3	23,9	20,1	29,4
Организация досуга молодежи / Organize leisure time for youth	18,0	16,6	18,4	10,2	12,2	15,2
Финансирование патриотических мероприятий / Finance patriotic events	13,0	8,0	10,6	5,1	9,8	9,0
Патриотические и историко-культурные центры / Extend patriotic and historical and cultural centers	18,0	14,6	9,7	7,3	6,1	11,3
Патриотизм не нуждается в целенаправленном формировании / Patriotism does not need purposeful formation	6,5	11,1	18,7	27,4	9,9	14,0
Нет ответа / No answer	7,7	6,9	8,8	22,3	36,5	16,0

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors.

Однако на этом фоне сложно говорить об осознанной и системной оценке школьниками содержания программ патриотического воспитания граждан в РФ, поскольку преобладающая часть респондентов указала, что «впервые слышит о них» (32,9%), или затруднилась ответить (21,6%). О наличии хорошего уровня информированности заявили только 9,1% респондентов, еще 36,2% выбрали ответ «что-то об этом слышал».

Заключение

Наличие программ по патриотическому воспитанию еще не означает эффективного достижения поставленных целей, что необходимо учитывать и при реализации уже обязательного воспитательного компонента в работе образовательных учреждений РФ. Формализованный подход приводит на практике к низкому уровню информированности молодежи о содержании основных направлений патриотического воспитания, слабой и несистемной вовлеченности школьников в патриотические мероприятия и работу патриотических объединений. Как следствие, наблюдается наличие достаточно большого числа молодых людей, не разделяющих патриотические ценности и критически оценивающих эффективность многих направлений программ патриотического воспитания. При этом остается открытым вопрос: выступает ли участие в патриотических организациях и мероприятиях основным фактором формирования самоидентификации учащихся в качестве патриота либо данная активность есть одна из поведенческих установок патриотически ориентированной молодежи.

Поступила в редакцию / Received: 23.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Деточенко Л. С.* Эффективность форм гражданского и патриотического воспитания молодежи: по материалам социологического исследования // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 4 (9). С. 31–42.
- Калядина И. С.* Гражданско-патриотическое воспитание современной молодежи в контексте программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 4–5. С. 45–47.
- Колесникова Е. Ю., Лубский А. В.* Патриотизм и гражданственность в молодежной среде на Юге России: парадигмы социологических исследований // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 5. С. 174–183. DOI 10.23683/2227-8656.2018.5.14
- Константинов С. А.* Совершенствование патриотического воспитания современных российских школьников // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 4 (94). С. 56–62.
- Королев А. С., Севрюков С. Т.* Анализ государственной образовательной политики по военно-патриотическому воспитанию молодежи в Воронежской области // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2018. № 9 (163). С. 158–161.
- Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И.* Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08

- Одишвили Г. Н. Потенциал содержания курсов отечественной истории в патриотическом воспитании обучающихся старшей школы // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 4. С. 114–121. DOI: 10.17805/trudy.2018.4.12
- Паршин В. Н. Школьные мероприятия по военно-патриотическому воспитанию в оценке подростков и их родителей // Концепт. 2015. № 3. С. 51–55.
- Подгорная В. Н. Некоторые аспекты реализации государственной молодежной политики в Курской области // Политика, экономика и инновации. 2019. № 5 (28). С. 1–8.
- Попова О. В., Лагутин О. В. Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619
- Ручкин Б. А. Российское общество: патриотизм XXI века // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 52–70. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.5

References

- Detochenko, L. S. (2015). The effectiveness of forms of social and patriotic education of the youth: Materials of the sociological research. *Volga Pedagogical Bulletin*, 4(9), 31–42. (In Russian).
- Kalyadina, I. S. (2016). Civil and patriotic education of modern youth in the context of the program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020». *International Scientific Journal «Innovative Science»*, 4–5, 45–47. (In Russian).
- Kolesnikova, E. Yu., & Lubsky, A. V. (2018). Patriotism and citizenship in the youth environment in the South of Russia: The paradigms of sociological research. *Humanities of the South of Russia*, 7(5), 174–183. DOI 10.23683/2227-8656.2018.5.14. (In Russian).
- Konstantinov, S. A. (2010). Perfection of patriotic education of modern Russian schoolboys. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 4 (94), 56–62. (In Russian).
- Korolev, A. S., & Sevryukov, S. T. (2018). Analysis of state educational policy on military-patriotic education of youth in Voronezh Region. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 9(163), 158–161. (In Russian).
- Martynov, M. Yu., Fadeeva, L. A., & Gaberkorn, A. I. (2020). Patriotism as political discourse in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*, 2, 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08. (In Russian).
- Odishvili, G. N. (2018). Potential of the contents of courses in national history in the patriotic education of high school students. *Scientific Works of the Moscow University for the Humanities*, 4, 114–121. DOI: 10.17805/trudy.2018.4.12. (In Russian).
- Parshin, V. N. (2015). School actions on military-patriotic education in estimation teenager and their parents. *Concept*, 3, 51–55. (In Russian).
- Podgorny, V. N. (2019). Some aspects of implementation of state youth policy in the Kursk Region. *Politics, Economics and Innovation*, 5(28), 1–8. (In Russian).
- Popova, O. V., & Lagutin, O. V. (2019). Political views of the youth: Loyalty or protest? *RUDN Journal of Political Science*, 21(4), 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619. (In Russian).
- Ruchkin, B. A. (2015). Russian society: A patriotism for the 21st century. *Knowledge. Understanding. Skill*, 1, 52–70. DOI: 10.17805/zpu.2015.1.5. (In Russian).

Сведения об авторах:

Асеев Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета (e-mail: suass@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-1095-4038).

Качусов Дмитрий Анатольевич – старший преподаватель кафедры политологии Алтайского государственного университета (e-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-8143-6214).

About the authors:

Aseev Sergey Yuryevich – PhD in Historical Science, Associate Professor of the Department of Political Science, Altai State University (e-mail: suass@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-1095-4038).

Kachusov Dmitrij Anatolevich – Senior Lecturer of the Department of Political Science, Altai State University (e-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-8143-6214).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-107-117

Научная статья / Research article

Ценностные ориентации российской молодежи в моделях взаимодействия государства и гражданского общества

О.В. Лагутин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. В условиях становления гражданского общества в современной России при традиционно значимой роли государства особую актуальность представляет проблема исследования включения молодежи в ту или иную модель взаимоотношения этих двух институтов. От данного выбора будет зависеть определенный тип политической системы России в будущем. Цель исследования – выявить эмпирическим путем группы молодежи, которые определяются направлением ценностных ориентиров в общественной жизни, и их включенность в различные модели взаимодействия государства и гражданского общества. Эмпирической основой исследования послужил проект, проведенный в 2019 году Санкт-Петербургским государственным университетом и Алтайским государственным университетом по изучению политического сознания российской молодежи. В результате использования многомерных методов анализа выявлена связь между причастностью моделей «гражданин – государство» и типами ценностных ориентаций российской молодежи. Были получены четыре группы молодежи, стратифицированные по ценностным ориентациям, определенной роли государства в жизни гражданина и выбору типа государства предпочтительного для проживания.

Ключевые слова: молодежь, ценностные ориентации, модели взаимодействия гражданского общества и государства

Благодарности: Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

Для цитирования: Лагутин О.В. Ценностные ориентации российской молодежи в моделях взаимодействия государства и гражданского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 107–117. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-107-117

© Лагутин О.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Value Orientations of Russian Youth in Interaction Models between the State and Civil Society

O.V. Lagutin

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. In the context of the formation of civil society in modern Russia with the traditionally significant role of the state, the problem of studying the inclusion of young people in a particular model of the relationship between these two institutions is of particular relevance. This choice will determine a certain type of political system in Russia in the future. The purpose of the study is to identify empirically groups of young people who are determined by the direction of value orientations in public life and their involvement in various models of interaction between the state and civil society. The empirical basis of the study was a project conducted in 2019 by Saint Petersburg State University and Altai State University to study the political consciousness of Russian youth. As a result of using multidimensional methods of analysis, the connection between the involvement of the “citizen-state” models and the types of value orientations of Russian youth is revealed. Four groups of young people were obtained, stratified by value orientations, the specifics of relations between the state and citizens of our country, and the choice of the preferred type of state to live in.

Keywords: youth, value orientations, models of interaction between civil society and the state

Acknowledgements: The text of article has been prepared within the framework of the project “Potential of Youth Political Leadership during Political Socialization and Circulation of Elites in the Russia Regions in the 2010th (using the example of South-Western Siberia and the North-West of the Russian Federation)”, RFBR grant No. 18-011-01184

For citation: Lagutin, O.V. (2021). Value orientations of Russian youth in interaction models between the state and civil society. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 107–117. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-107-117

Введение

Молодежь, как социально-демографическая группа, представляет собой особо важный и значимый объект исследования в социальных науках. Исследование проблем включенности молодого поколения в политический процесс, изучение его ценностных установок, политической самоидентификации, политических предпочтений требуют эмпирико-прикладного подхода. Результаты данного рода исследований призваны стать составной частью государственной молодежной политики, других видов практической деятельности по работе с молодежью различных акторов политической социализации. Исследуемая группа имеет динамичный характер развития политического сознания. Ценности и установки молодого поколения еще не представляют окончательно сформированной системы мировоззрения и постоянно деформируются под внешним влиянием. По этой причине молодежь как субъект политической жизни нашего социума требует постоянного научного изучения с эмпирическим измерением его ценностно-поведенческих особенностей.

Особую актуальность в условиях становления гражданского общества в современной России при традиционно значимой роли государства приобретает проблема исследования включения молодого поколения в ту или иную модель взаимоотношения этих двух институтов. Решение данного вопроса позволит в перспективе сегментировать молодежь по типам политической культуры.

Цель нашего исследования – эмпирический поиск сегментов российской молодежи как социально-демографической группы через их включенность в различные модели взаимодействия государства и гражданского общества посредством политико-ценностного выбора.

В качестве данных для анализа послужило эмпирическое политическое исследование, проведенное весной 2019 г. Санкт-Петербургским государственным университетом и Алтайским государственным университетом по изучению политического сознания российской молодежи. В рамках исследования было опрошено 1000 респондентов методом личного интервью, проживающих в Алтайском крае, Ленинградской области, Новосибирской области и Санкт-Петербурге с квотированием в выборочной совокупности пола, возраста, уровня образования, типа населенного пункта, региона проживания.

Концептуальный выбор модели

В рамках эмпирического исследования, гражданское общество понимается как система взаимоотношений в структурах негосударственной сферы социальной жизни, как сфера спонтанного самоуправления свободных индивидов, добровольно организовавших ассоциации, а также способы взаимодействия этой сферы с государством [Макарин, Лагутин, Негров 2016]. Эти способы напрямую сочетаются с ценностями общественного характера как общества в целом, так и молодежной страты в частности. Анализ этих двух компонентов в отношении молодого поколения позволяет дать характеристику – «Ценностные ориентации являются самостоятельным фактором формирования и изменения политических предпочтений. Причем речь идет не о любых, а о базовых ориентациях, занимающих центральное место в системе мотивации их поведения» [Артемов 2005. С. 6]. Ценностные ориентации существенно влияют на модели поведения, определяют системы приоритетов и способы отстаивания собственных интересов. Поиск новых форм и способов организации диалога между властными структурами и гражданами в сфере публичной политики современного общества способствует нейтрализации в нем протестных настроений и социальной напряженности.

В отечественной политической науке описаны различные концепции взаимоотношений государства и гражданского общества [Сунгуров 2008; Ширчак 2013; Оломпиев 2015; Левашов, Шушпанова, Афанасьев, Новоженина 2019; Комиссарова 2020].

Из широкого спектра моделей, которые характеризуют взаимоотношения между государством и обществом, была выбрана классификация Г. Косова и

О. Паслера, так как позволяет включать в анализ ценностные компоненты. Авторами были выдвинуты классификации моделей по критерию баланса сил между категориями «государство» и «гражданское общество», а также механизма их взаимодействия. Содержательной же основой классификации данных моделей послужила культурологическая дихотомия Запад – Восток как разность культур, систем смыслов и ценностей, а также институциональных экономических и политических практик. Именно набор ценностей, свойственный конкретной культуре, определяет соотношение баланса сил во взаимодействии государства и гражданского общества. Этим определяется принадлежность политических систем к определенной модели.

«Идеальная модель» – это состояние паритета государства и гражданского общества, когда обе оппозиции достаточно сильны и находятся в постоянных конкурентных отношениях. Однако данная модель, по мнению авторов, в исторической практике прецедента не имела и является своего рода неким образцом, «идеалом», к которому необходимо стремиться [Косов, Паслер 2010. С. 63].

«Умеренно деэтистская модель» предполагает развитую систему институтов участия, позволяющую осуществлять контроль над государством. «Данная модель акцентирует внимание на свободе как доминирующей ценности, не допускает вмешательства государства в жизнь гражданского общества, которое само определяет задачи государства» [Косов, Паслер 2010. С. 65]. К этой модели относятся развитые политические системы англосаксонского Запада. «Умеренно этистская модель» представлена развитыми странами континентальной Европы с традициями сильной государственной системы, где «...идея государственного порядка, национального единства ставилась выше ценности свободы личности» [Косов, Паслер 2010. С. 68]. «Этистская модель» – это модель с крайней диспропорцией «силы» с сторону государства с тотальным подчинением институтов гражданского общества. К данной модели относятся страны исламского мира, Китай, латиноамериканские страны.

Таким образом, рассмотренная классификация может быть использована в качестве концептуальной основы для эмпирического определения российской специфики отношений дихотомии «государство» – «гражданское общество».

Эмпирический анализ ценностного выбора молодежи в контексте моделей взаимоотношений государства и гражданского общества

Эмпирические задачи исследования:

1) определить с помощью факторного анализа новые признаки, характеризующие модели отношений между государством и гражданским обществом через:

- призму типов экономической политики государства;

- типы ценностных ориентаций российской молодежи;

2) на основе полученных факторов, используя процедуру иерархического кластерного анализа, выявить кластерные группы молодежи, различающиеся по ценностным установкам;

3) построить матрицу с наложением кластерной переменной (как зависимого признака) на факторные признаки (как независимые переменные) для выявления статистических зависимостей между ними.

Для эмпирического выявления моделей взаимодействия государственных и общественных институтов были использованы следующие переменные (блок вопросов инструментария, используемых в интервью с респондентами), отражающие различные формы взаимоотношений власти и общества:

1) государство должно обеспечивать всем гражданам без исключения достойный уровень жизни;

2) люди должны сами обеспечивать себе достойный уровень жизни;

3) должны быть созданы все условия для личных достижений;

4) доходы всех людей должны быть равными;

5) государство должно следить только за выполнением законов, а все остальное – частное дело людей, которые в нем живут;

6) государство должно контролировать все сферы жизни людей;

7) в государстве все люди, в том числе и чиновники, и олигархи, должны быть равны перед законом;

8) законы в государстве – для простых людей;

9) вполне нормально, что у нас в России есть очень богатые люди.

Ключевым субъектом данных суждений является в основном государство в узком и широком смысле слова. В качестве предикатов суждений выступают: достойный уровень жизни; личные достижения граждан; сферы жизни граждан; класс богатых людей; класс простых людей; законы. Связка и квантор суждений и будут их ключевыми элементами в ответах респондентов. Данные переменные измеряются в порядковых шкалах. На их основе был проведен факторный анализ в пакете SPSS, с получением матрицы повернутых компонент с использованием ортогонального вращения (табл. 1).

В результате факторного анализа получилось три новых признака латентного свойства, которые можно использовать в дальнейшем анализе в качестве моделей взаимодействия государства и гражданского общества, которые свойственны для молодого поколения российских граждан в четырех исследуемых субъектах федерации.

Первый полученный фактор можем отнести к умеренно-этактистской модели, которая образована прямыми корреляционными связями суждений, отражающих превалирующую роль государства в создании условий равных возможностей для широких слоев общества. Второй фактор можно отнести к умеренно-деэтактистской модели взаимодействия государства и гражданского общества, поскольку в значимых суждениях данной компоненты влияние государственных институтов крайне ограничено, а институты участия

сами создают условия для достойной жизни. Третий фактор четко образует этатистскую модель, где формирующие ее суждения характеризуют государство как институт, поглощающий полностью институты участия.

Таблица 1 / Table 1

Факторы, определяющие модели взаимоотношений гражданского общества и государства / Factors that determine the models of relations between civil society and the state

Переменные / Variables	Факторы / Factors		
	1	2	3
В государстве все люди, в том числе и чиновники, и олигархи, должны быть равны перед законом / In the state, all people, including officials and oligarchs, should be equal before the law	0,860		
Должны быть созданы все условия для личных достижений / All conditions must be created for personal achievements	0,785		
Государство должно обеспечивать всем гражданам без исключения достойный уровень жизни / The state must provide all citizens without exception with a decent standard of living	0,630		0,454
Законы в государстве – для простых людей / Laws in the state – for ordinary people		0,667	
Государство должно следить только за выполнением законов, а все остальное – частное дело людей, которые в нем живут / The state should only monitor the implementation of laws, and everything else is a private matter for the people who live in it		0,661	
Вполне нормально, что у нас в России есть очень богатые люди / It is quite normal that we have very rich people in Russia		0,650	
Люди должны сами обеспечивать себе достойный уровень жизни / People should provide themselves with a decent standard of living		0,547	
Доходы всех людей должны быть равными / All people's incomes should be equal			0,834
Государство должно контролировать все сферы жизни людей / The state must control all areas of people's lives			0,601

Источник: составлено автором по результатам исследования / Source: compiled by the author.

Для построения факторов, определяющих типы ценностных ориентаций молодежи, был выбран набор признаков, представленных в табл. 2. Здесь в ходе факторного анализа получены два фактора.

Первый фактор, включающий такие ценностные ориентации, как справедливость, свобода, права человека, порядок и реформы в обществе, имеют в своей совокупности можно назвать социал-демократическим типом ценностных установок.

Второй фактор – объединяет ценностные ориентации центристского свойства – преобладание интересов государства, своей этнической группы, отдельных граждан, сохранение традиций. Данный фактор можно назвать центристским типом ценностных установок.

Таким образом, ценности общественного характера, свойственные для молодежи, получили контрадикторное размежевание на две крупные группы.

**Факторы – «Типы ценностных ориентаций» молодежи /
Factors – “types of value orientations” of youth**

Переменные / Variables	Факторы / Factors	
	1	2
Справедливость важна / Justice is important	0,831	
Свобода важна / Freedom is important	0,827	
Права человека важны / Human rights are important	0,827	
Порядок важен / Order is important	0,770	
Реформы в обществе важны / Reforms in society are important	0,412	
Интересы государства важны / The interests of the state are important		0,794
Интересы Вашей этнической группы важны / The interests of Your ethnic group are important		0,752
Интересы отдельных граждан важны / The interests of individual citizens are important		0,695
Сохранение традиций важно / Preserving traditions is important		0,533

Источник: составлено автором по результатам исследования / *Source:* compiled by the author.

Следующий этап – выявление кластерных групп молодежи, которые различаются по типам полученных моделей взаимодействия государства и гражданского общества, по ценностным установкам и типам государства, предпочтительного для проживания. На основе полученных блоков факторов, которые включаются в окно тестируемых переменных, применяется процедура иерархического кластерного анализа. В данной процедуре будут кластеризоваться наблюдения, поскольку этот выбор кластеризации дает возможность сохранения кластерной переменной в номинальном измерении, что позволит в дальнейшем использовать в отношении нее описательные методы статистики. По результатам кластеризации в системе было построено четыре кластера. Для их характеристики будут построены двумерные распределения с полученными факторными признаками.

В свою очередь, для полученных факторов (см табл. 1, 2) используем в пакете SPSS процедуру ранжирования, которая позволит нам преобразовать интервальную факторную переменную в переменную с порядковой шкалой, позволяющую нам наглядно определять степень изменения данного признака в сопряжении его с переменной, сформированной в ходе иерархического кластерного анализа. Также эти преобразования признаков дают возможность включать в матрицу сопряженности другие признаки номинального характера, соответствующие задачам исследования.

Таким образом, построим таблицу сопряженности, где в столбцах будут обозначены все четыре кластера, а в строках – факторные преобразованные переменные. К факторным переменным в таблицу включаем признак «Предпочтительный тип государства для проживания», где молодые респонденты должны будут отметить следующие альтернативы: 1 – либеральный; 2 – социал-демократический (скандинавского образца); 3 – националистический; 4 – социалистический (советского образца); 5 – консервативный; 6 – меня не устраивает ни один из предложенных вариантов; 7 – для меня это не имеет значения; 8 – затрудняюсь ответить. Результаты установления статистических зависимостей между вышеуказанными переменными представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

**Сопряженность кластерных групп молодежи с ценностно-поведенческими факторами /
Conjugation of cluster groups of young people with value-behavioral factors**

Факторы / Factors	Кластер 1 / Cluster 1	Кластер 2 / Cluster 2	Кластер 3 / Cluster 3	Кластер 4 / Cluster 4
Типы ценностных ориентаций / Types of value orientations	Социал-демократические / Social-democratic 71 7,1% 1,6	Центристские / Centrist 112 11,2% 4,1	–	Социал-демократические / Social-democratic 75 7,5% 2,2
Модель взаимоотношений «государство» – «гражданское общество» / Model of relations «state» – «civil society»	Этатистская модель / The state model 75 7,5% 2,1	–	Умеренно-этатистская модель / Moderate-state model 89 8,9% 4,5	Умеренно-деэтатистская модель / Moderate-de-state model 85 8,5% 3,5
Предпочтительный тип государства для проживания / Preferred type of state to live in	Консервативное / Conservative 21 8,9% 3,0	–	Националистическое / Nationalist 13 5,8% 2,0	Социал-демократическое (скандинавская модель) / Social-democratic (Scandinavian model) 58 24,9% 3,1

Источник: составлено автором по результатам исследования / *Source:* compiled by the author.

В табл. 3 на пересечении кластеров и факторов обозначены факторные признаки, получившие статистическую зависимость (в ячейках указаны: наблюдаемая частота, процент по слою, стандартизованный остаток).

Выводы

Полученные эмпирическим путем молодежные группы, сформированные по ценностным ориентациям, поделились на два «чистых» типа – социал-

демократический и центристский. Анализ результатов комбинированных эмпирических расчетов позволил выделить четыре группы молодежи, стратифицированных по ценностным ориентациям и типам политического участия.

Первый кластер можно охарактеризовать как консервативно-этактистский, имеющий консервативный тип государственной системы, предпочтительный для проживания данной группы молодежи. Модель взаимоотношения государства и гражданского общества для первого кластера однозначно определена как этактистская, где государство контролирует практически все сферы жизнедеятельности общества. Однако тип ценностных ориентаций для этой группы определен как социал-демократический.

Второй кластер выражен только центристским типом ценностных ориентаций без ориентации на какую-либо модель взаимоотношения государства и гражданского общества, и без предпочтительного типа государства для проживания.

Третий кластер характеризуется националистическим выбором типа государства, желаемого для проживания, и умеренно-этактистской моделью взаимоотношений гражданского общества и государства. Предполагается, что эта группа молодежи сориентирована на тип государства, которое защищает свои национальные интересы и создает все условия и возможности для полноценного развития гражданина страны как творческой личности, поддерживая достойный уровень жизни.

Четвертый кластер имеет умеренно-деэтактистский тип взаимоотношения государства и гражданского общества, где роль государства сведена к минимуму. Тип ценностных ориентаций для данной группы определен как социал-демократический при социал-демократическом типе государства скандинавского образца как предпочтительного для проживания.

Используя многомерные методы обработки данных, мы получили модели отношений государства и гражданского общества, которые практически совпали с предложенным подходом Г. Косова и О. Паслер по критерию – «силы» и «слабости» субъектов взаимодействия. Однако тип ценностных ориентаций у двух антагонистичных кластеров (кластер 1 «Этактистская модель» и кластер 4 «Умеренно-деэтактистская модель») идентичный – социал-демократический, что говорит о наличии единых ценностных элементов политического сознания этих молодежных групп. А различный тип предпочтительного государства для проживания у этих кластеров (консервативное и социал-демократическое скандинавского образца соответственно) предполагает образы политических систем, свойственных их моделям по размежеванию категорий «государство – гражданское общество». Молодежная группа данного кластера и группа третьего кластера представляют собой сторонников традиций, выступающих за сильное государство, которое должно стать и локомотивом модернизационных процессов в стране и институциональным источником

формирования гражданского общества в России. Результаты проведенного эмпирического исследования показали, что в исследуемых регионах России в сознании выявленных молодежных групп присутствуют запрос и осознанная потребность в изменении формата взаимодействия между органами государственной власти и гражданами.

Поступила в редакцию / Received: 27.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Артемов Г. П. Характер изменения политических установок и ценностных ориентаций петербургских избирателей // Политический анализ: доклады Центра эмпирических политических исследований СПбГУ. Вып. 6 / под ред. Г. П. Артемова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 4–27.
- Комиссарова А. А. Государство и гражданское общество: особенности взаимоотношений (на примере Российской Федерации) // Моя профессиональная карьера. 2020. Т. 2. № 12. С. 67–74.
- Косов Г. В., Паслер О. В. Модели взаимодействия гражданского общества и государства в глобальной общественно-политической системе: монография / под ред. А. А. Вартумяна. Ставрополь: Ставролит, 2010. 200 с.
- Лагутин О. В., Макарин А. В., Негров Е. О. Мнение петербуржцев о сложившихся отношениях «гражданин государство» // Конфликтология. Фонд развития конфликтологии. СПбГУ. СПб., 2016. № 4. С. 153–169.
- Левашов В. К., Шушпанова И. С., Афанасьев В. А., Новоженина О. П. Российское гражданское общество и государство в процессах евразийской интеграции // Наука. Культура. Общество. 2019. № 3–4. С. 66–77.
- Оломцев К. С. Модели государственной политики в сфере взаимодействия с институтами гражданского общества в современной России // ARS ADMINISTRANDI. 2015. № 4. С. 57–67.
- Сунгуров А. Ю. Взаимодействие власти и структур гражданского общества: возможные модели // Гражданский диалог. 2008. № 3. С. 37.
- Шкирчак С. И. К вопросу о моделях взаимодействия государственной власти и гражданского общества // Научные ведомости. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 22 (165). Вып. 28. С. 178–179.

References

- Artemov, G. P. The nature of changes in political attitudes and value orientations of St. Petersburg voters. *Political analysis*. 2005; 6: 4–27. (In Russian).
- Komissarova, A. A. State and civil society: Features of relations (on the example of the Russian Federation). *My professional career*. 2020; 2(12): 67–74. (In Russian).
- Kosov, G. V., & Pasler, O. V. *Models of interaction between state and civil society in global political system: monograph*. Stavropol: Stavrolit; 2010. 200 p. (In Russian).
- Lagutin, O. V. The opinion of Petersburgers on the current relationship «Citizen – State». *Conflictology. Foundation for the Development of Conflictology*. Saint-Petersburg: State University. 2016; 4: 153–169. (In Russian).
- Levashov, V. K., Shushpanova, I. S., Afanasyev, V. A., & Novozhenina, O. P. Russian civil society and state in processes of the Eurasian integration. *The Science. Culture. Societies*. 2019; 3–4: 66–77. (In Russian).

- Olompiev, K. S. Models of state policy in the sphere of interaction between the state and civil society institutions in modern Russia. *ARS ADMINISTRANDI*. 2015; 4: 57–67. (In Russian).
- Shkirchak, S. I. To the question on the models of interaction between government and civil society. *Belgorod State University Scientific Bulletins. Series History. Political Science. Economy. Computer science*. 2013; 22(165): 178–179. (In Russian).
- Sungurov, A. U. Interaction between the state and the civil society: possible models. *Civil dialogue*. 2008; 3: 32–43. (In Russian).

Сведения об авторе:

Лагутин Олег Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: o.lagutin@spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0001-8746-7217).

About the author:

Lagutin Oleg Vladimirovich – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (e-mail: o.lagutin@spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0001-8746-7217).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129

Научная статья / Research article

Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа

Т.А. Асеева, Я.Ю. Шашкова

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В 2020 г. завершилась реализация очередной государственной программы «Патриотического воспитания граждан Российской Федерации». Основным объектом внимания ее разработчиков традиционно выступают школьники, поэтому анализ их понимания патриотизма позволит оценить эффективность патриотического воспитания в РФ и выявить доминирующий в сознании молодежи образ гражданина. В статье на основе данных массового опроса старших школьников 10 регионов Сибирского федерального округа определены представления учащихся о содержании патриотизма, допустимых для патриота формах поведения, субъектах и основаниях формирования российского патриотизма. Установлено доминирование среди школьников стереотипных представлений о патриотизме с выраженной ретроспективной, милитаризированной и имперской направленностью. Исследование выявило корреляцию признака «патриот – не патриот» с типами идентичности: у школьников, идентифицирующих себя как патриотов, доминирует общероссийская идентичность. В свою очередь, носители локальной идентичности в меньшей степени определяют себя как патриотов.

Ключевые слова: молодежь, школьники, патриотизм, патриотическое воспитание, политическое сознание, политические установки

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Для цитирования: Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 118–129. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129

Perception of Patriotism by Schoolchildren of the Siberian Federal District

T.A. Aseeva, Ya.Yu. Shashkova

Altai State University,
Barnaul, Russia

Abstract. In 2020, the actualizing of another Government program called Patriotic education of Russian Federation citizens has been fulfilled. The main subject of the program is school students,

© Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

as the Analysis of their idea of patriotism provides us with a Great chance to evaluate the effectiveness of patriotic education in Russian Federation, as well as to find the dominating idea of a citizen in minds of the Youth. In this article, based on Data coming from a mass Survey of senior school students from Siberian Federal District, we define students' ideas of patriotism, as well as forms of behavior, acceptable for a patriot, and finally, subjects and reasons for Russian patriotism development and establishing. It was found that the idea of patriotism among school students is quite stereotypical with explicit retrospective, militaristic and imperial tendencies. There is also a correlation between patriotic identity and national identity. Thus, the school students who identify as Russians are highly patriotic, while school students with local national identity are less keen to be patriotic, according to their own words.

Keywords: the youth, school students, patriotism, patriotic education, political consciousness, political attitudes

Acknowledgements: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISR) grant No. 20-011-00346. "Potential of Youth Political Leadership during Political Socialization and Circulation of Elites in the Russia Regions in the 2010th (using the example of South-Western Siberia and the North-West of the Russian Federation)".

For citation: Aseeva, T.A., & Shashkova, Ya.Yu. (2021). Perception of patriotism by schoolchildren of the Siberian Federal District. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 118–129. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129

Введение

В последние годы тема патриотизма прочно вошла в российский политический дискурс. Государство актуализирует данную тематику посредством программ патриотического воспитания граждан РФ. В июле 2020 г. Государственная Дума приняла закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», в соответствии с которым образовательным учреждениям следует внести изменения в учебные программы с целью организации не только образовательного, но и воспитательного процесса. При этом в законе расширено понятие «воспитательный процесс»: под ним понимается «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»¹.

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся“». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/ (дата обращения 23.10.2020).

В настоящее время завершает свое действие четвертая программа «*Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации*», принятая на период 2016–2020 гг. Так как подобные программы реализуются с 2001 г., логично предположить, что уже должно быть сформировано поколение школьников-патриотов с соответствующим состоянием политического сознания.

Цель данной статьи – оценка степени соответствия представлений современных российских школьников о патриотизме и доминирующей в их сознании модели патриота целям и установкам государства в области патриотического воспитания.

Эмпирической основой статьи послужили результаты массового опроса школьников, проведенного кафедрой политологии АлтГУ в 10 регионах Сибирского федерального округа в сентябре 2020 г. Объем выборки – 2050 учащихся 8–11 классов; выборка квотная с контролем признаков возраста, типа населенного пункта и региона проживания. Метод сбора информации – анкетирование. Пропорции контролируемых признаков в подвыборках соответствуют данным генеральной совокупности по регионам, согласно данным Росстата. Обработка данных проводилась в статистическом пакете SPSS.

Для анализа эффективности деятельности по патриотическому воспитанию молодого поколения необходима операционализация понятия «патриотизм». Программа «*Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы*» не дает его четкой формулировки, а лишь определяет характер патриотического воспитания. Исходя из содержания программы, законодатель под патриотизмом понимает «ответственность за судьбу страны»; «любовь к Родине»; «чувство верности своему Отечеству»; «сопричастности к истории и культуре»; «уважение и почитание государственных и исторических символов»; «готовность к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите интересов Родины»; «преобладание гражданской идентичности»².

В связи с тем, что одной из задач программы патриотического воспитания выступает развитие научного и методического обеспечения ее реализации, в научных и профессиональных педагогических кругах наблюдается всплеск интереса и публикационной активности по данной тематике. Значительная часть работ носит теоретико-методологический характер и посвящена определению содержания понятия «патриотизм» [Вырщикова, Кусмарцев 2006; Кузьмин, Трифанов 2018; Верещагина, Нечипуренко, Самыгин 2017; Dekker, Malova, Hoogendoorn 2003; Spry, Hornsey 2007; Papastephanou 2013]. Динамика и современное состояние патриотических настроений российских граждан чаще всего рассматриваются в контексте поиска «национальной идеи» и иных факторов консолидации общества [Зубова, Бухтиярова 2017; Бандурин, Насибова 2016; Лубский 2019]. При анализе механизмов и

² Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 23.10.2020).

проблем патриотического воспитания в современной России, в том числе в рамках государственных программ, наблюдается явный дефицит работ комплексного характера и публикаций, выполненных на репрезентативном эмпирическом материале [Калядина 2016]. Большинство имеющихся статей и тезисов характеризуют локальные кейсы патриотического воспитания на уровне отдельных образовательных учреждений или муниципалитетов [Деточенко 2015; Колесникова, Лубский 2018]. В политологическом сообществе проблема патриотизма и патриотического воспитания не относится к разряду приоритетных и исследуется крайне фрагментарно в силу доминирования убежденности в идеологической перегруженности понятия «патриотизм» в современной России [Касамара, Сорокина 2016; Мартынов, Фадеева, Габеркорн 2020; Селезнева 2020].

Результаты исследования

Согласно результатам опроса в регионах СФО в сентябре 2020 г., представления школьников о патриотизме носят «шаблонный», социально одобряемый характер. Так, на прямой вопрос, что они понимают под патриотизмом, 68,8% учащихся 8–11 классов определили его как «любовь к Родине». Среди остальных ответов наиболее популярными оказались социокультурное (уважение к истории страны и памяти прошлых поколений – 52,5%, уважение традиций – 48,6%, любовь к родной природе – 46,4%, бережное отношение к культуре своего народа – 44,3%) и милитаризированное понимание патриотизма (готовность к защите своей страны – 53,8%, гордость за военное прошлое и настоящее страны – 34,1%, готовность к самопожертвованию ради своей страны – 32,7%). Также в качестве смыслового содержания патриотизма указывались «труд на благо своей страны» (45,8%), «чувство долга и ответственности» (43,8%), «участие в патриотических организациях» (18,4%), «укрепление семейных ценностей» – 18,1%, «стремление изолироваться от других народов мира» – 4,9%. В то же время показательно, что почти каждый десятый школьник (9,5%) не смог определить данное понятие.

Об устойчивости стереотипных представлений школьников о содержании патриотизма свидетельствует распределение ответов и на более личный вопрос: «Что, по Вашему мнению, значит быть патриотом?». Как и в предыдущем случае, главным критерием оказался вариант «любить свою страну» (70,4%). При этом почти половина респондентов выделила в патриотизме деятельностный аспект – они указали, что патриот должен «стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить достойное будущее ее народа» (47,4%) и «работать и действовать во благо/для процветания страны» (43,4%). Элементы либеральной трактовки патриотизма («говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была») обнаружилось у 32,0% респондентов. Присутствуют у школьников и признаки «охранительного» патриотизма – 29,3% указали, что патриот должен «защищать свою страну от любых нападков и обвинений», 11,3% – что он должен «считать, что его

страна – лучше, чем другие страны», 6,5% – «считать, что у его страны нет недостатков», 2,8% – «ругать все зарубежное». К проявлениям «публичного» патриотизма можно отнести его сведение к «празднованию исторических событий и юбилеев» (16,8%), участию «в работе патриотических организаций» (10,4%), «в обсуждении патриотических тем» (8,8%).

Так как наиболее распространенным ответом оказался абстрактный вариант «любить свою страну», возникает необходимость его конкретизации и операционализации. Частично решить эту задачу позволяет анализ комбинаций данной характеристики с другими, указанными в том же вопросе. Так, среди тех, кто посчитал, что патриот должен любить свою родину, 48% также указали, что он должен «стремиться к изменению положения дел в стране для того, чтобы обеспечить достойное будущее ее народа», 46,9% – «работать и действовать во благо/для процветания страны», 35% – что он должен «защищать свою страну от любых нападков и обвинений», а 30,7% – «говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была».

Более же точную операционализацию понятия «патриотизм» дают представления школьников о типах поведения, согласующихся с их образом патриота. Как видно из табл. 1, наиболее характерными для патриота качествами они считают «любовь и уважение к своему языку и культуре», «чувство солидарности и благожелательности к соотечественникам», «чувство гордости за достижения страны на международной арене». Также патриотизм, по их мнению, предполагает наличие определенных знаний о своей стране: ее истории, государственной символике, «происходящих в стране событиях и интереса к ним».

Более неоднозначно оценивают школьники модель патриотизма как проявления гражданственности. В представлении многих из них патриотизм ассоциируется в том числе с исполнением обязанностей гражданина – уплате налогов, службе в армии, участии в выборах. Также 60,2% респондентов посчитали, что патриот должен «поддерживать перемены в интересах общества». При этом если 44,9% допустили для патриота «публичное высказывание мнения, не совпадающего с точкой зрения государства», то 42,4% отметили, что патриот не должен «критиковать власть своей страны». Интересно, что почти для трети респондентов патриотизму не противоречит желание переехать в другую страну и наличие счетов и имущества за рубежом.

На присутствие в патриотизме обязательного локального компонента или в целом его локальный характер («привязанность к малой родине») указали 70,6% опрошенных.

При этом больше половины респондентов (61,6%) считают, что «патриотизм – это глубоко личное чувство, и его нельзя навязывать людям / человек сам определяет, что патриотично, а что нет». О необходимости «воспитывать патриотизм в семье и школе, пропагандировать его на телевидении, в кино и в литературе» заявили только 15,2% школьников и всего 2,1% убеждены, что модель патриотизма должна задаваться государством. Однако каждый пятый учащийся (21,6%) не смог определить свою позицию по этому вопросу.

Таблица 1 / Table 1

**Оценка школьниками СФО степени соответствия патриотизму фактов
политического сознания и поведения, % /
Evaluation by school students of the Siberian Federal District of the degree of conformity
to patriotism of the facts of political consciousness and behavior, %**

Чувства идентичности и гражданственности / Sences of identity and civic consciousness	Соответствует / Match	Не соответ- ствует / Doesn't match	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer
Любовь и уважение к своему языку, культуре / Love and respect for your language, culture	77,7	9,3	12,6
Чувство солидарности и благожелательности к соотечественникам / A sense of solidarity and benevolence towards compatriots	71,3	12,5	16,1
Чувство гордости за достижения страны на международной арене / A sense of pride in the country's achievements in the international arena	71,1	13,5	15,3
Чувство привязанности к малой родине / Feeling of affection for a small homeland	70,6	13,8	15,6
Знание происходящих в стране событий и интерес к ним / Knowledge of events taking place in the country and interest in them	68,4	16,7	14,9
Знание государственной символики / Knowledge of state symbols	60,2	25,7	13,9
Поддержка перемен в интересах общества / Supporting change in the public interest	60,2	20,3	19,6
Публичное высказывание мнения, не совпадающего с точкой зрения государства / Public expression of an opinion that does not coincide with the point of view of the state	44,9	35,6	19,5
Работа в иностранной фирме / Work in a foreign company	40,4	38,3	21,1
Критика власти своей страны / Criticism of the authorities of their country	38,5	42,4	19,1
Наличие второго гражданства / Second citizenship	34	44,6	21,4
Наличие счетов и имущества за рубежом / The presence of accounts and property abroad	28,9	59,4	21,6
Желание переехать в другую страну / The desire to move to another country	28,1	59,1	12,7
Уклонение от службы в армии / Evasion from military service	22,2	60,4	17,4
Отказ от участия в выборах / Refusal to participate in elections	21,4	59,2	19,4
Незнание истории своей страны / Lack of knowledge of the history of their country	14	69,4	16,5
Уклонение от уплаты налогов / Tax avoidance	13,7	68,6	17,7

Источник: составлено авторами по результатам исследования / Source: compiled by the authors.

В то же время данные позиции по отношению к патриотизму несколько расходятся с представлениями школьников о субъектах патриотического воспитания. Так, среди тех, кто настаивает на индивидуальном смысловом определении патриотизма, только 20,2% видят этот процесс как самовоспитание. Большинство же передает субъектность в патриотическом воспитании семье (47,8%), государству (35,1%), учреждениям образования (35,0%) и даже патриотическим организациям (27,3%), армии (19,8%), СМИ (11,9%), партиям и общественным организациям (11,5%). В этом с ними солидарны те, кто затруднился определить или скрыл свою позицию по отношению к патриотизму. Более последовательны и логичны представления о субъекте формирования патриотизма у школьников, считающих, что его нужно воспитывать и пропагандировать: 60% видят в качестве субъекта данного процесса семью, 54,8% – образовательные организации, 51,1% – государство, 44,3% – армию, 34,4% – патриотические организации, 21% – СМИ, 16,7% – партии и общественные организации, 10,2% – церковь и религиозные организации.

Кроме «любви к Родине» в определениях школьниками патриотизма достаточно часто звучит и тема гордости за достижения своей страны. Поэтому содержание этого критерия также можно относить к показателям модели патриотизма в массовом сознании. Исследование подтвердило характеристику российского патриотизма как ретроспективного, а также сформированность у подростков персонифицированного восприятия реальности, характерного для информационного общества и для российской политической культуры. Им оказалось легче назвать персоналии, чем знаковые для России события, и увидеть их в прошлом, нежели в настоящем. Так, 55,9% не смогли или не захотели назвать ни одной персоны, 68,8% – ни одного события, которыми бы они гордились в истории страны. Для характеристики начала XXI в. эти показатели равны 71,9 и 86,2% соответственно.

Среди названных исторических персон лидирует Петр I (им гордятся 13,9% опрошенных), далее следуют И.В. Сталин (6,3%), ветераны Великой Отечественной войны (5,3%), Ю.А. Гагарин (5,1%), В.И. Ленин (5,0%), Екатерина II (4,3%), А.С. Пушкин (4,3%), М.И. Кутузов (3,9%) и А.В. Суворов (3,3%). Из современников учащиеся гордятся В.В. Путиным (13,5%), А.А. Навальным (3,7%) и С.К. Шойгу (3,1%).

Историческими событиями, вызывающими у молодежи «чувство гордости за свою страну», стали Великая Отечественная война (ее назвали 20,0% респондентов), первый полет человека в космос (4,7%), европеизация России в начале XVIII в. (2,5%), победа в войне 1812 г. (2,5%) и отмена крепостного права (2,4%), современными – присоединение Крыма (4,4%) и Олимпийские игры в Сочи (2,3%). Для сравнения переходом России к демократии гордятся всего 0,1% школьников.

Исходя из этого списка, можно констатировать, что патриотизм школьников сибирских регионов носит не только ретроспективный, но и во многом милитаризированный и державнический (имперский) характер. Недаром

35,3% учащихся считает, что «Россия перестала быть великой мировой державой, но может стать ею», а 32,5% – что «Россия была и остается великой мировой державой». Процент думающих иначе крайне незначителен: 5,2% отметили, что «Россия навсегда перестала быть великой мировой державой», а 2,4% – что она «никогда не была и не будет великой мировой державой».

Патриотами в большей или меньшей степени определяют себя 46,7% опрошенных, не считают себя таковыми 32%, 21,2% затруднились ответить на этот вопрос. При этом четко проявилась зависимость: если школьник определяет себя как патриота, он ассоциирует себя со страной в целом (россиянин), в то время как носители локальной идентичности очень часто себя патриотами не считают (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Корреляция самоидентификации школьников и их оценки себя как патриотов, % /
Correlation of self-identification of school students and their assessment of themselves
as patriots, %**

Кем Вы себя в большей степени ощущаете? / Who do you feel yourself to be more?	Вы считаете себя патриотом? / Do you consider yourself a patriot?					
	Да / Yes	Скорее да / Rather yes	Скорее нет / Rather no	Нет / No	Затрудняюсь ответить / Difficult to answer	Вся выборка / Whole sample
Россиянином / Russian	70,5	59,5	37,5	24,2	43,3	48,3
Сибиряком / Siberian	44,4	42,6	33,8	24,8	29,0	35,7
Гражданином мира / Citizen of the world	19,9	28,3	30,2	36,6	26,0	28,3
Жителем своего региона / A resident of his region	23,8	23,9	22,4	15,9	21,8	21,9
Жителем своего города (района) / A resident of his city (district)	33,3	34,6	38,1	33,8	29,7	33,8
Представителем своего этноса / A representative of their ethnic group	28,4	23,3	18,4	15,3	14,8	20,1
Представителем своей конфессии / A representative of his denomination	11,1	4,6	4,8	4,8	4,9	5,6
Другое / Other	1,5	1,0	4,2	4,8	3,5	2,7
Нет ответа / No answer	1,5	1,3	2,4	4,8	14,1	4,8

Источник: составлено авторами по результатам исследования / Source: compiled by the authors.

Подтверждает данный тезис и модель доверия общественно-политическим институтам, связанная с размежеванием «патриоты – не патриоты». Школьники, определившие себя как патриоты, отличаются более высоким

уровнем доверия ко всем органам власти, особенно Президенту РФ и силовым структурам, в то время как у «не патриотов» в целом ниже уровень институционального доверия.

Таблица 3 / Table 3

Влияние самоопределения школьников как патриотов на уровень доверия общественно-политическим институтам, % / Influence of self-determination of schoolchildren as patriots on the level of trust in social and political institutions, %

Общественно-политические институты / Social and political institutions	Вы считаете себя патриотом? / Do you consider yourself a patriot?			
	Да / Yes	Скорее да / Rather yes	Скорее нет / Rather no	Нет / No
Общественные организации / Public organizations	40,2	30,4	30,2	24,2
Волонтерское движение / Volunteer movement	58,2	59,1	62,2	49,0
МСУ / Local government	31,4	26,3	20,8	14,1
Заксобранье региона / Legislative Assembly of the region	33,7	25,9	16,0	11,8
Губернатор / Governor	34,5	28,2	19,6	9,6
Государственная Дума / The State Duma	38,0	27,4	18,7	20,2
Совет Федерации / Council of the Federation	39,4	30,5	21,4	14,1
Правительство РФ / Government of the Russian Federation	43,7	35,5	24,4	15,9
Председатель правительства / Prime Minister	37,5	29,3	18,1	10,5
Президент России / President of Russia	48,3	40,2	25,7	18,2
Полиция / Police	47,9	38,2	27,2	19,7
Армия / Army	57,1	43,1	34,2	22,6
ФСБ / FSB	60,9	45,4	39,9	27,7
Политические партии / Political parties	32,2	20,7	15,4	12,4

Источник: составлено авторами по результатам исследования / Source: compiled by the authors.

Заключение

Проведенное исследование показало, что патриотизм школьников регионов Сибирского федерального округа носит милитаризированный, ретроспективный характер, так как объектами гордости учащихся выступают личности и события, в основном связанные с военной историей нашей страны. Значительная часть учащихся гордится имперским прошлым России и высказывает

пожелание дальнейшего сохранения этого статуса. Продемонстрированное школьниками понимание патриотизма в целом соответствует государственному запросу в области патриотического воспитания, поэтому формально цели государственных программ в данной области можно считать достигнутыми. Однако остается открытым вопрос о том, чего больше в этой модели – внутреннего принятия или приспособления к требованиям школьного воспитательного процесса, ответ на который даст только будущая реальная политическая практика исследуемого поколения.

Поступила в редакцию / Received: 07.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Бандурин А. П., Насибова И. Н.* Ценностные и идеологические основания формирования и динамики патриотизма в молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 27–31.
- Верещагина А. В., Нечипуренко В. Н., Самыгин С. И.* Патриотизм в России как идеологический концепт: социокультурные основания становления и воспроизводства в современной реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 30–34.
- Вырицков А. Н., Кусмарцев М. Б.* Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе. Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. 172 с.
- Деточенко Л. С.* Эффективность форм гражданского и патриотического воспитания молодежи: по материалам социологического исследования // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 4 (9). С. 31–42.
- Зубова О. Г., Бухтиярова И. Н.* Патриотизм как основа формирования национальной идеи в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5. С. 26–29.
- Калядина И. С.* Гражданско-патриотическое воспитание современной молодежи в контексте программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 4–5. С. 45–47.
- Касамара В. А., Сорокина А. А.* «С чего начинается Родина»: патриотизм в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2016. № 6. С. 99–110.
- Колесникова Е. Ю., Лубский А. В.* Патриотизм и гражданственность в молодежной среде на Юге России: парадигмы социологических исследований // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7. № 5. С. 174–183. DOI: 10.23683/2227-8656.2018.5.14
- Кузьмин А. В., Трифанов Ю. Н.* Патриотизм и антипатриотизм как диалектические противоположности // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2018. № 10. С. 139–149.
- Лубский А. В.* Патриотизм и гражданственность в Российском обществе, или Как преодолеть дефицит гражданственности в Российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (36). № 2. С. 47–66. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.2
- Мартынов М. Ю., Фадеева Л. А., Габеркорн А. И.* Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08
- Селезнева А. В.* Ценностные ориентации и гражданско-политическая активность молодых российских патриотов // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 3. С. 62–70. DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-62-70

- Dekker H., Malova D., Hoogendoorn S. Nationalism and its explanations // *Political Psychology*. 2003. V. 24. № 2. P. 345–376.
- Papastephanou M. Inward and Outward Patriotism // *Review of European Studies*. 2013. Vol. 5. №. 2. P. 20–32.
- Spry C., Hornsey M. The influence of blind and constructive patriotism on attitudes toward multiculturalism and immigration // *Australian Journal of Psychology*. 2007. Vol. 59. No. 3. P. 151–158.

References

- Bandurin, A. P., & Nasibova, I. N. (2016). The valuable and ideological bases of formation and dynamics of patriotism among young people of modern Russia. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 4, 27–31. (In Russian).
- Dekker, H., Malova, D., & Hoogendoorn, S. (2003). Nationalism and its explanations. *Political Psychology*, 24(2), 345–376.
- Detochenko, L. S. (2015). The effectiveness of forms of social and patriotic education of the youth: Materials of the sociological research. *Volga Pedagogical Bulletin*, 4(9), 31–42. (In Russian).
- Kalyadina, I. S. (2016). Civil and patriotic education of modern youth in the context of the program «Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016–2020». *International Scientific Journal «Innovative Science»*, 4–5, 45–47. (In Russian).
- Kasamara, V. A., & Sorokina, A. A. (2016). «Where does the motherland begin»: Perceptions of patriotism among university students. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 99–110. (In Russian).
- Kolesnikova, E. Yu., & Lubsky, A. V. (2018). Patriotism and citizenship in the youth environment in the South of Russia: The paradigms of sociological research. *Humanities of the South of Russia*, 7(5), 174–183. DOI 10.23683/2227-8656.2018.5.14. (In Russian).
- Kuzmin, A. V., & Trifanov, Y. N. (2018). Patriotism and antipatriotism as dialectical opposites. *Scientific Notes of the Tambov Regional Branch of the Russian Union of Young Scientists*, 10, 139–149. (In Russian).
- Lubsky, A. V. (2019). Patriotism and citizenship in Russian society, or how to overcome the deficiency of citizenship in Russian patriotism. *Humanities of the South of Russia*, 8(36), 2, 47–66. DOI 10.23683/2227-8656.2019.2. (In Russian).
- Martynov, M. Yu., Fadeeva, L. A., & Gaberkorn, A. I. (2020). Patriotism as political discourse in contemporary Russia. *Polis. Political Studies*, 2, 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08. (In Russian).
- Papastephanou, M. (2013). Inward and outward patriotism. *Review of European Studies*, 5(2), 20–32.
- Selezneva, A. V. (2020). Value orientations and civil-political activity of young Russian patriots. *History and Modern Perspectives*, 2(3), 62–70. DOI: 10.33693/2658-4654/-2020-2-3-62-70. (In Russian).
- Spry, C., & Hornsey, M. (2007). The influence of blind and constructive patriotism on attitudes toward multiculturalism and immigration. *Australian Journal of Psychology*, 59(3), 151–158.
- Vereshchagina, A. V., Nechipurenko, V. N., & Samigin, S. I. (2017). Patriotism in Russia as an ideological concept: Sociocultural foundations of formation and reproduction in modern reality. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 6–7, 30–34. (In Russian).
- Virshikov, A. N., & Kusmarcev, M. B. (2006). Patriotic education of young people in modern Russian society. Volgograd. (In Russian).

Zubova, O. G., & Bukhtiyarova, I. N. (2017). Patriotism as the basis for the formation of the national idea in modern Russian society. *Theory and Practice of Social Development*, 5, 26–29. (In Russian).

Сведения об авторах:

Асеева Татьяна Анатольевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета (e-mail: tatulyasolar@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-7344-5698).

Шашкова Ярослава Юрьевна – доктор политических наук, зав. кафедрой политологии Алтайского государственного университета (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-6126-7097).

About the authors:

Aseeva Tatiana Anatolyevna – PhD in Political Science, Associate Professor of Politology Department, Altai State University (e-mail: tatulyasolar@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-7344-5698).

Shashkova Yaroslava Yurievna – Doctor of Political Science, Head of the Department of Political Science, Altai State University (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-6126-7097).

МОЛОДЕЖЬ: СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

YOUTH: SOCIAL AND POLITICAL CAPITAL

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-130-140

Научная статья / Research article

Социальный капитал молодежи современного мегаполиса: возможности эмпирического исследования

А.В. Шентякова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. Современный мегаполис представляет собой конгломерат, который концентрирует экономические, политические, культурные, информационные и человеческие ресурсы. Высокая плотность населения, экономические и географические условия, сложная полиэтническая и мультикультурная структура крупных городов способствуют формированию определенных типов ценностных установок и поведенческих моделей у представителей молодого поколения. В качестве методологической основы выбраны неоинституциональный подход и теория социального капитала. Рассматривается ряд методологических работ, посвященных различным аспектам категории «социальный капитал», и исследуется возможность использования этого концепта для анализа мотивации протестного поведения и оценки протестного потенциала молодых людей. Сочетание экономической модели многоуровневого анализа социального капитала С.А. Сысоева и социально-политических параметров для эмпирической части исследования позволило четко определить основные категории и индикаторы анализа. Измерение уровней социального капитала мегаполиса с включением сетевого компонента расширяет диапазон возможностей для оценки и выявления протестного потенциала жителей крупных городов России.

Ключевые слова: мегаполис, социальный капитал молодежи, уровни и формы социального капитала, ценностные установки

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного гранта № 20-011-31753 «Молодежь мегаполисов как социальная основа публичного протеста: предпосылки, технологии, формы, риски и эффекты политической онлайн-мобилизации».

© Шентякова А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Шентякова А.В. Социальный капитал молодежи современного мегаполиса: возможности эмпирического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 130–140. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-130-140

Social Capital of Youth in a Modern City: Opportunities for Empirical Research

A.V. Shentyakova

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Modern megalopolis concentrates all groups of resources including economic, political, cultural, information, human resources, etc. The high population density, economic and geographic situation, complex multiethnic and multicultural structure of large cities contribute to certain types of values and behavioral models in the younger generation. The neo-institutional approach and social capital theory were chosen as a methodological basis. The article examines a number of methodological works devoted to various aspects of the social capital and explores the opportunity for this concept application for analysis of the protest behavior motivation and assessment of the protest potential of young people. Combination of the economic model of multilevel analysis for measuring social capital by S.A. Sysoev and socio-political parameters for the empirical part allowed to clearly defining the main categories and indicators of analysis. Measuring the levels of social capital of a megalopolis with the inclusion a network component expands the range of opportunities for assessing and identifying the protest potential of large Russian cities residents.

Keywords: megalopolis, social capital of youth, levels and forms of social capital, values

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the EISR within the framework of scientific Grant No. 20-011-31753 “Youth of megacities as a social basis for public protest: prerequisites, technologies, forms, risks and effects of political online mobilization”.

For citation: Shentyakova, A.V. (2021). Social capital of youth in a modern city: Opportunities for empirical research. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 130–140. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-130-140

Введение. Определение объектной среды

На современном этапе развития общества характерной чертой является высокий уровень урбанизации. «Если в начале XIX века в городах мира проживало 3% населения Земли, то в настоящее время этот показатель составляет более 70%. В России статус города имеют 1100 населенных пунктов» [Максимов, Семененко 2012]. В перечень крупных городов с плотностью населения свыше 1 млн человек входят Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Самара, Казань, Челябинск, Омск, Уфа, Волгоград, Красноярск, Пермь, Воронеж. Современные мегаполисы концентрируют в себе все группы ресурсов (финансовых,

административных, организационных, человеческих и др.), хозяйственных функций, занимают самые высокие ступени в иерархической структуре расселения. «В городах сосредоточены ресурсы развития, динамичные секторы экономики, инновационные и культурные центры. Всем этим объясняется рост интереса к развитию городских систем, выявлению влияющих на них тенденций и факторов» [Ахтариева, Харичкова 2016]. Являясь крупнейшими городами мира, они отражают уровень социально-экономического развития в своих странах: «Мегаполис – сверхсложная социальная система, активно испытывающая на себе социальные изменения в стране и мире. Являясь, по сути, территорией опережающего развития, мегаполис порождает собственные социальные изменения, своим размахом, глубиной и значением носящие неординарный, порой инновационный характер»¹.

Социальная структура и нормы взаимодействия между людьми обладают отличительными чертами. «Мегаполис – это особый социум, со своими специфическими внутренними и внешними социально-экономическими, политическими, социокультурными, этническими и социально-психологическими противоречиями» [Середина 2011]. Это обуславливает специфические черты, стиль, ритм и образ жизни горожан. «Для мегаполиса характерны высокая плотность населения на ограниченной территории, существенно дифференцированные социально-профессиональная и этническая структуры населения, огромное разнообразие образов и стилей жизни горожан, высокая степень вариативности их занятий как в трудовой, так и во вне профессиональной сферах» [Леванова, Пушкарева, Серякова 2019].

Потенциал развития крупных городов напрямую зависит от возможности привлекать и удерживать представителей молодого поколения. В то же время мегаполисы обладают имиджем перспективных, экономически благополучных и динамичных центров развития, что очень привлекательно для амбициозных молодых людей. Быстрый ритм жизни, высокий уровень стрессов, повышенные требования к адаптивности и мобильности человека, большие потоки информации и другие особенности влияют на процессы социализации, формирование ценностно-нормативных систем, моделей поведения, социально-психологического климата внутри конгломератов. Совокупность этих факторов оказывает наибольшее влияние на представителей молодого поколения.

Молодежь является социально-демографической группой, обладающей набором ценностей и установок, которые еще не сформировались окончательно и подвергаются постоянному воздействию со стороны различных агентов социализации. «По своей природе молодежь содержит определенный код преемственности поколений, обеспечивающий самовоспроизводство общества. Особенностью рассмотрения проблемы на самых разных этапах развития социальной мысли было стремление найти универсальные

¹ Мельничук Е.С. Адаптация молодежи к социальным изменениям в мегаполисе: автореф. ... канд. социол. наук. М., 2018. – 24 с.

характеристики и определения молодежи, ее индивидуальных и социальных детерминант функционирования и развития» [Паршина 2015]. Городская среда современного мегаполиса создает особые условия формирования социального капитала для представителей молодого поколения. Доступность Интернета, активное использование различных виртуальных площадок и ресурсов для обсуждений позволили социальным сетям стать одним из факторов социализации молодых людей. Информационные технологии, которые наиболее интенсивно развиваются и распространяются в крупных городах, значительно влияют на субъекты и факторы формирования социального капитала.

Цель нашего исследования – изучить и оценить возможности эмпирического измерения структурной и когнитивных форм социального капитала молодежного сегмента жителей крупнейших российских городов. Одним из ключевых аспектов современных дискуссий вокруг теории социального капитала является возможность эмпирического измерения как непосредственно структурных элементов социального и культурного капитала, так и их взаимосвязей. С одной стороны, исследование структурной и когнитивных форм социального капитала молодого поколения в масштабе современных мегаполисов позволяет сделать эмпирический срез такого сложного феномена, как социальный капитал, в целом. С другой стороны, позволяет рассмотреть социальные сетевые сообщества как значимые элементы социального капитала для аккумуляции социального протеста.

Социальный капитал как институциональный ресурс мегаполиса

Проблемы изучения социального капитала за последние 10 лет вошли в фокус как зарубежных, так и отечественных исследователей. Однако анализ публикаций по вопросам измерения социального капитала демонстрирует, что в большинстве случаев исследователи концентрируются на системных и структурных факторах, часто не включая в анализ социальную базу и человеческие ресурсы. Общеизвестного, единого для научного сообщества, определения понятия «социальный капитал» нет, каждый исследователь формулирует свое определение, основываясь на работах П. Бурдьё, Ф. Фукуямы, Дж. Коулмана, Р. Патнэма и др. «Трудность в выработке такого определения социального капитала, которое было бы строгим и общепризнанным, очевидным образом связана с самой природой описываемого им феномена: социальный капитал вбирает в себя широчайшее разнообразие форм, причин и следствий» [Захаров 2018].

Согласно концепции П. Бурдьё под социальным капиталом понимается совокупность связей, взаимоотношений, коммуникаций, основанных на доверии, признании и ответственности как между отдельными индивидами внутри одной группы (сети), так и между группами. Социальный капитал, в зависимости от количества контактов и связей в конкретной социальной сети, позволяет

быстрее обмениваться информацией, ресурсами, капиталами, что снижает издержки, затраты и повышает прибыль, а следовательно, опосредованно влияет на степень сплоченности членов группы [Бурдые 2004; Бурдые 2002].

Ф. Фукуяма подчеркивал, что в социальном капитале важную роль выполняют неформальные ценности, которые сплачивают членов группы и способствуют укреплению доверия между участниками сети [Фукуяма 2002]. Аналогичной точки зрения придерживался П. Маскел, который выделял ценности и убеждения, характерные для всех участников группы, в качестве базовых компонентов, благодаря которым институционализируются практики обыденной жизни и на основе которых вырабатывается система норм и правил для других, потенциальных членов сообщества [Maskell 2000].

Один из основных разработчиков концепции Д. Коулман рассматривал социальный капитал как способность людей, с помощью неформальных связей или иных контактов, объединяться друг с другом в некие сообщества, которые способствуют повышению качества жизни как отдельных индивидуумов, семей, так и общества в целом, выполняя функцию общественного блага [Коулман 2001].

Р. Патнэм, изучая вопросы связанные с понятием «социальный капитал», выделял доверие и социальные сети, основывающиеся на взаимном доверии, в качестве базовых условий развития социального капитала. Социальные нормы, по мнению исследователя, также являются важным компонентом социального капитала, но как предпосылка или следствие социального и политического взаимодействия [Патнэм 1996].

Российский исследователь В.П. Столбов детально выделяет элементы, характеризующие категорию социального капитала:

1) *социальные сети* (неформальные и социально значимые человеческие отношения, акторы которых группируются на основе сходства занимаемых позиций, связей, интересов и ресурсов);

2) *нормы, правила, убеждения* (необходимые условия осуществления разного рода социальных связей и формирования социального капитала);

3) *социальные связи/контакты* (действия людей, учитывающие возможные действия других людей);

4) *традиции* (устойчивые представления людей, определяющие смыслополагание их жизни);

5) *гражданскую и этническую идентичность* (определение признаков принадлежности к общности);

6) *взаимную ответственность* (обязанность лица по отношению друг к другу выстраивать свои отношения в соответствии с точным выполнением законов, регламентов, договоренностей, обязательств);

7) *благонадежность* (следование четким законам, нормам организации и выполнение своих должностных обязанностей);

8) *социальное признание* (чувство социальной значимости вследствие позитивной оценки со стороны общества, деятельности индивида);

9) *отказ от преследования личных интересов* (преодоление эгоцентризма в поведении индивида) [Столбов 2016].

Каждый из перечисленных компонентов может выступать в качестве индикатора или переменной для эмпирической части исследования ценностей и установок молодых людей, включенных в различные социальные сети.

Хотя концепция социального капитала нашла широкое применение, остается ряд дискуссионных моментов. Одним из важных аспектов теоретических разработок и эмпирических исследований концепции социального капитала является вопрос о соответствии основному определению экономической категории «капитал». Отсутствие согласованной позиции по данному вопросу обусловлено значительными расхождениями в оценке корректности и адекватности его интерпретации как одной из форм экономического капитала или экономического ресурса. Ресурсная теория предлагает рассматривать социальный капитал как совокупность всех доступных ресурсов, которыми обмениваются члены сообществ. Но такой подход, по мнению ряда исследователей, упрощенно трактует содержание и измерение социального капитала [Di Maggio 1982].

Ряд современных ученых придерживаются позиции, согласно которой термин «капитал» с точки зрения экономической теории не обоснован. По мнению П. Ди Маджио, «понятие капитала превращается из мощного и точного орудия анализа в бессодержательную фигуру речи» [Власов, Стебаков 2016].

Несмотря на серьезную критику, благодаря институциональному подходу «все экономические трансакции стало возможным рассматривать без отрыва от институциональной среды, которая определяется Л. Дэвисом и Д. Нортом как набор фундаментальных политических, социальных и правовых установок, образующих основу производства, обмена и распределения» [Афанасьев, Гужавина, Мехова 2016]. Такая трактовка включает в структуру социального капитала еще одну переменную – институциональную, что позволяет рассматривать формы поведения индивида в зависимости от системы существующих в обществе социальных и формальных норм общения, поведения, взаимодействия, включая действующие неформальные практики взаимоотношений. Еще одним вариантом интерпретации категории социального капитала можно назвать определение, предложенное Мировым банком, согласно которому социальный капитал можно рассматривать как «институты, отношения и нормы, которые формируют, качественно и количественно, социальные взаимодействия в обществе» [Хайкин, Крутик 2014].

Одним из важных аспектов работ по тематике социального капитала выступают оценка возможностей и потенциала конвертации социального капитала в экономический, человеческий, символический и другие виды внеэкономических капиталов [Найденова, Федотов 2009]. Многие исследователи отмечали факт зависимости/взаимного влияния между социальным, культурным, символическим, экономическим и другими видами капитала. П. Бурдье подчеркивал важную роль концепта социального капитала, который, с одной

стороны, позволяет субъектам получить доступ к экономическим, финансовым, репутационным и иным ресурсам других членов сообщества, а с другой – расширяет возможности для роста культурного и символического капитала с помощью связей и контактов с другими людьми, вовлеченными в сеть знакомств. Конвертация, по его мнению, происходит посредством трех основных компонентов: социальные сети, социальные нормы и доверие. Изучение как каждого элемента в отдельности, так и каналов и форм конвертации социального капитала в другие виды капитала остается актуальным направлением междисциплинарных исследований.

С одной стороны, социальный капитал можно рассматривать как ресурс, который аккумулируется и динамично развивается в зависимости от уровня стабильности политической и экономической систем. В рамках экономического подхода к рассмотрению социального капитала была выявлена связь между его уровнем и социально-экономическими показателями. С другой стороны, его можно рассматривать как институциональную среду макроуровня, где структурная форма социального капитала включает государственные и общественные институты, а когнитивная форма социального капитала – ценности общественного характера. «Микроуровень – уровень взаимодействия человека с друзьями, соседями, коллегами по работе, взаимодействии внутри различных социальных групп. Накопление социального капитала на мезоуровне общества – уровне взаимодействия различных социальных, национальных групп, сетевых объединений оказывает непосредственное воздействие на стабильность всей социально-экономической системы. Это же относится и к накоплению социального капитала на макроуровне при взаимодействии общества, государства, бизнес-структур и профсоюзов»².

Анализ этих двух компонентов в отношении молодого поколения позволяет дать оценку перспектив развития социального капитала у жителей современных российских мегаполисов. При этом ценностные ориентации можно рассматривать в качестве самостоятельного фактора, так как они способствуют формированию сетей и увеличивают уровень доверия и взаимопонимания между их участниками. Ценностные ориентации существенно влияют на модели поведения, определяют системы приоритетов и способы отстаивания собственных интересов. Формы протестного поведения также определяются системой норм и ценностей общества или социальной группы. Ряд отечественных исследователей утверждает, что существует прямая зависимость между протестными настроениями, социальной структурой и вертикальной социальной мобильностью. На характер этой связи влияют как внутренние, так и внешние факторы. К внутренним факторам исследователи относят политическую культуру, характер взаимодействия государства и институтов

² Сысоев С.А. Институциональный аспект исследований социального капитала. URL: https://studylib.ru/doc/2200224/institucional._nyj-aspekt-issledovanij-social._nogo-kapitala (дата обращения: 05.11.2020).

гражданского общества, кризис норм и ценностей, делигитимацию политического режима, депривацию отдельных индивидов и социальных групп. В качестве внешних факторов выделяют Интернет и новые технологии коммуникации, геополитические события, успешный опыт европейских стран по оказанию давления со стороны гражданского общества на органы государственной власти. Западные образцы политического устройства общества и модели отношений между государством и гражданином являются привлекательными в первую очередь для представителей молодого поколения. «Рост политической культуры и активности в России до сих пор происходит в немалой степени под влиянием (намеренным и ненамеренным) примера государств Западной Европы, а также США» [Франц 2020]. Еще одним важным компонентом изучения социального капитала молодежи являются социальные сети.

Условия современного информационного общества создают дополнительный диапазон возможностей изучения социального капитала, который можно рассматривать в двух сферах – онлайн- и офлайн-пространстве. Связи, сети, взаимоотношения формируются, развиваются и поддерживаются не только в реальной повседневной, но и в «виртуальной» жизни. Представители молодого поколения активно используют интернет-площадки для коммуникации, дискуссий, самопозиционирования, развлечения, работы и учебы, что способствует формированию их социального капитала в сетевых сообществах. В то же время молодые люди ощущают неопределенность перспектив трудоустройства и материального благосостояния, в связи с чем данная социальная группа зачастую выступает как активный субъект и основной драйвер протеста. Теме социальных сетей как ресурса, инструмента, механизма протестной активности посвящено большое количество научных работ.

Многие исследования последних 10 лет подтверждают, что, с одной стороны, сетевые сообщества способны концентрировать, артикулировать и направлять социальную напряженность, недовольство в коммуникативную плоскость как предохранительный клапан. С другой стороны, они ускоряют и упрощают организацию протестных акций, так как задействуют социальный капитал участников сети. «Протестный потенциал в социальных сетях – это потенциал реального, „физического“ протеста? Потенциал уличного (офлайнового) протеста действительно способен формироваться и накапливаться в Интернете в объеме, достаточном для крупномасштабных социальных потрясений» [Ахременко, Стукал, Петров 2020]. Результаты эмпирического исследования коллектива авторов под руководством А.С. Ахременко показали, что контакты и репутация отдельного индивида по значимости превосходят содержательность его контента «сеть важнее текста. Сетевая позиция автора, ассоциируемая с его популярностью (в особенности – его популярностью среди популярных пользователей), играет гораздо более значимую роль для распространения твита, чем его содержательные характеристики» [Ахременко, Стукал, Петров 2020]. Этот вывод демонстрирует, что для участников сети авторитет, доверие, сходство ценностных ориентиров как

значимые элементы социального капитала оказываются более важными в восприятии информации, чем содержательный компонент.

Заключение

В русскоязычном сегменте Интернета именно молодые люди являются наиболее активными участниками сетевых сообществ, поэтому изучение и оценка уровня социального капитала этой социальной группы представляются наиболее интересными и перспективными. Выявление структурных компонентов и расширение способов эмпирического измерения социального капитала позволяют не только оценить потенциал мегаполиса с учетом экономических и социально-демографических показателей, но и включить в анализ модели отношений между властными структурами и гражданами в сфере публичной политики. Такой комплексный подход расширяет диапазон возможностей диагностики климата мегаполисов для поддержания социально-экономической и политической стабильности.

Поступила в редакцию / Received: 30.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Афанасьев Д. В., Гужавина Т. А., Мехова А. А.* Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2016. № 6. С. 110–125.
- Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // *Полис. Политические исследования.* 2020. № 2. С. 73–91.
- Ахтариева Л. Г., Харичкова Л. И.* Современные тенденции в развитии мегаполисов России // *Фундаментальные исследования.* 2016. № 7. С. 56–57.
- Бурдые П.* Формы капитала // *Экономическая социология: электронный журнал.* 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf. Дата обращения: 30.10.2020.
- Бурдые П.* Формы капитала. – М.: РОССПЭН. 2004. – 680 с.
- Власов Ф. Б., Стебаков А. А.* Социальный капитал, его виды и противоречия // *Общество и экономика.* 2016. № 10. С. 20–21.
- Захаров А.* Критика понятия «социальный капитал» / пер. с англ. А. Захарова // *Неприкосновенный запас.* 2018. № 119 (3). С. 211–220. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/119_nz_3_2018/article/19931/#_ftn1. Дата обращения: 02.11.2020.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность.* 2001. № 3. С. 122–139.
- Леванова Е. А., Мудрик А. В., Пушкарева Т. В., Серякова С. Б.* Мегаполис как социокультурный и социально-педагогический феномен // *Сибирский педагогический журнал.* 2019. № 5. С. 7–14.
- Максимов С. Н., Семенов В. В.* Особенности и проблемы развития современных мегаполисов // *Проблемы современной экономики.* 2012. № 2. С. 352 – 355.
- Найденова Л. И., Федотов Л. Н.* Внеэкономический капитал и его значение для развития регионального социума // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2009. Т. 12. № 2. С. 84–95.

- Паршина В. В. Молодежь как особая социально-демографическая группа в социальной структуре общества // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2015. № 10–5. С. 114–117.
- Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
- Середина М. И. Современные мегаполисы мира и их социальные проблемы // *СЕРВИС PLUS*. 2011. № 1. С. 23–27.
- Столбов В. П. К вопросу о социальном капитале в городской среде // *Известия Высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством»*. 2016. № 4 (30). С. 71–72.
- Франц В. А. «Мягкая сила» культуры политического протеста: теоретико-методологические основания исследования // *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*. 2020. № 2. С. 92–101.
- Фукуяма Ф. Социальный капитал // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона*. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 129–146.
- Хайкин М. М., Крутик А. Б. Социальный капитал и социальные сети // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент»*. 2014. Т. 8. № 1. С. 85–92.
- Di Maggio P. Cultural capital and school success: The impact of status culture participation on the grades of U.S. high school students // *American Sociological Review*. 1982. Vol. 47. P. 189–201.
- Maskell P. Social Capital, Innovation and Competitiveness // *Social Capital, Critical Perspectives / S. Baron, J. Field, T. Schuller (Eds.)*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P 111–123.

References

- Afanasyev, D. V., Guzhavina, T. A., & Mekhova, A. A. (2016). Social capital in a region: Revisiting the measurement and building of an indicator model. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 6: 110–125. (In Russian).
- Akhremenko, A. S., Stukal, D. K., & Petrov, A. P. (2020). Network vs message in protest diffusion on social media: Theoretical and data analytics perspectives. *Polis. Political Studies*, 2: 73–91. (In Russian).
- Akhtarieva, L. G., & Kharichkova, L. I. (2016). Current trends in the development of Russian megalopolises. *Fundamental Research*, 7: 56–57. (In Russian).
- Bourdieu, P. (2002). Forms of capital. *Economic Sociology: E – Journal*, 3–5: 60–74. (In Russian).
- Bourdieu, P. (2004). *Forms of capital*. Moscow: ROSSPEN. 680 p. (In Russian).
- Coleman, J. (2001). Social and human capital. *Social Sciences and Contemporary World*. 3: 122–139. (In Russian).
- Di Maggio, P. (1982). Cultural capital and school success: The impact of status culture participation on the grades of U.S. high school students. *American Sociological Review*, 47: 189–201.
- Franz, V. A. (2020). “Soft power” of the culture of political protest: Theoretical and methodological foundations of the study. *Philosophy and Humanities in Information Society*, 2: 92–101. (In Russian).
- Fukuyama, F. (2002). *Social capital. Culture matters. How values contribute to social progress*. Ed. by L. Harrison and S. Huntington. Moscow.: Moscow school of political research. 320 p. (In Russian).
- Khaikin, M. M., & Krutik, A. B. (2014). Social capital and social networks. *Bulletin of the South Ural State University. Series Economics and Management*, 1: 85–92. (In Russian).
- Levanova, E. A., Mudrik, A. V., Pushkareva, T. V., & Seryakova, S. B. (2019). Megapolis as a socio-cultural and socio-pedagogical phenomenon. *Siberian Pedagogical Journal*, 5: 7–14. (In Russian).
- Maksimov, S. N., & Semenenko, V. V. (2012). Peculiarities and problems of the development of contemporary megalopolises. *Problems of Modern Economics*, 2: 352–355. (In Russian).

- Maskell, P. (2000). Social capital, innovation and competitiveness. *Social Capital, Critical Perspectives*. S. Baron, J. Field, T. Schuller (Eds.), Oxford: Oxford University Press. 111–123.
- Naydenova, L. I., & Fedotov, L. N. (2009). Non-economic capital and its implications for regional social development. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 12(2): 84–95. (In Russian).
- Parshina, V. V. (2015). Youth as a special socio-demographic group in the social structure of society. *Actual Problems of Humanities and Natural Sciences*, 10(5): 114–117. (In Russian).
- Putnam, R. (1996). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Moscow: Ad Marginem. 287 p. (In Russian).
- Seredina, M. I. (2011). Social problems of contemporary world's megalopolises. *SERVICE PLUS*, 1: 23–27. (In Russian).
- Stolbov, V. P. (2016). About social capital in urban environment. Proceedings of the Universities. *Series Economics, Finance and Production Management*, 4(30): 71–72. (In Russian).
- Vlasov, F. B., & Stebakov, A. A. (2016). Types and contradictions of social capital. *Society and economy*, 10: 20–21. (In Russian).
- Zakharov, A. (2018). Criticism of the concept of “Social capital” (translated from English by A. Zakharov). *Emergency Reserve*; 3: 211–220. (In Russian).

Сведения об авторе:

Шентякова Анна Владимировна – кандидат политических наук, ассистент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: a.shentyakova@spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0002-2389-8162; SPIN-код 2092-2836).

About the author:

Shentyakova Anna Vladimirovna – PhD in Political Science, Assistant of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies, Saint-Petersburg State University (Russian Federation) (e-mail: a.shentyakova@spbu.ru) (ORCID ID: 0000-0002-2389-8162; SPIN-код 2092-2836).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-141-158

Review article / Обзорная статья

Bridges to Studying: Educational Migration in the Scope of Political Transformation in Post Covid-19 Pandemic in Europe

G.O. Abrokwa¹, E. Donkor²

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Charles University, Prague, Czech Republic

Abstract. Recently, Europe is witnessing a transformation in the political system, concerning right-wing populist movements, around the claim that a massive influx of migrants within its territorial borders undermines the sovereignty of the nation-state. This transformation has led to issues of economic inequalities, loss of cultural identity, and influence in voting patterns. Considering the unfolding situations, we ask: What is the effect of educational migration on economic growth and social development before, during, and after the Covid-19 pandemic? How will the current political transformation processes affect educational migrants in the post-Covid-19 pandemic in Europe? Using the systematic review methodology, the authors sort to perform a comprehensive literature search; complete a critical appraisal of the individual studies gathered; and combine the valid studies using appropriate statistical techniques. The research affirmed a case that Education could not ignore politics. We perceive it will shape populist motives on educational migrants in post-pandemic Europe. The author's expectation of future research pays attention to the political transformation process and how anti-immigration discourse will exercise control over educational institutions.

Keywords: migration, educational migrants, political transformation, Covid-19, globalisation, populist parties

For citation: Abrokwa, G.O., & Donkor, E. (2021). Bridges to studying: Educational migration in the scope of political transformation in post Covid-19 pandemic in Europe. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 141–158. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-141-158

© Abrokwa G.O., Donkor E., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Мосты к обучению: образовательная миграция в контексте политической трансформации в период после пандемии Covid-19 в Европе

Г.О. Аброква¹, Э. Донкор²

¹ Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

² Карлов Университет, Прага, Чехия

Аннотация. В последнее время в Европе происходит трансформация политической системы, связанная с правыми популистскими движениями, дискурс которых сосредоточен на идее, что массовый приток мигрантов в европейский ареал подрывает суверенитет национального государства. Эта трансформация привела к проблемам экономического неравенства, утрате культурной идентичности и изменению электоральных моделей. В статье ставятся следующие исследовательские вопросы: каково влияние образовательной миграции на экономический рост и социальное развитие до, во время и после пандемии Covid-19? Как актуальные политические процессы повлияют на поведение образовательных мигрантов в период после пандемии Covid-19 в Европе? Проводится систематический обзор литературы на основе критической оценки, его выводы сопоставляются с валидными исследованиями с использованием статистических методов. Исследование подтвердило исследовательскую гипотезу, что образование не может развиваться в отрыве от актуальных политических процессов.

Ключевые слова: миграция, образовательные мигранты, политическая трансформация, Covid-19, глобализация, популистские партии

Для цитирования: *Abrokwa G.O., Donkor E. Bridges to studying: Educational migration in the scope of political transformation in post Covid-19 pandemic in Europe // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 141–158. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-141-158*

Introduction

Migration, processes of political transformations and the novel coronavirus pandemic are seen to be double-edged swords that affect all sectors of the economy, geographical classifications, and some fundamentals of human existence. The transformation in the political process has been charged by anti-immigration socio-political mobilisation equating it to the perception of native culture and norms being hampered in the present and future years. Amidst all the numerous publications on migration, political transformation and the current pandemic, an unequal weight has been given to some basics of these global drivers in a categorical context. It is with this intuition that the authors seek to address objectively, some bridges to studying, taking into consideration a contextualised theme under Youth and Politics in Europe. The general objective of this reviewed article is on Educational Migration in the Scope of Political Transformation in Post Covid-19 Pandemic in Europe. Also, the article seek to review how the processes of political transformation in Europe affect the trend and factors of migration by education as well as socio-economic growth? To achieve this, reviewing relevant pieces of literature,

understanding the breadth and depth of the current body of work, and identifying gaps to inform further research was considered. This methodology was used because it is a comprehensive and thoroughly searched across different data-sources and grey areas that can be repeatedly explored and reproduced by other researchers. Inferring from this, literature inclusion criterion was based on systematic literature review principles which include coverage, focus, integration, validity, reliability, and repeatable or how the method is applicable universally. Significantly, the authors gave attention to abstract and findings of literature during the screening inclusion stage, and they short-listed the literature to ninety-seven publications based on the thematic questions the authors seek to address and the reliability concerning the replication of method. Four publications were excluded because it was not written in English. Concerning the questions above as well as keywords used at the literature and screening inclusion stage, full-text of pieces of literature were identified from databases with publication date limit set between 1997 and 2020. The authors then extracted some quantitative data from Eurostat, OECD and UNESCO based on the key areas of the question that the authors wanted to explore. These extracted data were analysed and interpreted by the authors with the assumption that the reliability of the extracted data informed the research's output. The findings had a different view from the right-wing parties' assertions on migration and it stressed on how policies on migration could affect the trends of educational migrants as well as the factors of migration by education and the economy in Post Covid-19 Pandemic in Europe. In the first section of this article, the authors addressed categorical issues on educational migrants trend, comprehensive factors for migration by education using infographics, as well as educational migrants effect on economic growth (considering before, during and post-Covid-19 pandemic) and social development. The effect of globalisation on migration and processes of transformation was also looked at in the second section of this article from a broader perspective of migration and politics and recommendations were given where necessary to inform future policies and scholarly works.

Educational migrants' contributions to economic growth and social development

Migration and migrants are defined technically in context, concepts and categories informed by geographic, political, legal, methodological, duration and other factors. In ascertaining the measurement of migration, four main categorisations were considered, including place of residence, place of birth, citizenship, and duration of stay¹. Immigrants in the classical immigration countries (Australia, Canada, New Zealand, and the USA), were mainly based on the criterion of citizenship. In contrast, immigration data for European countries is based

¹ International Organisation for Migration (2020). *World Migration Report*. Retrieved from https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf

primarily on the criterion of the place of residence and place of birth [Haas et al. 2014]. Pieces of literature were considered based on the definition for the *first and second generation of educational migrants* [Wirén 2013] as the unit of analysis.

The growth in educational migrants' numbers is part of a broader 'transnationalization of education' achieved through a range of factors including globalisation, advancement in technology, pedagogical upgrade, among others. Amidst conducted reviews is 'Evidence on education as a driver for migration' journal² with particular attention to Tertiary education and International migration where Browne stressed on some factors that influence educational migration. It is in this light that the paper seeks to update the comprehensiveness of the stated factors in the journal with a pictorial representation (Fig. 1).

Fig. 1

The trend of migration by education in some EU member states

Source: Authors' own construct (an update of Browne, E. Evidence on Education as a Driver for Migration. K4D Helpdesk Report. Brighton, UK: Institute of Development Studies).

URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/598086a0ed915d022b00003c/K4D_HDR_Migration_and_Education.pdf. (accessed: 09.11.2020)

Substantially, recent years have recorded an increase in the volume of educational migrants worldwide. These numbers have been rising, almost quartet faster than total international migration confirming the assertion that lower

² Browne, Evie (2017). *Evidence on Education as a Driver for Migration. K4D Helpdesk Report*. Brighton, UK: Institute of Development Studies. Retrieved from https://assets.publishing.service.gov.uk/media/598086a0ed915d022b00003c/K4D_HDR_Migration_and_Education.pdf

education means fewer options for legal migration³. Figure 2, shows the ‘trend of this volume’⁴ in some selected countries.

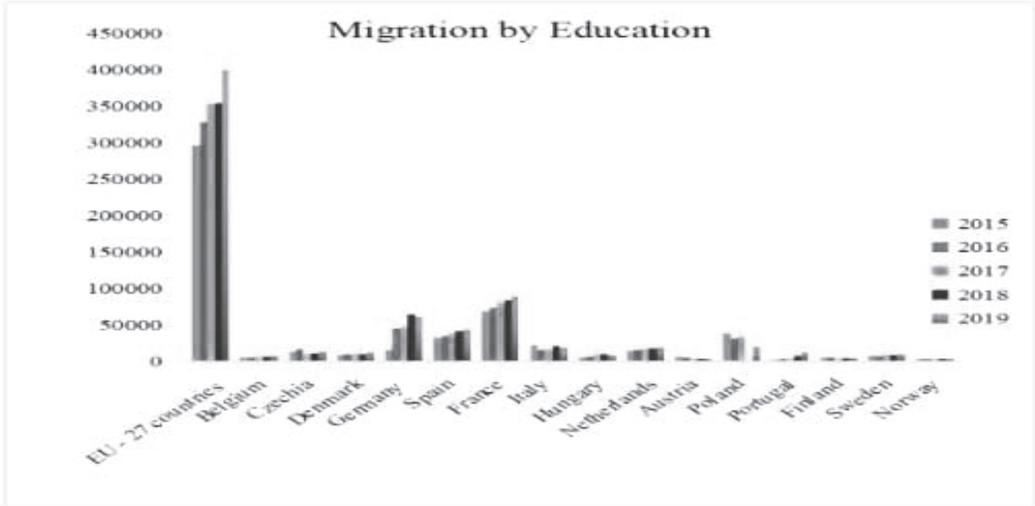

Fig. 2

Migration by Education

Source: Authors' own construct. OECD/Eurostat (2020). URL: https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2020_974729f4-en#page4 (accessed: 15.11.2020).

From Figure 2, Spain, France and Portugal had a significant and exponential increase of educational migrants from 2015–2019 which is consistent with the total inflow of educational migrants into EU-27 countries. Germany and Italy recorded a decline of 3,933 and 1,775 respectively from 2018 to 2019 while Norway recorded slightly steady growth from 2017 to 2019. The European Union is a critical geographical area with some of the countries seen as destinations for significant migration by education. In 2018 educational migrant recorded was 1.7 million from 23 OECD countries that are also members of the EU (EU-23)⁵. To be able to understand the weight of educational migrants, the total number of annual inflows were also considered for some selected countries.

In Figure 3 above, Belgium, Denmark, Hungary and Austria⁶ was part of countries studied. Interestingly, these countries had 0.06%, 2.46%, –14.34% and

³ International Organisation for Migration (2008). *World Migration*. IOM, Geneva. Retrieved from https://publications.iom.int/system/files/pdf/wmr_2020.pdf

⁴ See: *Statistics | Eurostat* (2020). Retrieved November 15, 2020, from https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/migr_resfirst/default/table?lang=en. Figure 1 was sourced from the link attached and the graph was constructed by the author. These trajectories clearly show how countries differ in volume and the percentage at educational migrants increased. This to some extent suggests that countries may have differential approaches and complementing policies as far as educational migrants are concerned.

⁵ European Commission (EC). (2010). *Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Working paper*. Retrieved November 15, 2020, from <https://www.eea.europa.eu/policy-documents/com-2010-2020-europe-2020>

⁶ See: Retrieved November 15, 2020, from https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2020_974729f4-en#page4

1.30% respectively as a percentage change of migration by education from 2018 to 2019, leaving us with the question of how significant is the influence of educational migrant’s culture on the culture(s) of the countries mentioned above or what brought about these changes? These questions were answered by the authors using the simulation of an enclave-assimilation theory and policies on how educational migrants gradually adapt to their new environment.

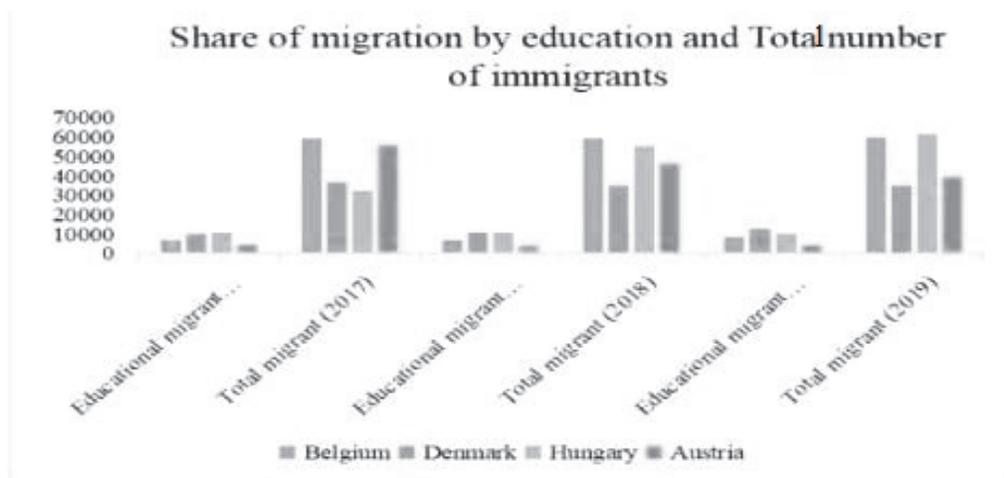

Fig. 3

Share of Migration by Education and Total Number of Immigrants

Source: Authors' own construct. OECD/Eurostat (2020). URL: https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2020_974729f4-en#page4 (accessed: 15.11.2020).

In order to understand how the enclave-assimilation theory was applied, the authors looked at the spread of educational migrants by regions of origin [OECD 2020]⁷ since the authors assumed that the degree of enclave and assimilation perhaps could be affected by the heterogeneous characteristics of areas. Follow the link in the footnote to better understand a different perspective the authors looked at the Distribution of international and foreign students by region of region graph⁸ (page 232) from OECD’s education at a glance report (2020).

These countries recorded 12%, 31%, 9% and 24% respectively as a share of educational migrants from the volume or the total number of immigrants recorded in 2019 (by Author’s construct from migr_resfirst- Eurostat’s online data).

According to European Migration Network (2019), the highest number of educational migrants coming to the EU in 2017 was from China – consisting almost a quarter of all first study permits (118 830 permits) – followed by the United States (33 000 permits) and India (32 317 permits). The top countries of origin for international students in the EU include Ukraine (16 248 permits), Morocco (13 472 permits), South Korea (11 358 permits), Brazil (10 414 permits) and Turkey (9 941 permits).

⁷ See: Retrieved November 15, 2020, from https://read.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2020_69096873-en#page232

⁸ See: Retrieved November 15, 2020, from https://asset.keepeek-cache.com/medias/domain21/_pdf/media5256/801171-rr3m0fe9h3/large/231.jpg

From authors' analytical glance, the distribution shows how educational migrants are assimilated into some destination countries in Europe (such as Czechia, Germany, Italy, France, the Netherlands and Latvia). For instance, there are diverse cultures in all the regions identified but particular attention were given to educational migrants coming from Asia, Europe and Africa. This is evident on how international students from these three major regions easily adapt to new environment because of their experience to cultural heterogeneity in their home countries. This study looked at the theory of assimilation concerning immigration in general, and it was narrowed to the context of Europe and categorically to educational migrants using 'Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration' journal by [Alba, Nee 1997a]⁹ as a guide.

Some of the hypothesis the authors considered from [Alba et al. 1997b] work include (1) lower duration of educational migrant's socio-cultural and political enclave, (2) slower pace to assimilate educational migrants into host countries, and (3) second generational migrants and natives with a migration background will have the fastest transition and less/no available assimilation [consistent with the findings of Alba and Nee 1997] in the context of the proposed theory¹⁰. Based on the student Directive 2004/114/EC, diversified approaches have evolved to assimilate and aid in the selection of educational migrants which in turn led to different modules on how higher education systems recruit and integrate skilled foreign students into the local and national economy. Compensation strategies and enhanced revenue coming from abroad were some of the economic benefits associated with international students. Again, regional or national schemes were centred on attracting the 'brightest and the best' [MacGregor 2013; Rostovskaya et al. 2020]. Parallel to this, educational migrants come from a spread of geographical locations or origins and to achieve country-specific policies on education, English language is being used as a common language for tuition.

Conversely, Hungary and Latvia had no national policy on educational migrants. With Hungary, only an action plan has been formulated, and this is tailored to strengthening the education of ethnic Hungarians standards of living outside the territory of Hungary. The absence of a national policy on educational migrants to an extent explains the negative values of its percentage change from 2018 to 2019.

⁹ See: *Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration on JSTOR*. Retrieved November 15, 2020, from <https://www.jstor.org/stable/2547416?seq=1>

¹⁰ Globalisation to an extent has suggested a global identity in theory (see [Arnett, 2002]) so if the third assumption holds, then there's the likelihood for some degree of convergence from the perspective of solidarity. As stated, this calls for further studies.

Educational migrants and economic growth

Educational migrants' effect on economic growth before the Covid-19 pandemic

Economic growth and gains emanating from migration by education have been analysed by some scholars using the balance of payment analogy¹¹. According to [Bergerhoff et al. 2013] the proportion of educational migrant's inflow is likely to remain in the host country, and when this happens, it changes the trajectories of the labour force as well as the human capital in a given country and consequently leads to interesting growth effects.

On the one hand, migration by education from host countries point of view again may be an essential source of income and have a disproportionate impact on their economic and innovation systems. For instance, educational migrants contribute to the local economy through their living expenses (in the longer run) as well as innovation through practical and strategic integration into domestic labour markets. From countries of the origin point of view, on the other hand, educational migrants can contribute to knowledge (both tacit and experiential) absorption, technology progress and capacity building in their respective origins. This only happens when they return home after their studies or hold up a strong rapport with nationals at home, integrated into their areas of expertise and act as a magnet for diasporic investment [Marginson 2006].

According to [Chellaraj et al. 2008] educational migrants significantly contributes positively to government's budgets through highly paid taxes since there is a robust linear relationship between educational attainment and income and are apt to receive fewer government benefits than less-educated residents.

On the contrary, there is also an empirical finding of a negative net brain effect in transitional countries in a sense where many educated emigrants from third-countries or transitional countries end up in employment sectors classified as unskilled in the developed economies [Chiswick and Miller 2009]. The trickle-down effect is that the origin country's human capital stock decreases with a diminishing incentive for future investment as far as migration by education is concerned.

Migration by education effect on economic growth during Covid-19 pandemic

More than 3.9 million international or foreign students studying in OECD countries were potentially affected due to the decree made by governments to (temporarily) close-down higher education institutions as a measure for controlling

¹¹ Bashir, S. (2007). *The trends in international trade in higher education: Implications and options for developing countries*. Washington, DC: World Bank. World Bank Education Working Paper Series no. 6. Retrieved November 17, 2020, from <http://documents.worldbank.org/curated/en/828431468762899837/Trends-in-international-trade-in-higher-education-implications-and-options-for-developing-countries>

the spread of the COVID-19 pandemic¹². The crisis has impacted the ability of educational migrants who self-finance themselves during their studies since many are often dependent on student jobs. The global effect of this pandemic on the ability of a student's family in the country of origin to support their wards may also have experienced a negative impact. Therefore, this to some extent increases the financial burden of governments (from both origin and destination countries) in ensuring the wellbeing of students to the degree of the country's capacity¹³.

Conversely, France has established an annual legal working duration to increase full-time equivalent from 60 to 80 % for foreign students legally and currently living in France as of 16th March 2020 until the re-opening face-to-face studies.

Migration by education effect on economic growth at post-Covid-19 pandemic

To ensure the continuity of education despite the lock-down, higher education institutions have sought to use technology and offer virtual/online classes and learning experiences as a substitute for in-class time. Beyond the transactional learning experience, students are also losing out on other benefits of international mobility such as international exposure, access to a foreign job market, and networking¹⁴. With an emphasis on the widely accepted digitalised way of learning, the authors assumed that most third-countries or transitioning countries would strengthen their policies to make domestic education more attractive, advanced, resourced, and effective. These can convert some potentials to outputs in full capacity, which tend to enhance economies of scale [Ionescu, Polgreen 2009]. When these happen, human migration by education will reduce holding some factors constant while migration of digitalised knowledge increases. With a second scenario, the post-Covid-19 will call for more attractive (on a precondition that a vaccine is found) policies and higher economic incentives by the developed economies to pull innovative minded and skilled educational migrants at all levels from the developing countries. This incentive, to some extent, will intensify 'the competitive war for human capital' in the long run. Based on this, the authors assumed that the repercussion of these anticipated pull-policies might lead to a more extended stay of educational migrants in host countries. This intervention would tend to reduce the number of returnees, and in a way, promote the likelihood of unequal compensations through remittances. There will be a deficit in the labour market since some of the revision of countries immigration policies was to attract

¹² UNESCO (2020). *COVID-19 Educational Disruption and Response*. UNESCO website. Retrieved October 29, 2020, from <https://en.unesco.org/covid19/educationresponse>

¹³ EMN/OECD (2020). *Impact of COVID-19 on international students in the EU and the OECD Member States – EMN-OECD Inform*. Brussels: European Migration Network. Retrieved November 17, 2020, from https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/00_eu_inform2_students_final_en.pdf

¹⁴ OECD (2020). "What is the profile of internationally mobile students?" In *Education at a Glance 2020: OECD Indicators*. OECD Publishing, Paris. Retrieved November 17, 2020, from <https://doi.org/10.1787/974729f4-en>

skilled migrants to contribute to innovation, production and complement the working class of the population pyramid¹⁵. Again, a decrease in the share of educational migrants may have austere repercussions on the funding model of some advanced level of education institutions. The reason is that foreign students often pay higher tuition fees than domestic ones as the case of Czechia, Austria, Sweden, the Netherlands, Hungary, France, and Norway¹⁶.

Educational migrants and social development

In simultaneity with the cognitive process of globalisation, the generic trend towards more freely circulating goods, services, and capital together with more open labour markets, has encouraged increased trade in educational provision [Adnett 2010]. The authors, therefore, looked at how migration by education had affected social development before the Covid-19 pandemic since there was insufficient literature categorically on social development and migration by education during and post-covid-19 pandemic. As argued by [Mechtenberg, Strausz 2008], internationalisation could also boost the productivity of the economy due to the cultural experience that students obtain in foreign education. Parallel to this [Trooboff et al. 2007] posit that enterprises with an estimated international experience of less than 25 % of sales abroad see international education as of less importance. Still, on the contrary, multinational companies even explicitly prefer international students based on diversity and multicultural value offering. This heterogeneity means that schooling abroad also increases cultural intelligence, experiences, and language competencies as evident in a survey of EU students studying in the United Kingdom [West 2000]. The subjective confidence and structural control parameters of international studies have both direct and indirect effect on social development. This effect assumed that the degree of one's attitude to pursue foreign studies, informs their planned behaviour, intentions, and studies outcome [Petzold, Peter 2015]. In this view, the next section of this paper considers both the geographical and the contextual impacts emanating from political transformation.

Political transformation in Europe

Across the globe, transitions in countries are made to improve the economic system where politics would be restricted. Notwithstanding, political reasons have been pivotal from the early stages and for subsequent development.

Recently, the migration trend across Europe has been characterised by a large number of people, mainly asylum seekers, refugees, job migrants and students. This

¹⁵ OECD (2019). *Benchmarking Higher Education System Performance*. Higher Education, Publishing, Paris. Retrieved November 17, 2020, from <https://dx.doi.org/10.1787/be5514d7-en>

¹⁶ OECD (2020). "What is the profile of internationally mobile students?" In *Education at a Glance 2020: OECD Indicators*. OECD Publishing, Paris. Retrieved November 17, 2020, from <https://doi.org/10.1787/974729f4-en>

situation has attracted opposing views and sentiments towards foreigners across the region in these recent years. Evidentially, immigration is seen as a fundamental reason for the rise of populist parties in these countries sparking a new dimension of political transition in these wealthy and advanced democracies [Halla et al. 2017; Kaufman 2017; Otto and Steinhardt 2014; Arzheimer 2009]. Many researchers have argued that aspect of immigration is the key influential factor for the rise of the transformation process across countries yet, other scholarly works have sided differently with this notion. They argue that although immigration maybe the main causal effect, other factors such as economic, cultural and other social dimensions linked with migration provides a strong basis on which these populist movements takes it roots for political agenda [Shehaj et al. 2019; Arzheimer 2009]. In this section, the authors examine several key indicators which have influenced the political transformation in the modern politics of Europe.

Immigration and right-wing parties

Across Europe, immigration is seen, as the significant influence of the rise of populist movements [Brubaker 2020; Shehaj et al. 2019; Dennison, Geddes 2019; Swain 2019; Grindheim 2019]. The recent transformation in the political process has been charged by an anti-immigration socio-political mobilisation equating it to the perception of native culture and norm being hampered in the present and future years. According to [Swain 2019], the projected influence against migrants brings negative sentiment has breed nationalism among host societies. Perhaps, party leaders try to avoid racial discrimination but rather push forward the phrase nativism. Well, notwithstanding how it is paraphrased, this use of native culture ideology has brought problems on integration in different countries. The [IOM 2020]¹⁷ report stated that the effort made for the acceptance and willingness of governments to cooperate among themselves and improve international migration has a considerable uncertainty about interconnectivity due to instability, demographic changes, climate altercations, political changes and decline in bilateral relations.

Presently, anti-immigration political mobilisation has taken the forefront, and populist parties and nationalistic agendas are rising rapidly throughout Europe. Most Populist Party leadership have used immigration as a tool to channel their message across board influencing voting patterns [Dennison, Geddes 2019], explained that most right-leaning populist parties in Europe possess similar characteristics in their political discourse. They criticise societal elites, particularly, on what they see as an integrated and anti-popular political elite; representation claims of ‘the people’ versus ‘the elite’; protectionist and hostile to immigration; critical of minority politics; use rhetorical arguments which are at times extraordinarily value-laden and biased. They most often blame someone else for popular misery; nationally minded and willing to use nationalistic rhetoric and

¹⁷ World Migration Report 2020. (2019). ISSN: 1561–5502. Retrieved from <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2020>

propaganda to win votes; and are against the European Union and their country's membership of the EU, C. Mudde argues¹⁸.

The populist backlash has emerged as an alarming trend shaping transformation process across the developed world in recent years. Examining the conditions under which immigration becomes especially important for populist parties is key to allow us to ascertain the transformation system. Several pieces of literature have identified and explained vividly, important factors that shape the connection between populism and migration. The authors review these works by analysing ways in which Populist Party's success hinges on immigrants and host citizen's countries in relation to economic reasons and cultural dimension.

Economic factor

The fear and anxiety of losing one's job coupled with the competitive nature in the labour market was an actual condition of the elevation of populism in several parts of Europe from 2013–2015. As argued by [Shehaj et al. 2019], the movements of people from a lower region to a higher-class society pushes psychological constraint on natives on the point of being pushed away from employment opportunities. Here, inexperience and low skilled citizens in host countries get enraged about the prospect of competition in job positions, especially in crunch economic times [Shehaj et al. 2019; Golder 2003]. Interestingly, the grievances take a different turn when immigrants are political mobilized. Researches done across some part of Europe confirmed that most far-right political leaders use the basis of economic benefits against immigration to induce mostly young voters, low-educated and either unemployed or into manual labourer [Shehaj et al. 2019; Arzheimer 2009; Givens 2007].

According to [Peri 2013], evidence from the analysis of capital expenditure and savings of host members proofed that there was no reduction in wages throughout high immigration periods, notwithstanding the growing sense of insecurity in foreign migrants. Again, low skilled host country workers in the labour-intensive market create high anxiety than those in high skilled labour [Shehaj et al. 2019], examined that, in a scenario that migrants have manual labour skills, they are easily attracted to jobs of manual nature and don't necessarily care about wages in the short-run, which makes it more competitive for native workers in same sectors. This condition directly influences right-wing parties' exploitation tactics of using economic grievances to lure native workers and amass political support.

Cultural dimension

According to [Turner, Brown, Tajfel 1979], the theory of social identity best explains the influence of cultural dimension with populist parties. The theoretical perspective claimed that a group of people with a particular way of life, defined identity

¹⁸ Mudde, C. (2019). The Far Right May not Have Cleaned up, but its Influence Now Dominates Europe. *The Guardian*, 28.

and traits finds it more comfortable to relate with people of similar background yet tends to differ from other sects of people with distinct identities and primarily perceive themselves as superior [Shehaj et al. 2019; Turner, Brown, Tajfel 1979].

In recent times, the influx of migrants has stipulated critical arguments of the disintegration of cultural identity and values among host societies. As indicated by [Shehaj et al. 2019], large movements' within-host territories are seen as a threat to norms that have been held for years. This has brought enormous consequences in the migration dilemma and the political transformation system across regions. More often Interest groups have this course to channel personal socio-political agenda. According to [Shehaj et al. 2019], the mere fact of fear and anger reproduces counter-reactions where populist groups chance upon to solicit political leadership positions. Here, right-wing parties use the idea of differences in identities to move nationalistic agenda to take native population votes in view of helping them to maintain their traditions. The results of this have poked issues of racial discrimination against immigrants in different countries. Again, the right-wing populist transition is further strengthened when they bridge the accord between migrants and natives, with strict adherence to nativism which promotes electoral support in communities and regional level.

Another aspect of the cultural dimension which has led to right-wing support and pushing the transformation processes in different countries is the religious beliefs of migrants [Bisin et al. 2011; Adida et al. 2010]. [Shehaj et al. 2019], stated that from 2005–2015, most immigrants who came from war and ethnic conflict communities into Europe were Muslims. They were mostly refugees from the Middle East and have strong religious identities different from the practice in Europe. Evidence shows that these group of people face labour market problems, economic inequalities, and social maltreatments due to their Islamic identities. The findings from the research showed that right-wing parties within the period capitalized on this as a political discourse to amass support from the native populace who perceive it as a threat to their norms and religious values. The point relates to cultural disintegration using religious practices which are radical and oppressive.

Will populist movement in Europe influence educational immigration?

To put it in simple terms, scholarly work of [Grindheim 2019] highlights the idea that populist movement in Europe doesn't strictly align to immigrant numbers but the rhetoric of immigration which exploits pre-existing social and economic inequalities and further creates fear and anger. There is no means we can denounce the dynamics of immigration in this rising populist parties. Yet, it is inconclusive to make it categorically a static medium which manifests this political ideology as there are other important connected factors. In this section, the authors review an important emerging force that is perceived to shape populist motives on educational migrants in post-pandemic Europe. Although, this theme has been touched-on in several scholarly works, its link to populism and how it can influence educational

migration in subsequent years has been underestimated. It is therefore imperative to have a critical look, as a basis for further policy action.

Globalisation

In some respects, globalisation is synonymous to internationalisation. He described globalisation as growing interconnectedness and interdependence of people and institutions throughout the world. It shows the influence of a world-based agenda over the local community. More comprehensive acquisition of knowledge and skills spread from education and as well as the dynamism of culture norms at different facets of society and its consequences of broadly available employment opportunities constitute the largest share of the globalisation process.

Global interdependency versus populist movement

The populist movements across Europe have stated their dissatisfaction against globalization in numerous channels categorically. Their arguments to globalisation have always been clear as a means of the unacceptability of social inequality, authoritarian regime, and breakdown of native culture. Right-wing parties in Europe have debated against the legal bindings of supranational entities and their ability to regulate systems to favour a global agenda. They are critical in preferences of jobs which must be competed for among people, prospects for goods and services which must be shared and even resource distribution paths. Among populist activist in other countries, there is a notion that the regional body (European Union) put many efforts in supporting foreign interests in trade, security, education at the expense of local communities [Rizvi 2019].

Interestingly, most right-wing populist seems to side with some aspects of globalisation. Yet their dis-contention arises from the basis of the massive inflow of immigrants across its borders which turn to fuel cultural disintegration and economic inequality. As indicated by [Rizvi 2019], there is a sense of major threat to their livelihood conditions such as job, political leadership, culture integration etc. When these migrants are resettled within their premises. This new breed of the population tends to diversify their ways of traditions and religious beliefs in the long run.

Over the years, the populist parties have used this medium to mobilise political power, without formalized political approach but rather inconsistent ideas characterised by fear, emotions and panic stories to make enemies and have their political will achieved [Rizvi 2019]. Modern populist groups have argued that globalisation has lost its focus as it hasn't only allowed a free flow of capital but also people without proper assessment through borders, which has intensified negative sentiments against refugees, migrants' workers etc. There is an assumption they state that livelihood conditions among member states will be reinstated when border controls are tightened or blocked eventually. The instance of security threats has been used against minorities from certain third countries who are tagged with

different religious and ethnic beliefs. They bodily refuse the principles and ideologies of diversity and multiculturalism that globalisation has allegedly promoted [Rizvi 2019].

Their proposed system of globalisation as described by [Smith 2010], explains that nations can be able to compete and align better when they are socially disintegrated with values, cultures, traditions which gives a vivid understanding of their personality. The point here is a clear case of Nationalism which makes a country stuck to its core political, cultural, and economic interest at the expense of others. Nationalism has been the pivot of these populist parties against globalisation in recent times, and their basis for promoting this ideology is to give them territorial powers [Smith 2010].

Educational challenges

Globalisation has been beneficial to societies across borders as it has open new ways of life and better opportunities. Contrary to that, the interconnectedness has sprung different form of negative sentiments, separatist agendas, and socio-political nationalism. Education cannot ignore politics. Assessing the political dimension that globalisation has been channelled, we seek to ask this question; Since educational institutions across Europe are culturally diverse and transnationally connected in recent years, what challenges do educational migrants face in post-pandemic Europe?

Significantly, cultural diversity poses a much difficult problem for educational institutions and international students. With the ‘new normal’, the term that is being echoed across the globe, migrants face an issue of being accommodated into practices of new regulations and norms. The assimilation and integration process of these minorities into a politically dominated populist culture poses a risk to their education. Here, the populist group will pose power of imposing various norms and practices, different from an open society views based on curtailing future pandemic risk. The authors firmly agree with the assertion made by [Rizvi 2019], about a politically motivated group who won’t allow their privileges to be infringed upon in situation of having a dominant majority power based on the similar pre-existing issue.

Furthermore, institutions will put measures to make it possible for their students to be embedded in complex transnational systems of learning and can access sources of educational information across borders of the nation. Diverse educational modules and practices are now constantly being used in different levels of education which has open the possibilities of new hybridized practices through the greater potential for intercultural communication and education [Rizvi 2019]. Contrary, to the above assertion, educational migrants would have to understand that a climate of the unknown (political-induced) has emerged in many parts of the world, and students can be asked to stay put in their home countries and study; change the mode of study from full-time face-to-face learning to the online mode of study; or even be sent home to finish up their study when the means cannot be contained.

The authors believe that this anxiety and fears in studies cannot be ignored as it will have a psychological toll on many international students in post-pandemic Europe and that member states will not be bothered by the broader opinion and debates about global interconnectivity with respect to education.

Evidentially, politics is driving communities across the continent, which has made right-wing parties to further expand their ideological propositions to be more secured. Perhaps, educational institutions have none other option but acquaint their students not only to be proactive towards social change around them but cope with the rate of the political shift operating in the region. Here, educational migrants will face a broader issue of practising different forms of ethics that might be complex, specific, contingent, uncertain, and diverse from their origin. Issues will be a transnational and involved political dimension that must be tackled differently from previously existing norms. Students must understand and comply with the severity and consequences of the profound changes that they and their communities will be experiencing. Moreover, the knowledge acquisition that they will seek might no longer assume universal norms and rules, not because of the institutional arrangement but due to political inclination. The relevance of education has the means of empowering specific action in global politics, and this includes both intra-transformation and the inter-transformation with others [Rizvi 2019].

Findings and conclusion

The modern transformation in the political process in Europe has been charged by an anti-immigration socio-political mobilization equating it to the perception of native culture and norm being hampered in the present and future years. However, this does not fit the current measure and description of this phenomenon and how this can influence educational migration in subsequent years. The authors review these works by analyzing ways in which Populist Party's success hinges on immigrants and host citizen's countries in relation to economic reasons, cultural dimension, bipartisan politics, cultural globalization, and inequality. The findings show that migrants from different socio-cultural and religious background give right-wing parties the privilege to use immigration issue to their advantage in public discourse. This new order will suggest that educational migrants should then have to understand that a climate of the unknown has emerged in many parts of the world. Based on this, students can be asked to stay put in their home countries and study, changes in the mode of study from full-time face-to-face learning to the online mode of study will be the order of the day. In extreme cases, students might go home to finish up their study, if and only if, Covid-19 pandemic penetrate through hopes of getting a vaccine coupled with issues arising from the complexities of transnationalism. On the contrary, the vaccine to cure the pandemic will be found, and mass educational migration perhaps might happen which in the long run will worsen inequality between host and sending countries. If this happens, educational institutions need to acquaint their students not only to be proactive towards social change around them but cope with the rate of the political shift operating in the

region. The author's expectation of future research pays attention to the political transformation process and how anti-immigration discourse will exercise control over educational institutions.

Received / Поступила в редакцию: 06.11.2020

Accepted / Принята к публикации: 12.11.2020

References / Библиографический список

- Adida, C. L., Laitin, D. D., & Valfort, M. A. (2010). Identifying barriers to muslim integration in France. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 107(52), 22384–22390.
- Adnett, N. (2010). The growth of international students and economic development: Friends or foes? *Journal of Education Policy*, 25(5), 625–637.
- Alba, R., & Nee, V. (1997a). Rethinking assimilation theory for a new era of immigration. *The International Migration Review*, 31(4), 826–874. DOI: 10.2307/2547416. Retrieved from <https://www.jstor.org/stable/2547416>.
- Alba, R., Logan, J., & Crowder, K. (1997b). White ethnic neighbourhoods and assimilation: The Greater New York Region, 1980–1990. *Social Forces*, 75, 883.
- Arnett, J. (2002). The psychology of globalisation. *American Psychologist*, 57, 774–783.
- Arzheimer, K. (2009). Contextual factors and the extreme vote in Western Europe, 1980–2002. *American Journal of Political Science*, 53(2), 259–275.
- Bergerhoff, J., Borghans, L., Seegers, P., & Van Veen, T. (2013). *International Education and Economic Growth*. Institut zur Zukunft der Arbeit/Institute for the Study of labour, Bonn, Germany.
- Bisin, A., & Verdier, T. (2011). The economics of cultural transmission and socialization. In *Handbook of social economics North-Holland*. 1, 339–416.
- Brubaker, R. (2020). Populism and nationalism. *Nations and Nationalism*, 26(1), 44–66.
- Chellaraj, G., Maskus, K., & Mattoo, A. (2008). The contribution of international graduate students to US innovation. *Review of International Economics*, 16(3), 444–62.
- Chiswick, B., & Miller, P. (2009). *Educational Mismatch: Are High-Skilled Immigrants Really Working at High-Skilled Jobs and the Price They Pay if They Aren't?* Bonn: Institute for the Study of labour. IZA Discussion Paper, 4280.
- Daun, H. (2001). *Educational Restructuring in the Context of Globalization and National Policy*. New York: Garland.
- Daun, H. (2001). *Educational Restructuring in the Context of Globalization and National Policy*. New York: Garland.
- Dennison, J., & Geddes, A. (2019). A rising tide? The salience of immigration and the rise of anti-immigration political parties in Western Europe. *The Political Quarterly*, 90(1), 107–116.
- Givens, T. E. (2007). Immigrant integration in Europe: Empirical research. *Annu. Rev. Polit. Sci.*, 10, 67–83.
- Golder, M. (2003). Explaining variation in the success of extreme right parties in Western Europe. *Comparative Political Studies*, 36(4), 432–466.
- Grindheim, J. E. (2019). Why right-leaning populism has grown in the most advanced liberal democracies of Europe. *The Political Quarterly*, 90(4), 757–771.
- Haas, D., Hein, S. C., & Mark, J. M. (2014). *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. 5th ed. Hampshire, UK: Palgrave Macmillan.
- Halla, M., Wagner, A. F., & Zweimüller, J. (2017). Immigration and voting for the far right. *Journal of the European Economic Association*, 15(6), 1341–1385.
- Ionescu, F., & Polgreen, L. (2009). A theory of brain gains and public funding for higher education in the United States. *American Economic Review*, 99(2), 517–521.
- Kaufman, E. (2017). Levels or changes? Ethnic context, immigration and the UK Independence Party vote. *Electoral Studies*, 48, 57–69.
- MacGregor, K. (2013). *EUROPE Report Overviews: International Students in Europe*, 266.

- Marginson, S. (2006). Dynamics of national and global competition in higher education. *Higher Education*, 52, 1–39.
- Mechtenberg, L., & Strausz, R. (2008). The Bologna process: How students mobility affects multi-cultural skills and educational quality, *International Tax and Public Finance*, 15, 109–130.
- Otto, A. H., & Steinhardt, M. F. (2014). Immigration and election outcomes: Evidence from city districts in Hamburg. *Regional Science and Urban Economics*, 45, 67–79
- Park, R. E. (1930). Assimilation, Social. In *Encyclopedia of the Social Sciences*. Ed. E. Seligman and A. Johnson. New York: Macmillan.
- Peri, G. (2013). Immigration, native poverty, and the labor market. In D. Card. & S. Raphael (Eds.), *Immigration, Poverty, and Socioeconomic Inequality. The National Poverty Center Series on Poverty and Public Policy*. New York: Russell Sage Foundation (pp. 29–59).
- Petzold, K., & Peter, T. (2015). The social norm to study abroad: Determinants and effects. *Higher education*, 69(6), 885–900.
- Rizvi, F. (2019). Global interconnectivity and its ethical challenges in education. *Asia Pacific Education Review*, 20(2), 315–326.
- Rostovskaya, T. K., Skorobogatova, V. I., Pismennaya, E. E., & Bezverbnny, V. A. (2020). Incoming and outgoing academic mobility in Russia and abroad: Main trends, administrative challenges. *International Journal of Sociology and Social Policy*. Vol. ahead-of-print No. ahead-of-print. DOI: 10.1108/IJSSP-03-2020-009188
- Shehaj, A., Shin, A. J., & Inglehart, R. (2019). Immigration and right-wing populism: An origin story. *Party Politics*, 1354068819849888.
- Shibutani, T., & Kwan, K. (1965). *Ethnic Stratification*. New York: Macmillan.
- Smith, A. (2010). *Nationalism: Theory, ideology, history*. Cambridge: Polity Press.
- Swain, A. (2019). *A Paper Prepared for the Development Policy Analysis Division of the United Nations, Department of Economics and Social Affairs*, June 2019. Retrieved from https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/publication/SDO_BP_Swain.pdf
- Trooboff, S., Berg, M. V., & Rayman, J. (2007). Employer attitudes toward study abroad. *Frontiers: The Interdisciplinary Journal of Study Abroad*, 15(1), 17–34.
- Turner, J. C., Brown, R. J., & Tajfel, H. (1979). Social comparison and group interest in ingroup favoritism. *European Journal of Social Psychology*, 9(2), 187–204.
- Turner, J. C., Brown, R. J., & Tajfel, H. (1979). Social comparison and group interest in ingroup favoritism. *European Journal of Social Psychology*, 9(2), 187–204.
- West, A. (2000). *Reasons for Studying Abroad: A Survey of EU Students Studying in the UK*, Education-line, Edinburgh.
- Wirén, E. (2013). *Migrants in Education – What Factors are Important?* Publications Office of the European Union. DOI: 10.2788/78189

About the authors:

Abrokwa Godfred Ohemeng – PhD (Candidate) in Political Science, Department of Comparative Political Science, People’s Friendship University Russia (e-mail: 1042205062@pfur.ru) (ORCID ID: 0000-0002-7344-5698).

Donkor Emmanuel – PhD (Candidate) in Migration and Urban Studies, Department of Social Geography and Regional Development, Charles University, Czech Republic (e-mail: donkore@natur.cuni.cz) (ORCID ID: 0000-0002-5000-7839).

Сведения об авторах:

Аброква Годфред Охеменг – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1042205062@pfur.ru) (ORCID ID: 0000-0002-7344-5698).

Донкор Эммануэль – аспирант кафедры социальной географии и регионального развития Карлова университета (e-mail: donkore@natur.cuni.cz) (ORCID ID: 0000-0002-5000-7839).

МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИКЕ: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

YOUTH IN POLITICS: A REGIONAL DIMENSION

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-159-171

Научная статья / Research article

Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края)¹

И.В. Самаркина, И.С. Башмаков

Кубанский государственный университет,
Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию локальной идентичности городской молодежи, которая проявляется в повседневном взаимодействии с городским сообществом, его социально-политическими институтами, приезжими и влияет на уровень общественно-политического участия, наличие конструктивных гражданских практик. Целью является выявление и описание основных компонентов и места локальной (городской) идентичности молодежи в системе социальных идентичностей на примере крупных и средних городов Краснодарского края (Краснодар, Новороссийск, Сочи и Армавир). Эмпирическую базу исследования составили стенограммы фокус-групп, проведенных с различными группами молодежи (школьниками, студентами и работающей молодежью). Для верификации концептуальной модели также применялся модифицированный вариант методики Куна–Макпартленда. На основе проведенного эмпирического исследования выявлено место локальной идентичности в системе социальных и территориальных идентичностей городской молодежи; показана зависимость размера города и когорты молодежи с локальной идентичностью. Определены такие компоненты локальной идентичности молодежи, как осведомленность о городе и его социально-политической жизни, отношение к представителям других сообществ, ощущение своей причастности к жизни в городе, стремление остаться и жить в городе, желание работать на благо города, участвовать в его общественно-политической жизни. Исследование позволило выявить валентность идентичности молодежи (негативную, нейтральную, позитивную). Описаны траектории пространственной мобильности молодежи, влияющие на степень актуализации и валентность локальной идентичности. Установлена зависимость степени актуализации локальной идентичности молодежи от участия в общественной и политической активности на благо города и региона, участия в деятельности общественных и политических организаций.

© Самаркина И.В., Башмаков И.С., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Ключевые слова: субъективное пространство политики, локальная идентичность, городская идентичность, социальная идентичность, социально-политические практики, молодежь

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научного проекта № 19-411-235002 «Локальная идентичность как ресурс вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Краснодарского края)».

Для цитирования: Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 159–171. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-159-171

Key Identity Features of Urban Youth: The Case of Krasnodar Krai

I.V. Samarkina, I.S. Bashmakov

Kuban State University,
Krasnodar, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the study of urban youth local identity in a large and medium city. This identity is manifested in everyday interaction with the urban community, its socio-political institutions and visitors and affect the level of public and political participation, the presence of constructive civic practices. The aim is to identify and describe the main components and place of local youth identity in the system of social identities in large and medium-sized cities of Krasnodar krai (Krasnodar, Novorossiysk, Sochi and Armavir). The empirical basis of the study was made up of focus group transcripts conducted with various groups of young people (schoolchildren, students, and working youth). To verify the conceptual model a modified version of the Kuhn-McPartland method was used. On the basis of the conducted empirical research, the place of local identity in the system of urban youth social and territorial identities was revealed. The dependence between the size of a city and a cohort of young people and a local identity was shown. Such components of young people local identity as awareness of the city and its socio-political life, attitude towards representatives of other communities, a sense of their involvement in city life, the desire to stay and live in the city, the will to work for the benefit of the city, to participate in its socio-political life. The study made it possible to identify the valence of youth identity (negative, neutral, positive). The trajectories of young people spatial mobility that affect the degree of actualization and valence of local identity were also described. The dependence between the strength of youth local identity and participation in public and political activity for the benefit of the city and the region, participation in the activities of public and political organizations has been revealed.

Keywords: subjective space of politics, local identity, urban identity, social identity, socio-political practices, youth

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and administration of Krasnodar Territory, project number 19-411-235002 “Local identity as a resource for the involvement of youth of a big and large city in constructive socio-political practices (based on materials from the Krasnodar Territory)”.

For citation: Samarkina, I.V. & Bashmakov, I.S. (2021). Key Identity features of urban youth: The case of Krasnodar Krai. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 159–171. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-159-171

Введение

Молодежь отличается от остальных возрастных групп в плане восприятия окружающего мира, а также самих себя и обладает особенностями самосознания, представляя большой интерес для исследований в области идентичности. Большинство работ, посвященных различным уровням территориальной идентичности, не учитывают разницу между половозрастными, профессиональными, классовыми группами. Свою специфику имеет идентичность городской молодежи, проявляющаяся в повседневном взаимодействии с городским сообществом, его социально-политическими институтами, приезжими и влияющая на уровень общественно-политического участия, наличие конструктивных гражданских практик.

Целью работы является выявление и описание компонентов и места локальной идентичности молодежи в системе социальных идентичностей. В статье приводятся результаты, полученные в рамках коллективного исследования, посвященного локальной идентичности как ресурсу вовлеченности молодежи большого и крупного города в конструктивные социально-политические практики (на материалах Армавира, Новороссийска, Сочи и Краснодара).

Материалы и методы

Локальная идентичность представляет собой нижний уровень территориальной идентичности. Территориальная идентичность – это степень принадлежности, приобщения и переживания, которые человек или группа испытывают к определенному месту [Seamon, Sowers 2008]. В отечественной литературе локальная идентичность определяется как низовой уровень территориально-пространственной идентификации, связанный с чувством сопричастности человека с местом его проживания и/или происхождения [Назукина 2017: 512]. Локальная идентичность как часть пирамиды социальных идентичностей человека, во многом определяющей его практики, в том числе социально-политические, рассматривается как часть субъективного пространства политики [Самаркина 2017: 380] и требует интеграции ряда теоретических подходов для создания концептуальной модели исследования.

Понятие локальной идентичности в теоретическом плане соотносится с феноменологической традицией, сдвигающей фокус анализа на то, «что происходит в головах людей», оперирующей концептом «жизненного мира» (Э. Гуссерль) и позволяющей рассмотреть локальную идентичности как часть субъективного пространства личности и как результат восприятия субъектом событий и феноменов жизненного мира. Социокультурный подход к исследованию политической реальности позволяет интегрировать анализ

макрополитических процессов и их проекции на уровень индивида и сообществ, с которыми он себя соотносит. Объяснительная модель процесса актуализации и формирования локальной идентичности как части субъективного пространства политики в условиях сетевого общества строится на основе теории сетевого общества М. Кастельса. Концепция политических изменений И. Семененко, В. Лапкина дает инструментарий анализа «человека постмодерна», представителя «общества знаний» и носителя «гибридной идентичности», который может реализовывать свою политическую субъектность в многослойном формате политики. Детализация механизма формирования локальной идентичности проведена в рамках теории социальной перцепции (К. Брунер). На процесс и результат восприятия явлений и событий жизненного мира, репрезентаций их в индивидуальном и групповом сознании влияют различные факторы, в том числе физическое (территориальное, локальное) пространство жизненного мира и, конечно, особенности субъекта восприятия – молодежи.

Такой подход позволяет нам уточнить понятия локальной идентичности городской молодежи и городской идентичности молодежи. Исследуя локальную идентичность городской молодежи, мы отвечаем на вопрос о значимом для определения человека месте. Исследование городской идентичности молодежи позволяет нам выявить совокупность смыслов, эмоциональных и ценностных значений этой группы относительно конкретного места проживания.

Локальный уровень территориальной идентичности является недостаточно концептуализированным, однако в зарубежной науке имеется ряд работ, посвященных локальной идентичности и ее отдельным аспектам. К. Линч связывает локальную идентичность с идентичностью места [Lynch 1960], Юи-Фу Туан рассматривают ее как пространство значений и смыслов для его жителей [Tuann 1977]. При этом для описания локальной идентичности используются различные термины, например понятие городской (урбанизированной) идентичности [Oktaу 2002: 261–271] или соседской идентичности (связанной с районом в городе, где живет человек) [Bonaiuto et al. 1999: 331–352]. Ю. Шао выделяет в структуре локальной идентичности физический, социальный, чувственный, исторический аспекты¹. Ж. Бессьер отмечает, что локальная идентичность формируется под влиянием наличия местного наследия и способствует местной сплоченности, росту благополучия и местному развитию [Bessière 1998: 21–34]. Я. Нижман указывает на трудности формирования местной идентичности, связанные с глобализацией, миграцией, социальной мобильностью [Nijman 2007: 176–187]. Х. Бодер обращает внимание на проблему формирования городской принадлежности, общей для коренных жителей и приезжих, одним из способов решения которой может стать местный гражданский активизм [Bauder 2016: 252–271]. Также имеются исследования

¹ Shao Y. Local Identity Identification & Assessment the Theory, Methodology and Practice of Discovering Local Identity in Yantai, China. PhD Thesis, University of Sheffield. 2014.

локальной идентичности жителей отдельных городов [Keogan 2002: 223–253], взаимосвязи локальной идентичности и практик именованя улиц, сохранения памятников [Bass, Houghton 2018: 413] и возрождения локальных ритуалов [DiGregorio 2007: 441–465], локальной идентичности как фактора развития экономического потенциала сообщества [Rausch 2005: 122–137].

Концептуализация понятия локальной идентичности в отечественной науке отражена в работах И.Ю. Окунева [Окунев 2018: 18–25], Р.В. Евстифеева [Евстифеев 2017: 3–9], Е.В. Морозовой [Морозова, Улько 2008: 139–151]. Осмысление отдельных факторов, формирующих локальную идентичность, представлено в работах Н.Г. Федотовой [Федотова 2017: 32–49], Е. Г. Довбыша [Довбыш 2012: 111–118]. Проблемы теоретического осмысления и исследования отдельных аспектов городской идентичности представлены в работах Г.В. Горновой [Горнова 2018: 43–56], Н.С. Дягилевой [Дягилева 2013: 54–59], Е.О. Евсеенковой [Евсеенкова 2014: 80–86] и др.

Существующие исследования городской идентичности молодежи российских городов демонстрируют поиск адекватных существующей проблеме эмпирических методик и ориентированы преимущественно на количественные методы. О.И. Муравьева, С.А. Литвина, О.В. Кружкова и С.А. Богомаз, исследуя идентификацию молодежи в шести российских городах, выделили три вида структуры городской идентичности, отражающие различные параметры «шкалы идентификации с городом» М. Лалли (M. Lalli): «внешняя ценность», «общая привязанность», «связь с прошлым» и «восприятие близости» [Муравьева, Литвина, Кружкова, Богомаз 2017: 63–80]. Количественное исследование, в котором были опрошено более 1700 респондентов, позволило выявить те части жизненного мира молодежи, которые стали основаниями для идентификации с городом, и время, необходимое для формирования чувства сопричастности с городским пространством. Е.В. Недосека и Т.В. Ануфриева [Недосека, Ануфриева, 2015: 22–31] в массовом исследовании локальной идентичности г. Мурманска также используют метод массового опроса, акцентируя внимания на позитивных и негативных факторах, влияющих на восприятие города студентами двух вузов. Вместе с тем для ответов на исследовательские вопросы, обусловленные актуальными вызовами настоящего времени, требуется комплексная методика, сочетающая качественную и количественную стратегии исследования, но все же преимущественно ориентированная на выявление пока не понятных содержательных лакун.

Эмпирическую базу исследования составили стенограммы 16 фокус-групп, проведенных в марте-апреле 2020 г. с различными группами молодежи (школьниками, студентами и работающей молодежью). Для исследования места локальной идентичности в системе социальных идентичностей молодежи был использован модифицированный вариант методики Куна–Макпартленда.

Участникам фокус-групп предлагалось дать десять ответов на вопрос *кто Я?*, продолжив фразу *Я – это* в порядке убывания значимости. После обсуждения результатов модератор конкретизировал задание и просил участников

фокус-группы определить свою пространственную принадлежность, назвав три наиболее значимые территориальные идентичности. Первая часть методики (интерпретируемая в контексте материалов фокус-групповой дискуссии) нацелена на выявление актуальных социальных ролей (в иерархии социальных идентичностей), а вторая часть методики – на описание системы и иерархии территориальных идентичностей.

Результаты

Результаты исследования показывают, что территориальная принадлежность (гражданско-государственная, региональная, локальная) не входит в топ системы социальных идентичностей городской молодежи. Так, среди студентов и работающей молодежи в городе Армавире в иерархии социальных идентичностей городская принадлежность практически отсутствует. Более распространены варианты, связанные со страной в целом («гражданин, гражданка России», «патриот» или просто «Родина»). Полученные результаты свидетельствуют о том, что среди социальных идентичностей территориальные не имеют большого распространения. Молодежь ассоциирует себя с другими значимыми социальными ролями, связанными с семьей, профессией, хобби.

Территория, как идентификационный символ, становится важной лишь в случае возникновения дополнительных ассоциаций, создающих контекст для актуализации территориальной идентичности. Например, встречались ответы респондентов, связанные с любовью к родине («я – патриот своей страны»), гражданской ответственностью («я – ответственный гражданин страны»), общественной активностью с указанием конкретной территории или без него («я – активист родного города»). Анализ стенограмм фокус-групп позволяет высказать предположение о наличии аксиологического, ценностного механизма актуализации территориальных идентичностей всех уровней – от макроуровня до локальной идентичности.

Ситуация меняется в случае, если молодым людям задают вопрос о *месте*, которое имеет для них большее значение, к которому они привязаны. В этом случае локальная территория имеет важное значение, всегда упоминается, занимая, как правило, вторую или третью позиции в иерархии ответов участников исследования.

Выявлена связь между размером города и значимостью его для молодежи (место в системе территориальных идентичностей): чем меньше город, тем более значимым он является для проживающих в нем молодых людей. В нашем исследовании эта закономерность ярко продемонстрирована на примере Новороссийска (численность населения – 338 798 чел.). В ответах молодых людей из этого города на первом месте принадлежность к месту проживания встречается 18 раз (из них 16 раз соотносится с Новороссийском), на втором месте семь раз (из них пять – Новороссийск), на третьем 12 раз (из них

шесть – Новороссийск). В группе школьников локальная принадлежность отмечена в 37 ответах (Новороссийск и его районы встречаются 27 раз, то есть практически у всех 29 опрошенных), что является высоким показателем. По сравнению с ней гражданская идентичность встречается 17 раз, региональная – восемь раз, принадлежность к югу России – два раза. Очень похожая картина описана в Армавире (численность населения – 208 816 чел.). Прямо противоположная ситуация в Краснодаре (численность населения – 1 022 028 чел.). В столице Кубани молодежь реже всего упоминает город как в общей иерархии идентичности, так и в иерархии собственно территориальных принадлежностей.

Значимость локальной идентичности в системе социальных идентичностей максимальна для самой младшей возрастной группы молодежи (школьников) и минимальна для самой мобильной группы молодежи (студентов). Эта закономерность выявлена во всех исследуемых городах, кроме Краснодара. Для школьников Сочи, Новороссийска и Армавира непосредственное место проживания (город или его район) в качестве идентификационного ориентира является более распространенным, чем для других категорий молодежи. Даже в более крупном по сравнению с Новороссийском и Армавиром городе – Сочи (численность населения – 524 023 чел.) в иерархии территориальных принадлежностей у школьников преобладает сочинская или иная локальная идентичность (10 упоминаний), а не общероссийская гражданская (четыре раза) или региональная (0 ответов). Причем ответы, связанные с Сочи как местом идентификации, идут на первом и втором местах в иерархии.

Школьники Краснодара, напротив, реже всего называли территорию как основу для принадлежности. При этом упоминалась только принадлежность к стране. Также они редко упоминали Краснодар и в иерархии территориальных принадлежностей. На первом месте – общероссийская идентичность (пять упоминаний), только дважды упоминается город и его районы. Вторую позицию занимают также два варианта, связанных со страной или национальностью, два упоминания региона, а также два раза упоминается город. Лишь на третьем месте в иерархии локальная принадлежность у школьников встречается чаще (три упоминания).

Большой космополитизм (идентификация со страной, гипотетическим местом или миром в целом) характерен для студенчества во всех городах, как самой мобильной группы молодежи, в связи с предыдущим переездом на новое место учебы или будущими карьерными устремлениями в других городах и странах. Объектами пространственной идентификации студенческой молодежи выступают: мир в целом, города и места, где хотелось бы жить или бывать (Нью-Йорк, Калифорния и др.). В группе студентов гражданско-территориальные, национальные или локальные принадлежности менее выражены по сравнению со школьниками и работающей молодежью.

Промежуточное положение среди возрастных когорт молодежи занимает работающая молодежь. Некоторые вариации наблюдались в ходе исследования

в разных городах. Например, для работающей молодежи Новороссийска более характерна гражданская принадлежность (четыре ответа из шести) и принадлежность к миру в целом (три раза). В Сочи, напротив, локальная принадлежность чаще упоминается в ответах работающей молодежи, которая встречается даже в общей иерархии социальных принадлежностей (всего четыре упоминания, что больше ответов, связанных с другими территориальными принадлежностями).

Обсуждение

Исследование позволило выявить и дифференцировать содержательные составляющие локальной идентичности городской молодежи, выделить ее когнитивные, аффективные (эмоциональные) и поведенческие аспекты (осведомленность о городе и его социально-политической жизни, отношение к представителям других сообществ, ощущение своей причастности к жизни в городе, стремление остаться и жить в городе, желание работать на благо города, участвовать в его общественно-политической жизни).

Вовлеченность в локальные практики, городские проекты актуализирует локальную идентичность. Краснодарские школьники – участники исследования (в большинстве своем не являющиеся активистами, не вовлеченные в подобные практики) – отличались от своих сверстников из других городов меньшим интересом к общественно-политическим событиям города, его истории, культуре и природе.

Напротив, вовлеченность в реальные практики актуализирует не только субъектную позицию участников, но и чувство сопричастности месту и людям, для которых делаются добрые дела: *«Ты вдруг начинаешь понимать, что радостные лица, эмоции и хорошее настроение многих десятков людей вокруг тебя – детей, молодежи, взрослых – это благодаря тому, что сделали мы!»* (Армавир, школьники).

Особенностью восприятия Других городской молодежью Краснодарского края является то, что Другими выступают приезжие, соответственно отношение к ним оказалось достаточно сдержанным (за исключением небольшого Армавира). Например, для Новороссийска, как крупного портового, привлекательного для туристов города, характерно более критическое или даже негативное отношение к приезжим: *«Мне кажется, к туристам относятся двояко, потому что некоторые люди зарабатывают на этом, но все равно слышны высказывания в адрес приезжих, что типа приехали, много народу летом* (Новороссийск, студенты).

Исследование позволило нам выявить преобладающий эмоционально-оценочный фон идентификационных характеристик, валентность идентичности (негативную, нейтральную, позитивную). Положительное отношение к своему городу, ощущение причастности к городской жизни наблюдается практически во всех городах и возрастных группах молодежи: *«Даже в принципе, если ты приезжаешь сюда на 5 дней, не можешь себя чувствовать*

чужим. Здесь сам город очень принимает и располагает» (Сочи, работающая молодежь). Важным фактором социализации в новой среде является, по мнению молодежи, именно общественная активность: *«Я не сразу чувствовала себя нужной, своей, пока не начала заниматься чем-то полезным... И когда принадлежишь к какой-то группе и делаешь что-то полезное, ты чувствуешь, что нужен. И чувствуешь себя своим, в своей тарелке, частью этого города»* (Сочи, студенческая молодежь).

На материалах фокус-групп мы выявили траектории пространственной мобильности молодежи, содержащие различные пространственные комбинации трех ключевых точек, соответствующих основным потребностям, задачам, которые молодежь решает на этом жизненном этапе: получение общего образования в школе, получение профессионального образования в вузе/ссузе, вузе, трудоустройство.

Первая траектория предполагает реализацию каждого из перечисленных шагов в новом пространственном окружении (два переезда: из сельского или городского муниципалитета в другой город для получения профессионального образования, а затем – в более крупный город для трудоустройства): *«...Сочи какой-то тихий, размеренный город. Просто вот эта курортная жизнь, мне она не нравится. Да и образование, если оно не связано с туризмом и курортами, нужно получать не здесь. Поэтому, наверное, Краснодар, а потом – Москва»* (Сочи, школьники).

Во второй траектории старт и получение профессионального образования происходят в одном пространстве, а затем молодой человек планирует переезд в другой (более крупный город) для поиска работы: *«Для меня Новороссийск – город маленький, поэтому для работы хочу переехать ...Питер, Москва»* (Новороссийск, студенты).

В рамках третьей траектории молодой человек переезжает из города в более крупный город для получения образования, а затем возвращается в родной город для трудоустройства.

Четвертая траектория не предполагает пространственного перемещения (общее образование, профессиональное образование и трудоустройство в одном городе): *«В Армавире можно оставаться хоть на всю жизнь»* (Армавир, студенты).

Заключение

Локальная идентичность представляет собой компонент субъективного пространства политики, входящий в систему социальных идентичностей и выступающий основанием для формирования иных уровней и видов идентичностей.

Территориальная принадлежность не является одной из самых значимых для молодежи, если речь идет о всех социальных ролях, что подтверждается редкой встречаемостью географического места как основы для идентификации в целом, а также локального сообщества в частности.

Исследование показывает, что чем меньше город, тем более значимым он является для проживающих в нем молодых людей. В столице Кубани молодежь реже всего упоминала город как в общей иерархии идентичности, так и в иерархии собственно территориальных принадлежностей.

Для школьников (за исключением Краснодара) непосредственное место проживания (город или его район) в качестве идентификационного ориентира является более частым, чем для других категорий молодежи. Напротив, больший космополитизм (идентификация со страной, гипотетическим местом или миром в целом) характерен для студенчества во всех городах.

Исследование позволило выявить валентность идентичности молодежи (негативную, нейтральную, позитивную). Положительное отношение к своему городу, ощущение причастности к городской жизни наблюдается практически во всех городах и возрастных группах молодежи.

У представителей молодежи, которые задействованы в общественной и политической активности на благо города и региона, участвуют в деятельности общественных и политических организаций в ходе проведенных исследований был выявлен более высокий уровень знаний о том, что происходит в городе, позитивная ориентация на деятельность на благо города и стремление остаться или вернуться жить в городе даже после обучения или карьерного роста в других городах.

Поступила в редакцию / Received: 20.10.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Горнова Г. В. Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 3 (17). С. 43–56. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-43-56
- Довбыш Е. Г. Сетевые технологии формирования городской идентичности // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 4. С. 111–118.
- Дягилева Н. С. Теоретические аспекты городской идентичности // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы / под ред. А. М. Бритвина. Екатеринбург: УрФУ, 2013. С. 54–59.
- Евсеев Е. О. Модальность городской идентичности // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. 2014. № 5. С. 80–86.
- Евстифеев Р. В. Исследования локальных идентичностей: теоретические подходы и перспективные направления // Научный результат. Социология и управление. 2017. № 2. С. 3–9. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-2-3-9
- Морозова Е. В., Улько Е. В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политическая экспертиза: Политэкс. 2008. № 4. С. 139–151.
- Муравьева О. И., Литвина С. А., Кружкова О. В., Богомаз С. А. Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 63–80.
- Назукина М. В. Локальная идентичность // Идентичность: Личность. Общество. Политика: энциклопедическое издание / под ред. И. С. Семенов. Москва: Весь Мир. 2017. С. 512–516.

- Недосека Е. В., Ануфриева Т. В. Особенности городской идентичности молодежи г. Мурманска // *Социология города*. 2015. № 3. С. 22–31.
- Окунев И. Ю. Территориальная и пространственная идентичность: концептуализация базовых понятий // *Сравнительная политика*. 2018. № 1. С. 18–25. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00002
- Самаркина И. В. Субъективное пространство политики // *Идентичность: Личность. Общество. Политика: энциклопедическое издание / под ред. И. С. Семененко*. Москва: Весь Мир, 2017. С. 380–385.
- Федотова Н. Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. № 20 (3). С. 32–49.
- Bass O., Houghton J. Street Names and Statues: The Identity Politics of Naming and Public Art in Contemporary Durban // *Urban Forum*. 2018. Vol. 29. No 4. P. 413.
- Bauder H. Possibilities of Urban Belonging // *Antipode*. 2016. Vol. 48. P. 252–271. DOI: 10.1111/ANTI.12174
- Bessière J. Local Development and Heritage: Traditional Food and Cuisine as Tourist Attractions in Rural Areas // *Sociologia Ruralis*. 1998. Vol. 38. No. 1. P. 21–34.
- Bonaiuto M., Aiello A., Perugini M., Bonnes M., Ercolani M. P. Multidimensional Perception of Residential Environment Quality and Neighbourhood Attachment in the Urban Environment // *Journal of Environmental Psychology*. 1999. No. 19. P. 331–352.
- DiGregorio M. Things Held in Common: Memory, Space and the Reconstitution of Community Life // *Journal of Southeast Asian Studies*. 2007. Vol. 38. P. 441–465. DOI: 10.1017/s0022463407000215
- Keogan K. A Sense of Place: The Politics of Immigration and the Symbolic Construction of Identity in Southern California and the New York Metropolitan Area // *Sociological Forum*. 2002. Vol. 17. No. 2. P. 223–253. DOI: 10.2307/3070325
- Lynch K. *The Image of the City*. Cambridge: MIT Press, 1960. 208 p.
- Nijman J. Locals, exiles and cosmopolitans: a theoretical argument about identity and place in Miami // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 2007. Vol. 98. P. 176–187.
- Oktay D. The quest for urban identity in the changing context of the city // *Cities*. 2002. Vol. 19. No. 4. P. 261–271. DOI: 10.1016/S0264-2751(02)00023-9
- Rausch A. S. Local Identity, Cultural Commodities, and Development in Rural Japan: The Potential as Viewed by Cultural Producers and Local Residents // *International Journal of Japanese Sociology*. 2005. Vol. 14. P. 122–137. DOI: 10.1111/j.1475-6781.2005.00073.x
- Seamon D., Sowers J. Place and Placelessness, Edward Relph // *Key Texts in Human Geography / P. Hubbard, R. Kitchen, G. Vallentine (eds.)*. London: Sage, 2008. P. 43–51.
- Tuan Y.-F. *Space and Place: The Perspective of Experience*. London: Edward Arnold, 1977. 235 p.

References

- Bass, O., & Houghton, J. (2018). Street names and statues: The identity politics of naming and public art in contemporary durban. *Urban Forum*, 29(4): 413.
- Bauder, H. (2016). Possibilities of urban belonging. *Antipode*, 48: 252–271. DOI: 10.1111/ANTI.12174
- Bessière, J. (1998). Local development and heritage: Traditional food and cuisine as tourist attractions in rural areas. *Sociologia Ruralis*, 38(1): 21–34.
- Bonaiuto, M., Aiello, A., Perugini, M., Bonnes, M., & Ercolani, M. P. (1999). Multidimensional perception of residential environment quality and neighbourhood attachment in the urban environment. *Journal of Environmental Psychology*, 19: 331–352.

- Diaghileva, N. S. (2013). Theoretical aspects of urban identity. In A. M. Britvin (Ed.), *Branding of Small and Mediumsized Cities in Russia: Experience, Problems, Prospects*. Yekaterinburg: UrFU (pp. 54–59). (In Russian).
- DiGregorio, M. (2007). Things held in common: Memory, space and the reconstitution of community life. *Journal of Southeast Asian Studies*, 38: 441–465. DOI: 10.1017/s0022463407000215
- Dovbysh, E. G. (2012). Network technologies of shaping urban identity. *Human. Community. Management*, 4: 111–118. (In Russian).
- Evseenkova, E. O. (2014). The modality of urban identity. *Bulletin of the Perm Federal Research Centre Journal*, 5: 80–86. (In Russian).
- Evstifeev, R. V. (2017). Research of local identities: Theoretical approaches and perspective directions. *Research Result. Sociology and Management*, 2: 3–9. DOI: 10.18413/2408-9338-2017-3-2-3-9. (In Russian).
- Fedotova, N. (2017). The formation of urban identity: Factorial and institutional aspects. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 20(3): 32–49. (In Russian).
- Gornova, G. (2018). Harmony between the city and the man: Problems of forming city identity. *PRAHEMA. Journal of Visual Semiotics*, 3(17): 43–56. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-3-43-56. (In Russian).
- Keogan, K. (2002). A sense of place: The politics of immigration and the symbolic construction of identity in Southern California and the New York Metropolitan area. *Sociological Forum*, 17(2): 223–253. DOI: 10.2307/3070325
- Lynch, K. (1960). *The Image of the City*. Cambridge: MIT Press. 208 p.
- Morozova, E. V., & Ulko, E. V. (2008). Local identity: Forms of actualization and types. *Political expertise: POLITEX*, 4: 139–151. (In Russian).
- Muraveva, O. I., Litvina, S. A., Kruzhkova, O. V., & Bogomaz, S. A. (2017). Features of the structure of identity with the city of youth in Russian cities. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*, 1: 63–80. (In Russian).
- Nazukina, M. V. (2017). Local Identity. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*. Moscow: Ves Mir Publ. (pp. 512–516). (In Russian).
- Nedoseka, E. V., & Anufrieva, T. V. (2015). Features of urban identity of youth in Murmansk. *Sociology of the city*, 3: 22–31. (In Russian).
- Nijman, J. (2007). Locals, exiles and cosmopolitans: a theoretical argument about identity and place in Miami. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 98: 176–187.
- Oktay, D. (2002). The quest for urban identity in the changing context of the city. *Cities*, 19(4): 261–271. DOI: 1016/S0264-2751(02)00023-9
- Okunev, I. Yu. (2018). Territorial and spatial identity: New approach to the basic concepts. *Comparative Politics Russia*, 1: 18–25. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-00002. (In Russian).
- Rausch, A. S. (2005). Local identity, cultural commodities, and development in rural Japan: The potential as viewed by cultural producers and local residents. *International Journal of Japanese Sociology*, 14: 122–137. DOI: 10.1111/j.1475-6781.2005.00073.x
- Samarkina, I. V. (2017). Subjective space of politics. In I. S. Semenenko (Ed.), *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*. Moscow: Ves Mir Publ. (pp. 380–385). (In Russian).
- Seamon, D., & Sowers, J. (2008). Place and placelessness, Edward Relph. In P. Hubbard, R. Kitchen & G. Vallentine (Eds.), *Key Texts in Human Geography*. London: Sage (pp. 43–51).
- Tuan, Y.-F. (1977). *Space and Place: The Perspective of Experience*. London: Edward Arnold. 235 p.

Сведения об авторах:

Самаркина Ирина Владимировна – доктор политических наук, доцент, декан факультета управления и психологии, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар (e-mail: smrkn@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-0205-8543).

Башмаков Игорь Станиславович – кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар (e-mail: igorbash87@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-5906-803X).

About the authors:

Samarkina Irina Vladimirovna – Doctor of Political Science, Associate Professor, Head of Management and Psychology Faculty, professor of Public policy and Public management Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia (e-mail: smrkn@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-0205-8543).

Bashmakov Igor Stanislavovich – PhD in Political Science, Associate Professor of Public Policy and Public Management Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia (e-mail: igorbash87@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-5906-803X).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-172-185

Научная статья / Research article

Молодежные общественные объединения в социально-политических процессах современной России: на примере Краснодарского края

А.Д. Пилипенко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье определяются место и роль молодежных общественных объединений в социально-политических процессах современной России, анализируется политическая активность российской молодежи. Исследование проведено среди молодежи Краснодарского края с использованием разработанной автором анкеты, а также методик установления уровня активности населения и мотивации. Полученные данные позволяют установить степень вовлеченности молодежи в деятельность НКО и политические процессы Краснодарского края. Проведенное исследование показало усиление влияния молодежных общественных объединений на социально-политические процессы, кадровую политику, активизацию их деятельности в сфере публичной дипломатии, волонтерского движения, артикуляцию интересов молодежи как особой социальной группы населения. Молодежные общественные объединения способны структурировать и упорядочить активность молодых российских граждан, направляя ее в конструктивное русло, при этом снижая градус протестных настроений в том случае, если она присутствует. Эту работу они делают более эффективно, чем уполномоченные органы государственной власти, поскольку действуют «на земле», то есть работают непосредственно с представителями молодежного сообщества, понимают его потребности, улавливают настроения и способны менять текущую повестку, не прибегая к радикальным методам.

Ключевые слова: молодежь, некоммерческие организации, политическая система, гражданское общество, государство, государственная молодежная политика, молодежные общественные объединения

Для цитирования: Пилипенко А.Д. Молодежные общественные объединения в социально-политических процессах современной России: на примере Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 172–185. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-172-185

© Пилипенко А.Д., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Youth Public Associations' Political Engagement in Russia: The Case of Krasnodar Krai

A.D. Pilipenko

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The article defines the place and role of youth public associations in the socio-political processes of modern Russia, analyzes the political activity of Russian youth. The study was conducted among young people in the Krasnodar region using the questionnaire developed by the author, as well as methods for determining the level of activity and motivation of the population. The data obtained allow us to determine the degree of involvement of young people in the activities of NGOs and political processes in the Krasnodar territory. The conducted research has shown the strengthening of the influence of youth public associations on socio-political processes, personnel policy, activation of their activities in the field of public diplomacy, volunteer movement, articulation of the interests of young people as a special social group of the population. Youth public associations are able to structure and regulate the activity of young Russian citizens, directing it in a constructive direction, while reducing the degree of protest moods if it is present. They do this work more effectively than the authorized state authorities, because they act “on the ground”, i.e. they work directly with representatives of the youth community, understand their needs, catch the mood and are able to change the current agenda without resorting to radical methods.

Keywords: Youth, non-profit organizations, political system, civil society, state, state youth policy, youth entrepreneurship, social engineering, third sector

For citation: Pilipenko, A.D. (2021). Youth public associations' political engagement in Russia: The case of Krasnodar Krai. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 172–185. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-172-185

Введение

Развитие гражданского общества в современной России является важным и необходимым процессом для формирования российского правового государства. Этот процесс неразрывно связан с гражданской активностью населения, которая является важным условием развития гражданского общества, в рамках которого реализуется возможность для каждого индивида (самостоятельно или в рамках объединений) принимать участие в политической жизни государства, в процессе принятия политических решений.

Поскольку развитие гражданского общества напрямую зависит от гражданской активности, важно показать, какие группы населения эту активность проявляют и каким образом она влияет на политическую систему современной России. По нашему мнению, одной из главных движущих сил гражданского активизма в России является молодежь как одна из наиболее многочисленных и активных социальных групп российского общества. Несмотря на то, что молодежь нельзя отнести к элите, принимающей политические решения,

от ее активности, способов участия в политическом процессе часто зависит направленность политического процесса¹.

Исследования молодежных общественных объединений осуществляются в науке с точки зрения междисциплинарного подхода не только в русле политологии, но и социологии, культурологии, юриспруденции и т.д. Это дает возможность рассматривать предмет исследования во всем многообразии его проявлений, что важно для понимания места и роли молодежных общественных организаций в политическом процессе.

Выдающиеся отечественные политологи (С.В. Алещенок [Алещенок 1998], Г.И. Грибанова [Грибанова 2018], В.А. Родионов [Родионов 2002] и др.) внесли значительный вклад в изучение молодежных общественных объединений, в том числе в контексте формирующегося гражданского общества, государственной и общественной поддержки молодежных инициатив.

Вопросы развития молодежных общественных организаций, а также формирования политической культуры и политического сознания в молодежной среде традиционно занимают одно из центральных мест в кандидатских и докторских диссертациях, защищаемых российскими политологами, ведущими впоследствии исследовательскую деятельность по данной теме (В.А. Кудинов [Кудинов 2016], В.А. Смирнов [Смирнов 2014], А.В. Федоров [Федоров 2014], Т.А. Лугинина², Д.А. Сердалиева [Сердалиева 2006] и многие другие).

Кубанские ученые И.В. Самаркина [Самаркина 2011], И.В. Мирошниченко [Мирошниченко 2017], С.А. Миронцева, О.А. Бориско [Бориско, Миронцева 2016], А.Б. Сазантович [Сазантович 2017] также внесли свой вклад в изучение данной проблемы.

Целью настоящего исследования является определение места и роли молодежных общественных объединений в социально-политических процессах современной России на примере Краснодарского края.

Выбор географии исследования объясняется, во-первых, высоким уровнем активности гражданского общества в регионе. На сегодняшний день на Кубани зарегистрировано более 6 000 некоммерческих организаций различной направленности³. Во-вторых, молодежные общественные объединения в Краснодарском крае активно участвуют в политических и социальных процессах в регионе, что проиллюстрировано в тексте соответствующими примерами, что объясняет необходимость анализа места и роли молодежных общественных объединений в этих процессах, их место и роль в политике края.

Работа выполнена с точки зрения организационного подхода к исследованию политической активности молодежи, определившего использование

¹ Волонтерство и участие россиян в деятельности НКО и гражданских инициатив. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/364277264/> (дата обращения: 08.10.2020.)

² Лугинина Т.А. Гражданская адаптация молодежи в сфере общественных объединений: дис. ... канд. социологических наук. Екатеринбург, 2002.

³ По данным Управления министерства Юстиции РФ по Краснодарскому краю. URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 15.09.2020).

методов структурно-функциональной парадигмы изучения политических процессов и общественных движений в политической системе.

Для проведения исследования были определены показатели вовлеченности молодежи в деятельность НКО, ее мотивация, карьерные установки, позволяющие понять, какие стратегии молодые люди используют в своей деятельности в общественных объединениях.

Использовались стандартные опросники для методик по изучению ценностных установок, диагностики эмоционального интеллекта, а также для методики «якоря карьеры». Для методик по изучению мотивации к успеху, стратегий самоутверждения личности и при составлении шкалы совестливости, а также анализа склонности к конструктивным и деструктивным формам активности использовались Google-формы.

Были выбраны группы населения в возрасте от 14 до 35 лет. В исследовании приняли участие 500 жителей Краснодарского края, 50% мужчин, 50% женщин. Опрашиваемые не разделялись по уровню образования, поскольку в указанную группу входят школьники, студенты, работающая молодежь со средним и высшим образованием, а также лица, не имеющие образования.

Политическое участие молодежных общественных объединений

Говоря о молодежных общественных объединениях, как субъектах политического процесса, необходимо иметь в виду, что молодые люди чаще выражают желание принимать участие в деятельности не политических объединений (как, например, политические партии), а общественных объединений, целью работы которых является не достижение власти, а разрешение вопросов конкретных социальных групп, что более соответствует устремлениям молодых людей. Российские ученые приходят к выводу, что причиной расширения сферы деятельности молодежных организаций стало разочарование молодых людей в субъектах политической жизни [Андреева 2014: 30].

Материал табл. 1 отражает степень вовлеченности молодежи Краснодарского края в деятельность НКО, выявленную в ходе настоящего исследования.

Таблица 1 / Table 1

Участие молодежи Краснодарского края в деятельности общественных движений / Participation of young people of the Krasnodar territory in the activities of social movements

Показатель / Indicator	Процентное распределение / Percentage, %
Да, сторонник политической партии / The supporter of a political party	7,1
Член общественной организации/движения / The member of a public organization/movement	28,6
Не состою в организациях / I do not belong to organizations	42,9
Симпатизирую, но не участвую лично / I sympathize, but I do not participate personally	21,4

Источник / Source: составлено автором на основе проведенного им эмпирического исследования гражданской активности молодежи Краснодарского края в 2020 году.

Более половины молодых людей, так или иначе, участвуют в деятельности гражданских организаций или же проявляют интерес к их деятельности. Этот показатель имеет смысл увеличивать, активизируя работу с малоактивной частью населения.

Это актуально, поскольку, реализуя свои цели, представители некоммерческого сектора в сфере молодежной повестки ведут активную работу по привлечению внимания населения к проблемам, а также к участию в поисках вариантов их решения. Такая деятельность все больше привлекает внимание органов государственной власти, представители которых готовы активно включаться в диалог и налаживать сотрудничество. По крайней мере, последние тенденции участия власти в акциях и мероприятиях молодежных движений позволяют сделать вывод о растущем взаимном интересе. Речь идет не только о финансировании инициатив, но также о личном участии в проводимых мероприятиях.

Так, в период с марта по июнь 2017 г. на территории г. Краснодар представителями Краснодарской краевой молодежной общественной организации «Агентство молодежных инициатив» реализовывался проект «Школа активного гражданина 2.0». В рамках указанного проекта обсуждался широкий спектр вопросов, касающихся защиты прав человека в современном мире, развития гражданского общества, деятельности некоммерческих организаций, участия населения в социально-политических процессах.

Одним из первых мероприятий, проведенных в рамках указанного проекта, стала научно-практическая конференция «Защита прав женщин в современном мире». Проблематика освещалась представителями научного сообщества Краснодарского края, Министерства внутренних дел РФ, МЧС России, а также представителями общественных объединений, действующих на территории Краснодарского края.

Эта работа продолжилась серией подобных мероприятий, проводимых ежегодно вплоть до марта 2020 г., затем перешла в онлайн-формат в связи с ограничительными мероприятиями, вызванными пандемией. В частности, такие круглые столы с участием представителей органов власти, как «Сила России в единстве», цикл мероприятий «Герои среди нас», а также непрерывная работа по доставке материальной помощи нуждающимся жителям Краснодарского края в период пандемии. Кроме того, волонтеры оказывали посильную физическую помощь пожилым людям. Все эти мероприятия стали значительным дополнением к работе государственных органов социального обеспечения Кубани, что наглядно иллюстрирует непосредственное участие молодежных организаций в социальной и политической жизни общества.

Почему этот пример столь показателен? Совершенно ясно, что в вопросах политического участия молодежи одну из главных ролей играет способность органов власти взаимодействовать с молодежью и создаваемыми ею общественными организациями. К сожалению, случается, что в дела молодежных организаций вмешиваются люди, имеющие небольшое отношение непосредственно к

делам молодежи. Это зачастую чревато тем, что новые неожиданные или неочевидные идеи не находят поддержки, поскольку работники системы чаще всего работают «по шаблону» не желая выходить за рамки установленных вариантов. Также это приводит к отсутствию взаимодействия между молодежными общественными организациями и муниципальной властью.

Тем не менее молодые люди высоко оценивают влияние на политические и социальные процессы гражданских институтов, что отражено в табл. 2.

Таблица 2 / Table 2

Степень влияния гражданских институтов на социальные и политические процессы в Краснодарском крае, % / The degree of influence of civil institutions on social and political processes in the Krasnodar territory, %

Социально-демографические характеристики респондентов / Socio-demographic characteristics of respondents		Политические партии / Political parties	Религиозные организации / Religious organizations	Советы ветеранов / Veterans' tips	Общественная палата / The public chamber	Профсоюзы / Trade unions	Женские советы / Women's tips	Благотворительные организации / Charitable organizations	Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer
Всего / Total		52,4	82,5	18,7	16,5	14,5	1	0,2	0,6
Пол / Sex	Мужской / male	53,1	83,4	17,6	17	14,8	0	0,1	0,9
	Женский / female	55,3	82,5	18,7	15	15,4	1,5	0,3	0,4
Возраст / Age	18–24	51,4	79,8	17,9	18,8	17	0	0,3	0,18
	25–30	56,4	82,7	18,5	13,4	13,8	2	0,2	0,9
	31–34	49,9	85,4	20,9	16,5	14,5	1,6	0,1	0,8

Источник / Source: составлено автором на основе проведенного им эмпирического исследования гражданской активности молодежи Краснодарского края в 2020 году.

Это обуславливает необходимость повышения внимания государства к некоммерческим гражданским структурам, поиска более эффективных методов взаимодействия и влияния на политические решения, принимаемые в регионе. Инструментом такого взаимодействия становятся молодежные общественные объединения, организующие диалог между молодежью и властью, в том числе посредством проводимых совместных мероприятий.

Реализация проектов, подобных описанному выше, с участием представителей властных структур, позволяет говорить о том, что конструктивные формы гражданской активности в рамках деятельности общественных объединений являются эффективным способом взаимодействия с властью.

Кроме того, отмечено, что представители органов государственной власти заинтересованы в содействии реализации гражданских инициатив.

Молодежные общественные объединения в реализации концепции публичной дипломатии

Помимо артикуляции внутрисоциальных социально-политических интересов молодежные общественные объединения могут выполнять важнейшую функцию в межгосударственном взаимодействии. Речь идет об общественной дипломатии, контактах с гражданскими молодежными организациями в других странах и поддержке соотечественников, проживающих за рубежом.

В современной российской политической науке еще нет единого понимания общественной дипломатии, что создает определенные сложности при разработке комплексной стратегии. На наш взгляд, целесообразно рассматривать публичную дипломатию как целостную систему взаимодействия с другими странами в политических целях. Отметим, однако, что такое отхождение от узкого понимания указанного концепта не уменьшает роли в публичной дипломатии неправительственных организаций и иных институтов гражданского общества [Арутюнян 2015: 25].

На данный момент, концепция публичной дипломатии в России развита недостаточно. Отсутствует понимание ее основных направлений, стратегических целей и задач. Между тем публичная дипломатия является одним из инструментов формирования позитивного имиджа не только государства, но и общества, его традиций, стилей взаимоотношений с другими обществами. И это задача институтов гражданского общества.

Так, начиная с 2017 года краснодарской краевой молодежной общественной организацией «Агентство молодежных инициатив» при поддержке Администрации Краснодарского края, в рамках работы в области публичной дипломатии, на территории г. Сухум, Республика Абхазия, реализуется проект «Территория развития добрососедских отношений». Важнейшими целями указанного проекта явились установление прочных связей с институтами гражданского общества Республики Абхазия, укрепление добрососедских отношений с соотечественниками, проживающими на ее территории, а также консолидация соотечественников по вопросам безопасности территорий.

Прежде всего, был проведен опрос среди жителей Республики на предмет изучения их мнения по вопросам выстраивания моделей добрососедских отношений между народами Кубани и Абхазии и консолидации гражданского общества в противодействии экстремизму и терроризму. Материалы данного опроса стали основой для разработки модели взаимоотношений с гражданскими объединениями Республики Абхазия и Краснодарского края, а также для дальнейшего развития проекта «Территория добрососедских отношений».

По результатам исследования, было установлено, что жители Республики Абхазия доброжелательно относятся к России и ее жителям, готовы к

выстраиванию плодотворного сотрудничества и добрососедских отношений. Представители молодежных общественных организаций выразили заинтересованность в получении опыта социального проектирования, реализации проектов, формирования векторов развития молодежной политики. Они выступают за поддержание созданной интеграционной площадки между абхазской и краснодарской молодежью с большим вовлечением в работу молодежных организаций Республики.

У молодежи Абхазии востребованы семинары по личностному развитию из-за отсутствия в Республике высококвалифицированных тренеров и экспертов по следующим направлениям: ораторское искусство, молодежное предпринимательство и маркетинг, социальное проектирование, психология. В Абхазии большая проблема с трудоустройством: по статистическим данным, около 70% молодых людей не имеют официального места работы [Грошева, Грошев 2018: 51]. В связи с этим обостряется криминогенная обстановка, численность нарко- и алкозависимых, происходит снижение числа заключения браков и падает уровень рождаемости.

Необходимо налаживать диалог с молодежью и местными молодежными организациями, выстраивать систему сотрудничества и обмена опытом и знаниями, развивать главную форму работы – диалог, общение, совместный досуг. Необходимо реализовывать качественную информационную программу, обучать молодых людей полезным профессиональным навыкам, которые впоследствии можно применять для карьерного роста и развития молодежного общественного движения.

Основной программой проекта на протяжении всех периодов его проведения, в том числе и в 2017–2020 годах, стало проведение мастер-классов, круглых столов по важнейшим вопросам совместной деятельности, участниками которых стали молодежные организации Абхазии и Краснодарского края, представители других общественных объединений.

Выезды осуществляются ежегодно, программа меняется в зависимости от текущей повестки. В 2020 году продолжена работа по подготовке соглашения о сотрудничестве между молодежными организациями Краснодарского края и Республики Абхазия. Представители молодежи до введения ограничительных мероприятий, успели совершить еще одну поездку и договориться о дальнейшей совместной работе.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что деятельность институтов гражданского общества, в частности молодежных общественных объединений, непосредственно основана на сознательном и активном участии молодых россиян в их работе, а гражданская активность является одним из самых действенных механизмов для развития потенциала молодежи, привлечения ее к управленческим процессам. Более того, повышение уровня гражданской активности приводит к увеличению числа общественных объединений, с которыми взаимодействуют властные структуры на всех уровнях.

Деструктивная активность молодежи и способы противодействия

Деятельность молодежных объединений напрямую зависит от уровня гражданской активности молодежи, однако она может принимать как конструктивные, так и деструктивные формы. Деструктивная гражданская активность молодежи может быть обусловлена недостатком понимания способов конструктивного взаимодействия с государственными структурами без использования радикальных форм протеста или недовольства, а также не полного понимания того, к каким последствиям могут привести протестные действия деструктивного характера [Грибанова 2018: 169].

Здесь главным каналом распространения такой информации становятся средства массовой информации, а в последнее время наибольшее значение имеет Интернет.

Для эффективного использования этого ресурса общественные объединения проявляют известную степень активности в социальных сетях, создавая «живой» образ организации для того, чтобы привлечь к работе возможно большее количество молодых людей.

В качестве деструктивных форм гражданской активности молодежи можно определить:

- бойкотирование и призывы к бойкотированию выборов всех уровней;
- несанкционированные гражданские выступления, а также протестные акции, наносящие ущерб имуществу и здоровью граждан, угрожающие их жизни, подрывающие стабильность государственного устройства (вооруженные конфликты, а также самая радикальная форма протестной активности – террористические акты) [Сазантович 2017: 35].

В частности, в период подготовки к общероссийскому голосованию по поправкам в Конституцию Российской Федерации в июне 2020 года в социальных сетях появились памятки, призывающие бойкотировать голосование и описывающие предстоящий процесс как нелегитимный. Кроме памяток были записаны многочисленные видеообращения, опубликованы текстовые и фотоматериалы, так или иначе дискредитирующие голосование.

В качестве формы противодействия такого рода активности предусмотрено наказание для организаторов и участников в соответствии с действующим законодательством, а также проводится информирование населения о формах ответственности за такие действия [Бабосова 2015: 79]. Кроме того, нередки случаи применения государством санкционированных силовых методов. Однако наказание эффективно в том случае, когда действие уже совершено. В данной ситуации наиболее эффективной представляется профилактическая работа с населением. В этот процесс включаются и общественные объединения.

Молодежные общественные организации Краснодарского края подготовили собственные материалы, разъясняющие порядок голосования, отвечающие на распространенные вопросы и призывающие не поддаваться на провокации.

Для предупреждения деструктивной протестной активности принципиально важна воспитательная и разъяснительная работа с молодежью как наиболее активной и наиболее легко поддающейся влиянию частью российских граждан. Распространение экстремистских настроений в молодежной среде, является одной из причин увеличения протестной активности [Власова 2016: 34]. Для ее профилактики ведется работа с молодежными общественными объединениями и молодежными гражданскими активистами органами государственной и муниципальной власти.

Учитывая тот факт, что протестная и деструктивная активность нередко формируется на почве этнической и национальной неприязни, часто искусственно формируемой в СМИ и сети Интернет, важной задачей является работа по развитию у молодежи адекватного восприятия представителей других культур и доброжелательного к ним отношения.

Кроме того, проведенное исследование показало, что у групп молодежи различных форм активности выявляется высокий уровень мотивации к деятельности, что говорит о необходимости аккумуляции этой активности и управления ею.

Привлечение молодежи к участию в мероприятиях и проектах представляет собой один из самых эффективных способов перераспределения гражданской активности и формирования навыков конструктивного решения текущих вопросов или острых проблем. Так, мероприятия по налаживанию межэтнического диалога (в качестве примера – ежегодный фестиваль народов Кубани, проводимый в Краснодарском крае) призваны на системной основе воспитывать уважение к другим культурам, показывать этническое разнообразие, учить пониманию других культур, а также минимизировать ксенофобию и проявления этнических конфликтов. Привлечению молодых людей к активной социально значимой работе способствуют мероприятия по оказанию помощи пенсионерам и ветеранам. Это помогает развить чувство долга и ответственности, что способствует в большой степени профилактике деструктивной активности.

Кроме того, большую роль играет привлечение молодежи к занятиям спортом, соревнованиям, обучению дисциплине и ответственности. Соревнования и тренировки по разным видам спорта привлекают большое количество молодых людей, что позволяет вовлечь их в конструктивную деятельность и снизить уровень социальной напряженности.

Такого рода мероприятия не только носят развлекательный характер, но и призваны организовывать взаимодействие молодых людей между собой в конструктивном русле, консолидировать их, привлекать внимание к общественной деятельности в рамках работы общественных объединений. Важной задачей при проведении подобных мероприятий является формирование негативного отношения к деструктивным формам активности у молодежи. В этом направлении работают активисты общественных объединений, публично высказывая свое неприятие деструктивным формам протеста, а также организаторам таких действий.

Заключение

Проведенное исследование показало, что молодежь Краснодарского края проявляет высокую заинтересованность в работе некоммерческих организаций, в том числе осуществляющих деятельность в сфере решения политических вопросов, в частности общественной дипломатии и взаимодействия с гражданским обществом соседних государств. Кроме того, молодежными общественными объединениями ведется значительная работа по выстраиванию диалога между НКО и органами государственной власти для решения важнейших социально-экономических и политических проблем Краснодарского края.

Молодежные общественные объединения (НКО и общественные движения, осуществляющие деятельность в сфере воспитания патриотизма, социализации молодежи, экологии и т.д.) аккумулируют высокую активность молодежи, направляя ее в конструктивное русло – в частности, молодые люди принимают участие в реализуемых проектах национальной, политической и иной направленности, формируют идеи в собственные стартапы, вносят предложения в органы власти по решению задач развития региона и региональной молодежной и социальной политики, учатся взаимодействию и разрешению вопросов в законном русле вместо хаотической протестной активности.

Также общественные объединения способны взять (и берут при наиболее благоприятном развитии событий) на себя часть обязанностей государства по социальному обеспечению населения и патриотическому воспитанию молодого поколения россиян, укрепляя тем самым гражданскую идентичность и уровень доверия молодежи к органам власти Российской Федерации.

Однако этот процесс характеризуется также рядом проблем, среди которых в первую очередь недостаточная административная поддержка со стороны органов власти. На практике складывается следующая ситуация: при достаточной проработанности законодательства в сфере поддержки общественных инициатив на местах происходит блокирование таких инициатив, в особенности когда речь идет о вопросах политического и экономического развития регионов. Устоявшиеся схемы работы управленческого аппарата с трудом поддаются изменениям. Инициативы остаются разовыми мероприятиями, не приобретая системного характера.

Кроме того, до сих пор не отлажен механизм прямого взаимодействия общественных молодежных лидеров с управленческими кадрами, принимающими решения того уровня, который был бы достаточен для системной работы. Тем не менее в данном вопросе в последнее время проявились определенные продвижения, это связано в том числе и с общим перенаправлением политических ресурсов и упора властных структур федерального уровня на взаимодействие с гражданским обществом.

Еще одна проблема – при высокой активности молодежи уровень ее системного участия в политической жизни не является постоянной величиной и меняется в зависимости от экономической ситуации, политической риторики

и т.д. То есть необходимы такие формы мотивации, которые будут способны поддержать постоянный интерес молодого населения России к общественно-политической деятельности.

Поступила в редакцию / Received: 05.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Алеценок С. В.* Из опыта поддержки общественных инициатив и добровольчества. М., 1998.
- Андреева О. А.* Региональная правовая политика преодоления экстремизма в молодежной среде: реалии и прогнозы // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9. С. 28–31.
- Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М.: Мир, 2018.
- Арутюнян М. Н., Долгунова Н. А.* Молодежная безработица в современной России // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. 2015. № 2. С. 24–27.
- Бабосова Е. С.* Повышение значимости государственной молодежной политики в политической социализации юношества // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 77–83.
- Багдасарьян Н. Г., Немцов А. А., Консусян Л. В.* Послевузовские ожидания студенческой молодежи. М.: Социс, 2016.
- Бориско О. А., Миронцева С. А.* Теоретическая модель формирования региональной идентичности молодежи в культурно-образовательной среде региона // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С. 6–9.
- Вишневецкий Ю. Р.* Гражданская культура студентов. М.: Социум, 2014.
- Власова Э. Д.* К вопросу об эффективности молодежной политики в России // Инновационная наука. 2018. № 4-3. С. 174–177.
- Власова Э. Д.* Реализация концепции государственной молодежной политики в России // Теория и практика общественного развития. 2016. № 11. С. 32–35.
- Грибанова В. А.* Исследование гражданской активности студенческой молодежи // Отечественная и зарубежная педагогика. 2018. № 3 (50). С. 164–171.
- Грошева И. А., Грошев И. Л., Грошева Л. И.* Индексная оценка эффективности молодежного предпринимательства и бизнеса // Агропродовольственная политика России. 2018. № 7 (19). С. 50–53.
- Дудник И. С.* Роль добровольческих движений в формировании нравственного сознания молодых граждан. М.: Владос, 2016.
- Ермолин А. А.* Молодежь России в несистемном анализе национальной идеи. М.: Народное образование, 2019.
- Збровский Г. Е.* Правовые статусы организаций. М.: Социс, 2019.
- Кудинов В. А.* Историческая обусловленность подростковых и юношеских организаций // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2016. № 3. С. 235–238.
- Мирошниченко И. В.* Сетевые механизмы формирования социальных и политических идентичностей современной молодежи // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2017. № 1. С. 92–97.
- Родионов В. А.* Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации. М.: Социум, 2002.
- Сазантович А. Б.* Визуальный образ Европы в представлениях кубанской молодежи // Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодарского края и Еревана). Кубанский государственный университет, Краснодар, 2017. С. 171–182.

- Самаркина И. В. Молодежь и формирование ее политической картины мира в современных социально-гуманитарных исследованиях // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 6–11.
- Сердалиева Д. А. Социологический анализ молодежных организаций России // Южно-российский вестник геологии, географии и глобальной энергии (научно-технический журнал). 2006. № 6 (19). С. 91–95.
- Смирнов В. А. Молодежная политика как сфера воспроизводства имитации // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. № 4 (126). С. 204–213.
- Федоров А. В. Обладает ли современная молодежь стихийно сформированным высоким уровнем медиакомпетентности? // Медиаобразование. 2014. № 2. С. 82–87.
- Hovhannisyan H. Idea and models of civil society: development tendencies, arguments Pro and con // *Wisdom*. 2016. № 2 (7). С. 95–102.

References

- Aleshchenok, S. V. (1998). *From the experience of supporting public initiatives and volunteerism*. Moscow: Socis Publ. (In Russian).
- Andreeva, O. A. (2014). Regional legal policy of overcoming extremism in the youth environment: Realities and forecasts. *State Power and Local Self-government*, 9, 28–31. (In Russian).
- Arato, E. (2018). *Civil society and political theory*. Moscow: Mir Publ. (In Russian).
- Arutyunyan, M. N., & Dolgunova, N. A. (2015). Youth unemployment in modern Russia. *Actual Problems of Economics, Sociology and Law*, 2, 24–27. (In Russian).
- Babosova, E. S. (2015). Increasing the importance of state youth policy in the political socialization of youth. *Sotsiologicheskii Almanakh*, 2017, 6, 77–83. (In Russian).
- Bagdasaryan, N. G., Nemtsov, A. A., & Consusyan, L. V. (2016). *Postgraduate Expectations of Student Youth*. Moscow: Socis Publ. (In Russian).
- Borisko, O. A., & Mirontseva, S. A. (2016). Theoretical model of formation of regional identity of youth in the cultural and educational environment of the region. *Society: Politics, Economics, Law*, 12, 6–9. (In Russian).
- Dudnik, I. S. (2016). *The Role of Voluntary Movements in the Formation of the Moral Consciousness of Young Citizens*. Moscow: Vldos Publ. (In Russian).
- Ermolin, A. A. (2019). *Youth of Russia in Non-System Analysis of the National Idea*. Moscow: Public Education Publ. (In Russian).
- Fedorov, A. V. (2014). Does modern youth have a spontaneously formed high level of media competence? *Media Education*, 2, 82–87. (In Russian).
- Gribanova, V. A. (2018). Study of civil activity of students. *Otechestvennaya i Zarubezhnaya Pedagogika*, 3(50), 164–171. (In Russian).
- Grosheva, I. A., Groshev, I. L., & Grosheva, L. I. (2018). Index evaluation of the effectiveness of youth entrepreneurship and business. *Agri-food Policy in Russia*, 7, 50–53. (In Russian).
- Hovhannisyan, H. (2016). Idea and models of civil society: Development tendencies, arguments pro and con. *Wisdom*, 2(7), 95–102.
- Kudinov, V. A. (2016). Historical conditionality of adolescent and youth organizations. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 3, 235–238. (In Russian).
- Miroshnichenko, I. V. (2017). Network mechanisms of formation of social and political identities of modern youth. *Izvestiya of Saratov University. Series: Sociology. Political Science*, 1, 92–97. (In Russian).
- Rodionov, V. A. (2002). *The Situation of Youth and the Implementation of State Youth Policy in the Russian Federation*. Moscow: Socium Publ. (In Russian).
- Samarkina, I. V. (2011). Youth and the formation of its political picture of the world in modern social and humanitarian studies. *Theory and Practice of Social Development*, 5, 6–11. (In Russian).

- Sazantovich, A. B. (2017). *Visual Image of Europe in the Views of the Kuban Youth. Perception of Europe in the Youth Environment in the Context of Modern Geopolitical Transformations (Based on the Materials of Krasnodar and Yerevan)*. Krasnodar: Kuban State University publ. (In Russian).
- Serdaliev, D. A. (2006). Sociological analysis of youth organizations of Russia. *South-Russian Bulletin of Geology, Geography and Global Energy (Scientific and Technical Journal)*, 6(19), 91–95. (In Russian).
- Smirnov, V. A. (2014). Youth policy as a sphere of reproduction of the simulation. *RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art History*, 4(126), 204–213. (In Russian).
- Vishnevsky, J. R. (2014). *Civil Culture of Students*, Moscow: Socium Publ. (In Russian).
- Vlasova, E. D. (2015). About the effectiveness of youth policy in Russia. *Innovation Science*, 4(3), 174–177. (In Russian).
- Vlasova, E. D. (2016). Implementation of the concept of state youth policy in Russia. *Theory and Practice of Social Development*, 11, 32–35. (In Russian).
- Zbrowski, G. E. (2019). *The Legal Status of the Organizations*. Moscow: Socis Publ. (In Russian).

Сведения об авторе:

Пилипенко Александр Дмитриевич – аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (e-mail: pilipenkorussia@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0003-0434-9042).

About the author:

Pilipenko Alexander Dmitrievich – Postgraduate of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (e-mail: pilipenkorussia@gmail.com) (ORCID ID: 0000-0003-0434-9042).

DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-186-198

Научная статья / Research article

Роль институциональной среды в построении политических карьер молодых политических лидеров в регионах Юго-Западной Сибири

С.Ю. Асеев, Я.Ю. Шашкова

Алтайский государственный университет,
Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. Оценка перспектив омоложения российской политической элиты не только выступает актуальной научной проблемой, но и имеет практическую значимость в контексте предстоящих федеральных и региональных выборов 2021 г. На основе материалов исследований массового политического сознания молодежи и экспертных опросов, проведенных в 2018–2020 гг. в Алтайском крае и Новосибирской области, проанализированы представления молодежи и ее лидеров об эффективности построения политических карьер через участие в деятельности молодежных политических организаций, политических партий и в избирательных кампаниях в качестве кандидатов. Их сопоставление с долей молодежи в элите региональных отделений политических партий и списках кандидатов на региональных выборах позволило авторам сделать вывод о слабой пропускной способности карьерных лифтов для молодежи в региональном политическом процессе. Включение в объект исследования регионов с разным уровнем социально-экономического развития показало, что ограниченность ресурсов не позволяет молодым политическим лидерам реализовывать свой потенциал в первую очередь в регионах с высокой концентрацией экономического капитала и сильной политической конкуренцией.

Ключевые слова: молодежь, политическое лидерство, политическая карьера, политическая активность, молодежные политические организации, региональный политический процесс

Благодарности: Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта «Потенциал молодежного политического лидерства в ходе политической социализации и циркуляции элит в российских регионах в 2010-е годы (на примере Юго-Западной Сибири и Северо-Запада РФ)», грант РФФИ № 18-011-01184.

Для цитирования: Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю. Роль институциональной среды в построении политических карьер молодых политических лидеров в регионах Юго-Западной Сибири // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 1. С. 186–198. DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-186-198

© Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Role of Institutional Environment in Shaping Political Careers of Young Political Leaders in the Regions of South-West Siberia

S.Yu. Aseev, Ya.Yu. Shashkova

Altai State University,
Barnaul, Russian Federation

Abstract. Evaluating prospects of bringing youth into Russian political elites has both an acuteness of a scientific challenge and practical relevance in the light of upcoming federal and regional elections of 2021. Based on the surveys of mass political consciousness of the youth and expert polls held in 2018–2020 in Altai Krai and Novosibirsk Oblast, the article has analyzed the visions of young people and their leaders on the effectiveness of career development through participation in youth political organizations, political parties and running for posts in election campaigns. Having measured these visions against the proportion of young people in the elite of the regional offices of political parties and in the lists of candidates running in regional elections, the authors have come to the conclusion about the low acceptance rate of career lift in regional political process. The object of the research comprises regions with different level of social and economic development, which has proved that lack of resource hinders realization of young leaders potential primarily in the regions with high concentration of economic capital and strong political competition.

Keywords: the youth, political leadership, political career, political activity, youth political organizations, regional political process

Acknowledgements: The text of the article has been prepared within the framework of the project “Potential of Youth Political Leadership during Political Socialization and Circulation of Elites in the Russia Regions in the 2010th (using the example of South-Western Siberia and the North-West of the Russian Federation)”, RFBR grant No. 18-011-01184.

For citation: Aseev, S.Yu., & Shashkova, Ya.Yu. (2021). Role of institutional environment in shaping political careers of young political leaders in the regions of South-West Siberia. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 186–198. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-186-198

Введение

Современное общество очень динамично и основано на новых принципах функционирования и управления, связанных с широким распространением сетевых коммуникаций и цифровых технологий. Следствием этих процессов стало заметное омоложение элит в экономической сфере. Политическая же сфера более консервативна, значимую роль в ней играет наличие управленческого опыта и иных ресурсов, которые не компенсируются только знанием цифровой среды. Кроме того, в политическом управлении преобладают иерархизированные структуры с соответствующей логикой карьерных траекторий. В рамках таких структур принципиальным становится вопрос открытости вертикальных лифтов, ответ на который в России обуславливается

уровнем и сферой политического управления, а также социокультурными и региональными особенностями.

Проблема формирования молодежного кадрового резерва для законодательных и исполнительных органов власти в последние годы довольно часто звучит в дискурсе отечественной правящей элиты¹. В настоящий момент она актуализируется в преддверии большого электорального цикла 2021 г. на фоне сохранения в обществе запроса на новые имена в политике.

В то же время современная молодежь очень рациональна, и ее активная часть при оценке политики как сферы самореализации основной акцент делает на наличие реальных, а не декларируемых возможностей личного успеха и быстрого карьерного роста. Ранее такие возможности интеграции молодежи в политическую сферу в основном обеспечивались в ходе избирательных кампаний. Однако в современных условиях практика выборов в регионах все чаще демонстрирует сочетание тенденций повышения ценза «входа» и снижения электоральной эффективности молодых кандидатов.

В этих условиях возникает проблема прогнозирования потенциала включенности молодежи в политические процессы исходя из ее установок на политическую карьеру и наличия возможностей регионального политического поля для их реализации.

Целью данной статьи выступает оценка эффективности молодежных политических организаций, политических партий и электоральных процессов как институционализированных каналов построения молодыми политическими лидерами своих политических карьер на региональном уровне.

Эмпирической основой статьи послужили результаты двух массовых опросов молодежи, проведенных учеными Алтайского государственного университета и Санкт-Петербургского государственного университета в 2018–2019 гг. в Алтайском крае, Новосибирской области, Ленинградской области, Санкт-Петербурге. Объем ежегодной выборки – 1000 человек в возрасте от 14 до 30 лет; выборка квотная с контролем признаков пола, возраста, типа населенного пункта и региона проживания (по 250 человек в каждом из 4 регионов для обеспечения сравнимости данных). В ходе эмпирического исследования 2020 г., проведенного кафедрой политологии АлтГУ в регионах СФО, в Алтайском крае и Новосибирской области было опрошено 640 школьников и студентов в возрасте 14–19 лет. Метод сбора информации – личное полустандартизованное интервью. Пропорции контролируемых признаков в подвыборках соответствуют данным генеральной совокупности по регионам, согласно данным Росстата. Обработка данных проводилась в статистическом пакете SPSS.

¹ Белуза А. Лифт – таланту: Сергей Кириенко: Возможностей для самореализации молодежи в России больше // Российская газета. 06.07.2019. URL: <https://rg.ru/2019/07/06/reg-cfo/kirienko-vozmozhnostej-dlia-samorealizacii-molodezhi-v-rf-bolshe-chem-na-zapade.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Качественные данные и оценки собирались в ходе экспертных опросов представителей политической элиты, руководителей региональных молодежных общественно-политических организаций и депутатов Молодежных парламентов Алтайского края и Новосибирской области (в 2019 г. n = 45, в 2020 г. n = 30), метод – полустандартизированные интервью.

В политической науке рассматриваемая в статье проблема изучается главным образом в контексте исследования структуры, каналов и механизмов рекрутирования политических элит [Быстрова, Даугавет, Дука, Колесник, Невский, Тев 2019; Политика как управление... 2017]. Специфика данных процессов на региональном и муниципальном уровне выявлялась как в ходе масштабных эмпирических исследований, так и в публикациях отдельных исследователей [Лагутин 2013; Лагутин 2014; Попова 2013; Римский 2013; Шентякова 2014; Шентякова 2015]. Гораздо меньшее внимание уделялось проблеме формирования карьерных траекторий политически активной молодежи [Бурцев 2018; Голобоков, Тюгаев 2017; Барсегян 2015; Красавина 2013; Рыжков 2018; Сушко 2018]. В имеющихся публикациях акцент сделан на выделении субъективных составляющих вертикальной политической мобильности и социально-ситуационных условий формирования молодых политических лидеров [Попова, Лагутин 2019; Екре 2017; Kahne, Middaugh 2012; Martinez, Loyola, 2017; Ос, Bashshur 2013]. При изучении электоральной активности молодежи также чаще всего рассматривается реализация ею активного избирательного права при ограниченности изучения практики участия в выборах молодых кандидатов [Шарапов 2011].

Результаты исследования

Политические карьеры молодежных лидеров могут реализовываться по разным траекториям.

Одной из наиболее характерных для «традиционной» политики траекторий выступало поэтапное движение молодого человека из активиста или руководителя молодежной политической организации при партии в партийный аппарат, а затем карьера в нем с возможностью получения депутатского мандата и/или перехода на работу в законодательные или исполнительные органы власти. В нашей стране классически она была реализована в советское время в формуле «комсомол – КПСС – советские органы управления».

На современном этапе актуальность данной траектории для молодежи явно имеет региональную и гендерную детерминацию. Так, по данным опроса молодежи регионов Юго-Западной Сибири и Северо-Запада России, проведенного исследовательским коллективом Алтайского и Санкт-Петербургского государственных университетов в 2018 г., построение политической карьеры как мотив вступления в молодежную политическую организацию назвали 20,2% опрошенных в Алтайском крае и 9,4% в Новосибирской области. Среди них преобладают девушки (13,4 против 5,3% мужчин в Алтайском

крае и 21,0 и 19,3% соответственно в Новосибирской области); молодежь в возрасте 17, 21–24 лет в Алтайском крае и 19–20, 23–26 лет в Новосибирской области; по роду занятий – одновременно учащиеся и работающие и студенты вузов (20,8 и 16% соответственно в Алтайском крае, 32,1 и 27,5% в Новосибирской области); проживающие в городах и региональных центрах.

Интересно, что лишь каждый пятый из допускающих для себя данный тип карьерной траектории согласен выполнять лидерские функции в молодежной политической организации. Почти половина же из них видит себя в статусе активиста или рядового участника МПО (по 24%) и даже просто его сторонника (12%), в связи с чем можно говорить о присутствии в данной группе идеалистических представлений о политической карьере.

Также обращает на себя внимание кейс Новосибирской области, где все респонденты, проживающие в сельской местности, не исключили для себя возможность участия в выборах в качестве кандидатов, но совершенно не вписывают в свои карьерные траектории работу в молодежных политических организациях. Это свидетельствует об их ориентации на муниципальный уровень политики, на котором избирательные кампании в основном строятся по традиционной модели – решающую роль в них играют личная известность и межличностное взаимодействие.

Возможно, что отказ от молодежных политических организаций как карьерных лифтов объясняется слабой информированностью молодежи об их деятельности и предоставляемых возможностях для личностного роста членов. Например, при ответе на закрытый вопрос в 2018 г. о наличии в исследуемых регионах молодежных парламентов оказались осведомлены 22,6% респондентов в Новосибирской области и 30,8% в Алтайском крае, молодежных политических организаций при политических партиях – соответственно 17,3 и 15,4%, молодежных общественно-политических организаций – 22,6 и 11,3%, молодежных избирательных комиссий – 21 и 9,4% опрошенных. Формулировка же открытого вопроса в аналогичном исследовании 2019 г. показала слабую информированность молодежи о молодежных организациях и проектах: 1,2% респондентов в Алтайском крае назвали «Молодую Гвардию Единой России», 0,4% в крае и 3,2% в Новосибирской области указали молодежные парламенты, 0,8 и 0,4% новосибирцев вспомнили соответственно проект «Лидеры России» и проведение молодежных форумов.

На этом фоне около половины респондентов в обоих регионах не смогли оценить деятельность общественно-политических организаций, способных выступить карьерными лифтами для молодых политических активистов. Среди оценок определившихся преобладает категория «удовлетворительно» (табл. 1), что, скорее всего, свидетельствует о нежелании респондентов показать свою неосведомленность в условиях отсутствия реальных знаний о деятельности данных организаций.

**Средняя оценка деятельности молодежных политических объединений молодежью
Алтайского края и Новосибирской области, 2019 г., балл /
Average assessment of the activities of youth political associations by youth
of the Altai Territory and the Novosibirsk Region, 2019, score**

Тип молодежного политического объединения / Type of youth political association	Алтайский край / Altai Krai	Новосибирская область / Novosibirsk Oblast
Молодежный парламент / Youth Parliaments	3,1	3,2
Молодежные политические организации при политических партиях / Youth political organizations under political parties	3,2	3,1
Молодежные общественно-политические организации / Youth socio-political organizations	3,3	3,3
Молодежные избирательные комиссии / Youth election commissions	3,1	3,5

Источник: составлено авторами / Source: compiled by the authors.

Это тезис подтверждают и результаты опроса 2020 г., в ходе которого наиболее типичными ответами респондентов о степени доверия молодежным политическим организациям стали «в чем-то доверяю, в чем-то нет» и «скорее доверяю».

Более критичны в оценках только студенты, которые больше информированы о данных организациях и интересуются их деятельностью.

Но если рекрутирование молодых людей в политику через молодежные политические организации осуществляется в российских регионах на постоянной основе, то со второй частью реализации «традиционной» карьерной траектории существуют значительные проблемы. Рационально понимая, что реальный доступ к политическим ресурсам и возможность претендовать на властные статусы дают сегодня только политические партии, руководители и активисты молодежных политических организаций, в частности при парламентских партиях, стремятся как можно быстрее занять позицию уже в партийной иерархии, тем более что некоторые партии (например ЛДПР) не выделяют «молодежку» в отдельную структуру – молодые «жириновцы» являются такими же членами партии, как и их более старшие товарищи.

Однако анализ руководящего состава региональных отделений парламентских партий показал их слабую пропускную способность или вообще отсутствие в них вертикальных лифтов для молодежи. Так, в 2019 г. опыт работы в партиях имели 16,5% молодежи в Алтайском крае и 12% в Новосибирской области. В Политсовет алтайского регионального отделения «Единой России» в 2018 г. входило 8,7% членов в возрасте до 35 лет, в региональном Совете «Справедливой России» таковых насчитывалось 11,8%. В Новосибирской области эти показатели составляли 2,7 и 9,1% соответственно. И если в Алтайском крае эти пропорции сохранились (в Политсовете «единороссов» заседает 2 партийца в возрасте до 30 лет и 8 – в возрасте 31–35 лет, что в

совокупности составляет те же 8,8%, в Совете «справедливороссов» – 2 члена в возрасте 31–35 лет (11,8%)), то в руководстве новосибирских отделений данных партий нет ни одного представителя моложе 35 лет.

Своеобразная «революция молодых» произошла в 2015 г. в алтайском краевом комитете КПРФ. В ходе внутренних конфликтов старых партийных кадров и ухода части из них из активной политики по возрасту к руководству реготделением пришли бывшие комсомольцы, в связи с чем доля молодежи (до 35 лет) в крайкоме в 2018 г. хоть и составляла 6%, но к этой возрастной группе относились 3 из 5 руководителей организации. Однако дальнейшего развития тренд на омоложение партийной элиты не получил, и сейчас в составе крайкома нет ни одного члена моложе 30 лет и всего 1 – моложе 35 лет. Аналогичные процессы происходили и в Новосибирской области – там эти показатели сократились с 5,3% в 2018 г. до нуля в 2020 г.

Наибольший процент молодежи в региональной партийной элите в последние годы устойчиво демонстрирует ЛДПР – в 2018 г. 35,3% членов Координационного совета в Новосибирской области и 10% в Алтайском крае были моложе 35 лет. На данный момент 28,6% членов Координационного совета в Алтайском крае моложе 30 лет. Однако ограниченность электорального ресурса партии ставит под сомнение возможность эффективной конвертации партийно-административного ресурса молодой части ее элиты в мандаты и посты в органах власти.

Выделенные проблемы карьерного роста молодежи в рамках партийных структур приводят к тому, что в 2020 г. готовность участвовать в работе партий для отстаивания своих интересов выразили только 8,1% молодежи в Алтайском крае и 10% – в Новосибирской области. Они являются и еще одной причиной низкого интереса молодежи к работе в молодежных политических организациях, формируя у членов последних чувство «пехоты», активно используемой партиями для проведения социальных и массовых акций, но не допускаемой до принятия решений.

Сами же молодежные политические лидеры в рамках экспертного опроса отмечали, что действительно многие руководители и активисты молодежных политических организаций, депутаты молодежных парламентов изначально ориентированы на построение карьеры в политике и воспринимают данные организации как карьерные лифты. Условием успешного карьерного старта, по их мнению, служит реализация актуальных проектов и инициатив, где их «умения и способность организовать» работу команды позволяли достигать положительных результатов, получивших общественный резонанс. Однако для закрепления в политическом поле необходима включенность в институционализированные структуры, которые в первую очередь дают понимание механизма процессов принятия политических решений и коммуникаций вокруг них, без чего невозможна успешная карьера в политике. Большинство экспертов достаточно критично оценивают карьерный потенциал для молодежи проекта «Лидеры России», тематических форумов и дискуссионных

площадок («Территория смыслов», «Таврида» и др.), которые ориентированы не на формирование навыков политического лидерства, а на оценку уже достигнутого уровня компетенций и ситуативное включение в кадровый резерв.

Более быстрым и легким вариантом политической карьеры молодые люди считают участие в местных и региональных выборах в качестве кандидатов: в 2018 г. такую позицию продемонстрировало 26,7% молодежи Алтайского края и 35,8% в Новосибирской области. Среди молодежи, имеющей опыт работы в партиях, этот показатель еще выше – 50 и 62,1% соответственно. Однако реальный масштаб и эффективность участия молодых кандидатов в региональных выборах отражает сохранение тенденции на их ограниченное и во многом формальное включение в региональный политический процесс.

Так, в ходе избирательной кампании по выборам депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области (ЗСНО) седьмого созыва 13 сентября 2020 г. в одномандатных округах из 220 выдвигавшихся кандидатов только 16 (7,3%) на день голосования не достигли 30-летнего возраста, при этом 5 из них не прошли стадию регистрации. Такие парламентские партии, как «Единая Россия» и КПРФ, молодых кандидатов в округах не выдвигали, 1 кандидата поддержала «Справедливая Россия». У ЛДПР данному критерию соответствовали 7 кандидатов, при явном гендерном преобладании женщин (6 из 7), 3 из них заняли вторые места в своих округах. Не прошли регистрацию в округах кандидаты партии «Новые люди», успешно прошедшей в Заксобрание по партийному списку. Из трех зарегистрированных кандидатов-самовыдвиженцев к рассматриваемой возрастной группе относился один. Никто из молодых кандидатов не победил в своем округе². Показательно, что эти результаты по одномандатным округам по основным параметрам полностью соответствуют и представительству молодых кандидатов на выборах 2015 г.³

Из выдвигавшихся по партийным спискам 983 кандидатов 30-летнего возраста не достигли 115 (11,7%). Лидирующие по итогам голосования партии «Единая Россия» и КПРФ включили в списки весьма ограниченное количество молодых кандидатов (2 из 150 и 7 из 132 соответственно). Схожую позицию демонстрировала и «Справедливая Россия» (2 из 63). Из парламентских партий значимая доля кандидатов до 30 лет была представлена в списках

² Сведения о списке кандидатов, выдвинутых по одномандатным округам. Выборы депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области седьмого созыва // Сайт избирательной комиссии Новосибирской области. URL: http://www.novosibirsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/novosibirsk?action=show&root=1&tvd=25420001876700&vrn=25420001876696®ion=54&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=25420001876696&type=220 (дата обращения: 20.10.2020).

³ Сведения о списке кандидатов, выдвинутых по одномандатным округам. Выборы депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области шестого созыва // Сайт избирательной комиссии Новосибирской области. URL: http://www.novosibirsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/novosibirsk?action=show&root=1&tvd=25420001076579&vrn=25420001076574®io=54&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=25420001076574&type=220 (дата обращения: 20.10.2020).

ЛДПР (11 из 49)⁴, в связи с чем молодым депутатом ЗСНО стала выдвиженец данной партии А.А. Александрова. Наибольшее же представительство кандидаты до 30 лет получили в списках партийных проектов «Новые люди» и «Зеленые» (около 1/3), а также в незарегистрированном списке партии «Прямой демократии». Прохождение в новосибирское Заксобрание партии «Новые люди» обеспечило мандат еще одному молодому депутату – возглавлявшей список 23-летней Д.Н. Карасевой.

На уровне двух депутатских мандатов был результат молодых кандидатов и на выборах 2015 г. (по одному представителю от «Справедливой России» и ЛДПР), хотя формально доля молодых кандидатов в выдвигаемых списках доходила до 26,4% (440 из 1670 в 15 партийных списках). Сравнение этого показателя между зарегистрированными списками (22,6%) и не прошедшими данную стадию избирательной кампании (30%) позволяет говорить зачастую о формальном наполнении списков кандидатами до 30 лет. Так, например, в списке партии «Народный альянс» указанных кандидатов было 68%, однако они даже не проживали в регионе проведения выборов⁵. Гораздо меньше был показатель молодых кандидатов в списках партий, прошедших в Заксобрание области, – 12,2%, что уже всего на четверть расходится с соответствующим показателем 2020 г. (9,2%).

Схожую позицию политических партий по выдвижению кандидатов в возрасте до 30 лет демонстрируют выборы в Алтайское краевое Законодательное Собрание (АКЗС) 2016 г.: молодые кандидаты составляли 13% во всех партийных списках и 11,5% в списках партий, допущенных к распределению мандатов. В одномандатных округах было зарегистрировано 11 кандидатов до 30 лет. Ни один из них, как и в Новосибирской области, выборы не выиграл. Итог же участия молодых кандидатов в краевых списках партий оказался намного лучше – 5 депутатских мандатов (7,4% от состава АКЗС против 2,6% в ЗСНО)⁶. Существенное влияние на данный результат оказала попытка

⁴ Сведения о списке кандидатов, выдвинутых политическими партиями. Выборы депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области седьмого созыва // Сайт избирательной комиссии Новосибирской области. URL: http://www.novosibirsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/novosibirsk?action=show&root=1&tvd=25420001876700&vm=25420001876696®ion=54&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=25420001876696&type=220&report_mode=1 (дата обращения: 20.10.2020).

⁵ Сведения о списке кандидатов, выдвинутых политическими партиями. Выборы депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области шестого созыва // Сайт избирательной комиссии Новосибирской области. URL: http://www.novosibirsk.vybory.izbirkom.ru/region/region/novosibirsk?action=show&root=1&tvd=25420001076579&vm=25420001076574®ion=54&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=25420001076574&type=220&report_mode=1 (дата обращения: 20.10.2020).

⁶ Сведения о списке кандидатов, выдвинутых политическими партиями. Выборы депутатов Алтайского краевого Законодательного Собрания седьмого созыва // Сайт избирательной комиссии Алтайского края. URL: <http://www.altai Terr.vybory.izbirkom.ru/region/region/altai Terr?action=show&root=1&tvd=22220001271944&vm=22220001271939®ion=22&glob>

регионального отделения «Единой России» смягчить имиджевый кризис партии в крае (самый низкий результат за партию в стране на парламентских выборах 2016 г.) за счет формирования «Молодежной команды Единой России» из кандидатов в возрасте до 35 лет.

Таким образом, молодые кандидаты оказываются востребованы как кадровый ресурс в новых либо «спящих» между электоральными циклами партийных проектах, где получают шанс оказаться на региональных выборах не только в качестве кандидатов-статистов, однако их электоральные перспективы существенно ограничены и условны из-за незначительной ресурсной базы этих партий. Из парламентских партий лишь ЛДПР последовательно соблюдает высокую пропорцию молодых кандидатов, что позволяет ей делать заявления о наличии реальной поддержки в молодежной среде, однако итоги выборов и фракционное представительство в регионах не обеспечивают данной партии существенный вес в региональной политике.

В то же время анализ результатов выборов подтвердил проявившееся в экспертном опросе влияние региональной ситуации на карьерные возможности молодежи в политике. Если эксперты из Алтайского края согласованно отмечали наличие в нем вертикальных лифтов для молодежи, приводя примеры депутата Государственной Думы Н.С. Кувшиновой, депутатов АКЗС, руководителей региональных отделений партий и т.д., то новосибирские участники экспертного опроса давали противоположные оценки: *«В основном поднимаются до среднего менеджмента в районных администрациях». ...На областной уровень молодежь не выйдет никогда, т.к. лифты не работают. У ребят не хватает ресурсов»* в связи с очень высокой ценой политики. *«Молодежь хочет видеть гарантии политического будущего, а их нет».*

Также новосибирские эксперты выделили еще одну причину нежелания молодежи в экономически развитых регионах делать политическую карьеру: *«...Успешные ребята уходят в бизнес, т.к. им не нужна эта бюрократия и интриги. Раньше на госслужбу шли за стабильностью, но сейчас она привлекает далеко не всех. Сейчас готовы идти в политику только состоявшиеся в бизнесе 30-летние, экономически себя защитившие. Но они идут туда не из-за амбиций, а со здравым мышлением что-то поменять, что-то делать хорошо».*

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что российская политическая практика на современном этапе, несмотря на все декларации, не нацелена на рекрутирование молодых кадров в состав региональных политических элит. Существующие кадровые лифты ограничиваются карьерами в молодежных политических организациях. Дальнейшая же вертикальная

al=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=0&vibid=22220001271939&type=220&report_mode=1
(дата обращения: 20.10.2020).

мобильность носит единичный и ситуативный характер, демотивируя молодежь участвовать в деятельности политических институтов. Рациональное мышление современных молодых людей требует от политических субъектов создания понятной и прозрачной системы карьерных траекторий на основе соотношения «затраченные усилия – результат», а также гарантированных квот для молодежи на выборах и в государственной службе, о необходимости введения которых в 2020 г. заявили как опрошенные эксперты, так и 17,7% респондентов в Алтайском крае и 20,0% в Новосибирской области.

Поступила в редакцию / Received: 15.09.2020

Принята к публикации / Accepted: 12.11.2020

Библиографический список

- Барсегян В. М.* Межпоколенная социальная мобильность молодых политических активистов: уровень, интенсивность, факторы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 1. С. 179–190.
- Бурцев С. А.* Дискурс лидерства в российской молодежной среде: потенциал вертикальной социальной мобильности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2018. Вып. 4 (229). С. 103–111.
- Быстрова А. С., Даугавет А. Б., Дука А. В., Колесник Н. В., Невский А. В., Тев Д. Б.* Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 24–66. DOI: 10.31119/pe.2019.6.2.2
- Голобоков А. С., Тюгаев А. Р.* Особенности и проблемы карьеры современной российской молодежи // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 2. С. 238–241.
- Красавина Е. В.* Сужение каналов вертикальной мобильности как фактор распространения имитационных стратегий среди молодежи // Научная мысль Кавказа. 2013. № 2. С. 46–50.
- Лагутин О. В.* Особенности политических карьер в исполнительной и законодательной власти на региональном уровне // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. № 1. С. 99–115.
- Лагутин О. В.* Факторы формирования моделей карьер региональной административно-политической элиты // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2014. № 3. С. 63–78.
- Гаман-Голутвина О. В.* Политика как управление, управление как политика: рекрутирование лидеров и элит в современном мире (Двадцать девятое Губернаторские чтения. Тюмень, 6 июня 2017 г.) // Полития. 2017. № 3. С. 154–180. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-86-3-154-180
- Попова О. В.* Карьерные стратегии субфедеральных политических элит // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2013. Вып. 1. С. 49–56.
- Попова О. В., Лагутин О. В.* Политические настроения молодежи: лояльность или протест? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619
- Римский В. Л.* Социальные институты и практики, определяющие политические карьеры в регионах и муниципальных образованиях современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. № 1. С. 52–72.
- Рыжков С. И.* Политическая карьера молодого провинциала // Аллея науки. 2018. № 3. С. 120–125.
- Сушко П. Е.* Особенности карьерных стратегий политически активной молодежи современной России // Теория и практика общественного развития. 2018. № 2. С. 9–13.

- Шарапов А. В. Электоральная активность молодежи в 2000-е гг. в Алтайском крае // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 8 (100). С. 248–252.
- Шентякова А. В. Мотивация и стратегии построения карьеры представителей региональной элиты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 2. С. 111–119.
- Шентякова А. В. Проницаемость каналов рекрутирования в политическую элиту // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2015. Вып. 3. С. 46–56.
- Ekpe I. Factors Impacting on Youth's Leadership Participation in Malaysia: Social Media, Social Groups or Government Policies? // *Polish Journal of Management Studies*. 2017. Vol. 16. № 1. P. 21–31. DOI: 10.17512/pjms.2017.16.1.02
- Kahne J., Middaugh E. Digital Media Shapes Youth Participation in Politics // *Phi Delta Kappan*. 2012. Vol. 94. № 3. P. 52–56. DOI: 10.2307/41763677
- Martinez M. L., Loyola L. I., Cumsille P. Quality of Participation in Youth Organizations: Relationships With Identity and Sense of Sociopolitical Control // *Youth & Society*. 2017. Vol. 49. № 7. P. 968–993. DOI: 10.1177/0044118X15604341
- Ос В., Башшур М. Р. Followership, Leadership and Social Influence // *The Leadership Quarterly*. 2013. Vol. 24. № 6. P. 919–934. DOI: 10.1016/j.leaqua.2013.10.006

References

- Barsegyan, V. (2015). The intergenerational social mobility of young political activists. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 1, 179–190. (In Russian).
- Burtsev, S. A. (2018). Leadership discourse among the Russian young people: Potential of vertical social mobility. *The Bulletin of the Adyge State University, the series "Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology"*, 4(229), 103–111. (In Russian).
- Bystrova, A., Daugavet, A., Duka, A., Kolesnik, N., Nevskiy, A., & Tev, D. (2019). Institutionalization of the political elite: Sources of recruitment and career. *Power and Elites*, 6(2), 24–66. DOI: 10.31119/pe.2019.6.2.2. (In Russian).
- Ekpe, I. (2017). Factors impacting on youth's leadership participation in Malaysia: Social media, social groups or government policies? *Polish Journal of Management Studies*, 16(1), 21–31. DOI: 10.17512/pjms.2017.16.1.02. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O. V. (2017). Policy as public administration, public administration as policy: Recruiting leaders and elites in contemporary world (Twenty-Ninth Gubernatorial Readings. Tyumen, June 6th, 2017). *Politeia*, 3, 154–180. DOI: 10.30570/2078-5089-2017-86-3-154-180. (In Russian).
- Golobokov, A. S., & Tyugaev, A. R. (2017). Features and problems of the career of modern Russian youth. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Management*, 6(2), 238–241. (In Russian).
- Kahne, J., & Middaugh, E. (2012). Digital media shapes youth participation in politics. *Phi Delta Kappan*, 94(3), 52–56. DOI: 10.2307/41763677. (In Russian).
- Krasavina, E. V. (2013). Narrowing the channels of vertical mobility as a factor in the spread of imitation strategies among young people. *Scientific Thought of the Caucasus*, 2, 46–50. (In Russian).
- Lagutin, O. V. (2013). Features of political careers in the executive and legislative power at the regional level. *Political Expertise: POLITEX*, 1, 99–115. (In Russian).
- Lagutin, O. V. (2014). Factors of the formation of career models of the regional administrative-political elite. *Political Expertise: POLITEX*, 3, 63–78. (In Russian).
- Martinez, M. L., Loyola, L. I., & Cumsille, P. (2017). Quality of participation in youth organizations: Relationships with identity and sense of sociopolitical control. *Youth & Society*, 49(7), 968–993. DOI: 10.1177/0044118X15604341. (In Russian).

- Ос, В., & Bashshur, M. R. (2013). Followership, leadership and social influence. *The Leadership Quarterly*, 24(6), 919–934. DOI: 10.1016/j.leaqua.2013.10.006. (In Russian).
- Popova, O. V. (2013). Career strategies of subfederal political elites. *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, 1, 49–56. (In Russian).
- Popova, O. V., & Lagutin, O. V. (2019). Political views of the youth: loyalty or protest? *RUDN Journal of Political Science*, 21(4), 599–619. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-4-599-619. (In Russian).
- Rimsky, V. L. (2013). Social institutions and practices that determine political careers in the regions and municipalities of modern Russia. *Political Expertise: POLITEX*, 1, 52–72. (In Russian).
- Ryzhkov, S. I. (2018). Political career of a young provincial. *Alley of Science*, 3, 120–125. (In Russian).
- Sharapov, A. V. (2011). Electoral activity of youth in the 2000s in the Altai Territory. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 8(100), 248–252. (In Russian).
- Shentyakova, A. V. (2014). Motivation and career building strategies for representatives of the regional elite. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Philosophy. Culturology. Political Science. Law. International Relationships*, 2, 111–119. (In Russian).
- Shentyakova, A. V. (2015). Permeability of recruitment channels into the political elite. *Vestnik of Saint Petersburg University. Political Science. International Relations*, 3, 46–56. (In Russian).
- Sushko, P. E. (2018). Features of career strategies of politically active youth in modern Russia. *Theory and Practice of Social Development*, 2, 9–13. (In Russian).

Сведения об авторах:

Асеев Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Алтайского государственного университета (e-mail: suass@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-1095-4038).

Шашкова Ярослава Юрьевна – доктор политических наук, зав. кафедрой политологии Алтайского государственного университета (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-6126-7097).

About the authors:

Aseev Sergey Yurievich – PhD in Historical Science, Associate Professor of the Department of Political Science, Altai State University (e-mail: suass@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0003-1095-4038).

Shashkova Yaroslava Yurievna – Doctor of Political Science, Head of the Department of Political Science, Altai State University (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID ID: 0000-0002-6126-7097).